
АЛЕКСАНДР БУЛГАКОВ

**ЕВРЕЙСКИЕ МОЛИТВЫ
ДЛЯ НЕЕВРЕЕВ**

Воронеж • 2011 • Кварта

УДК 26–534.3

ББК 86.33

Б 90

В оформлении обложки использованы
гравюры Гюстава Доре

Булгаков Александр
Еврейские молитвы для неевреев. – Воронеж: «Квар-
та», 2011. – 128 с.

ISBN

УДК 26–534.3
ББК 86.33

ISBN

© Булгаков А., 2011
© Оформление, Кварта, 2011

В последние дни пребывания в Хайфе мне каким-то образом показалось, что я ещё буду продолжать тему иудео-христианского диалога. Я сказал об этом предощущении Володе Фельдгуну, на что он с уверенностью ответил: «Значит, напишешь ещё».

Ему я и посвящаю эту книгу.

В НАЧАЛЕ БЫЛО... НАЧАЛО

Многое происходит как будто случайно, хотя – когда разберёшься – потом выясняется, что это «многое» закономерно и имеет свои последствия.

Синагога для города – явление уникальное: построена была в самом начале 20-го столетия в стиле средневекового восточного зодчества; первое богослужение состоялось в 1903 году. По нынешнему времени она располагается в самом центре города, сзади областной администрации. Само здание описывать бесполезно, – только глаз может оценить архитектурную красоту. А ведь было ещё время фашистской оккупации... И как это нацисты не стёрли её с лица земли во исполнение «окончательного решения еврейского вопроса»? Не иначе – Бог милывал. Потом, правда, были долгие годы использования под склады «Текстильторга». А в постсоветские годы демократизации синагога была возвращена еврейской общине. И вот уже развёрнуты и успешно функционируют различные программы: культурный центр, благотворительный центр, молодёжный клуб, агентство для желающих переехать в Израиль. Ну и конечно, – синагога без этого просто не синагога, – религиозная община, где регулярно при наличии обязательного миньяна (десяти молящихся евреев) проходят богослужения, которые ведёт кантор.

Алексей Григорьевич выходил из синагоги, где закончилась субботняя служба и была традиционная субботняя же общая трапеза. Едва успел он снять кипу и выйти за ворота, как его кто-то окликнул. Окликнувшим был настоятель лютеранской кирхи Павел Марахов, с интересом глядывавшийся в лицо уважаемого им человека, открытого для многих религиозных убеждений. Но молиться в синагоге? Христианину?

Алексей Григорьевич был богословом, умудрившимся уже в советские времена многое знать, несмотря на жёсткие атеистические условия; слова этого – «богослов» – он почему-то не любил и никогда публично не применял к себе. А пристало это слово к нему, как ни

странно, с университета. В конце восьмидесятых годов теперь уже прошлого века в одном вузе проходил странный диспут между баптистами и физиками. Станным он показался Алексею Григорьевичу потому, что уж очень неравная была «весовая категория», это было «избиение младенцев». Баптисты, молодые ребята, были полны энтузиазма от открывшейся возможности – когда это бывало раньше, при «советах»-то? – поведать научным стенам библейские истины; увы, они плохо представляли себе возможную аргументацию стороны оппонентов, сами же в научности были плохо подкованы. Физики «китайскими приседаниями» этикета себя не обременяли, шли напрямую; и хотя их доводы тоже были не так уж убедительны (сказывалась неосведомлённость в библейских основах), но преимущество было явно на их стороне. Баптисты же полагали, что они «закидают шапками» университетских, и Алексею Григорьевичу этих молодых верующих было жалко; даже не лично их, а их христианское убеждение, которое они не сумели достойно представить аудитории. В конце диспута он подошёл к физикам и предложил им провести очередной «раунд» с ним. Воздух в стране стоял вольный – как-никак, а демократизация, и ребята с охотой согласились. Но с кем они имеют дело? Как писать в афише? К этому не был готов сам Алексей Григорьевич: ну написать ФИО, и что? Мало ли в городе «Иваныванычей»? Тогда он сказал, что имеет богословское образование, – а это уже было интереснее. «Ну мы «богослов» и напишем», – предложили физики; так в афишах и значилось. Диспут прошёл достойно. Как говорилось в советское время, «победила дружба»; со своим оппонентом, преподавателем с кафедры философии, они после многие годы были весьма взаимно любезны, причём – искренно, но «богослов» так и пристал к фамилии Алексея Григорьевича.

То были добрые времена, хотя очень короткие, – и это он предчувствовал, – когда, после тоталитарного атеистического режима, везде был здоровый интерес к вопросам Веры, к религиозным убеждениям, и его приглашали... Да куда только ни приглашали? и в вузы, и в НИИ, и в рабочие коллективы. Так получилось, что с городом говорить на религиозные темы на грамотном понятийном языке было, как ни странно, некому. Были встречи вроде того диспута, но у верующей стороны не хватало запаса светских знаний, – а ведь слушатели всё же были образованные. Верующие же вышли из советского времени, сильные лишь духовным опытом, но не знанием, и в том их

вины не было: советская власть не давала им возможность учиться в вузах; даже в училищах, вроде медицинских, и то не давала. Алексей же Григорьевич Промыслом Божьим получил и высшее образование, хотя всегда уточнял, что его пример – чистое исключение из правил. И к новым временам всё это оказалось кстати, было востребовано. Стоит только вспомнить «Евангельские чтения», которые он вёл в течение всего семестра во втором корпусе университета в аудитории №40 – самой вместительной. Эти «Чтения» были открытыми как для студентов и преподавателей, так и для любого желающего. Теперь, когда личный архив был потерян по независящим от него причинам, Алексей Григорьевич вспоминал, сколько записок с самыми различными вопросами было подано на этих встречах в желании получить ответ. Были вопросы предметные, т.е. конкретные, а были и наивные, – но во всём чувствовался здоровый интерес к духовным запросам жизни, к вечным вопросам бытия. В бурные и короткие годы так называемой демократизации он оказался настолько известен городу, что тогдашние газеты с охотой печатали его статьи; были авторские теле- и радиопередачи. Конечно же, он оказывал посильную помощь и различным религиозным общинам, потому что те не были готовы к условиям религиозной свободы. Образовывались новые приходы, и пасторы (ну что поделаешь? – пасторы, а не пастыри, по доброму русскому понятию) просили у него помощи в духовном становлении своих общин. И трудно сказать, каким словом назвать то взаимоотношение с Павлом Мараховым, настоятелем лютеранской общины: братья ли в Господе, или приятели? Да это ли главное?

Отец Павел был заметно удивлён: «Вы – отсюда? Из синагоги? А как называется этот кружочек, который Вы только что сняли с головы?». Ему было непонятно, что привело этого уважаемого человека в столь необычное место. Отец Павел знал, что Алексей Григорьевич спокойно и с пониманием воспринимает множество различий между христианскими конфессиями. Но синагога – это ведь не христианство!

– «Видите ли, отец Павел, сейчас кто-нибудь на моём месте ответил бы штампом: «мы обречены жить вместе»..., ну и прочее. Как я не люблю эту шаблонность. Лучше скажу проще: волей Божьей мы живём в каждодневном пересечении с еврейским миром; его влияние сказывается в культуре, в науке, в развитии истории человечества,

– это при всём том, что численностью-то он был всегда незначителен в процентном соотношении с окружающим населением. Очень многие христиане этому не придают особого значения, но ведь исповедуемое ими учение во многом обязано иудаизму. Мы как-то легко, не утруждая себя вникнуть в суть, говорим, что иудаизм – это «Ветхий Завет», это всего лишь остатки безвозвратно прошлого, а вот мы – «Новый Завет», и за нами будущее. Но это, – в этом моё убеждение, – неверное мышление. Мы просто не знаем, что же такое «иудаизм». Незнание порождает невежество и самодовольство. Мне же хочется знать, поэтому я и бываю в синагоге».

– «Но что Вам дают их богослужения? – я так правильно сказал? Да и могут ли они что дать Вам, уже устоявшемуся христианину? Насколько я припоминаю, Ваш духовный опыт насчитывает несколько десятков лет. Помнится, Вы рассказывали о своём отце, многолетнем служителе в Церкви...».

– «Да и мой дед сложил голову за Веру Христову. Кстати, Вы, отец Павел, будете удивлены, если я скажу, что он был взят НКВД из той кирхи, которая была возвращена недавно Вашему приходу».

Настоятель не мог скрыть своего изумления:

– «Что? Ваш дед был лютеранином?».

Алексей Григорьевич слегка покачал головой:

– «Нет, мой дед был из евангельских христиан, хотя уверовал – вот совпадение! – на лютеранской земле, в Финляндии, когда ещё в царское время служил там в морфлоте. Но в годы «ежовщины» лютеранской общины в нашем городе уже не было, – вот власти и предоставили евангельским христианам кирху. Как видите, всё понятно.

Но это и не единственный случай. Нашей общине ещё задолго до кирхи предоставляли для богослужений и здешний православный женский монастырь. Знаете, там, у водохранилища? Он тогда пустовал. А после войны – был прекрасный польский костёл...».

– «Костёл? У нас нет костёла».

– «Сейчас уже нет, к позору и бесславию тогдашних партийных руководителей. Видно, Вы не коренной житель нашего города, раз не знаете об этом. Его взорвали в 62-м году. Представляете? – костёл выстоял в ужасных боях с фашистами, когда весь город был в руинах, а коммунистического маразма не выдержал».

– «Да где он стоял?».

– «А неподалеку от вокзала, на одну остановку ближе к центру»;

хотя трамваев уже нет, но остановка по-прежнему называется «Комиссаржевская». На углу старая аптека в безликой «хрущёвке»; этого дома не было, а стоял костёл, только немного вглубь от «красной линии».

– «Почему же было столько скитаний у вашей общины? Ведь ей без малого сто лет».

Алексей Григорьевич как-то тепло взглянул на собеседника:

– «Вы осведомлены? Да, сто лет... Община образовалась, как трудно догадаться, ещё до Октябрьского переворота. Таких, как она, тогда в России было много, но все они были гонимы правящей православной Церковью; гонимы жестоко, без всякого намёка на христианское милосердие. Мне как человеку, в известной мере причастному к тому явлению хотя бы в смысле преемственности, эта тема небезразлична, и я этого не скрываю. К тому же, и моя докторская монография была написана об этом. Меня здесь нужно останавливать, иначе я могу Вам поведать такое... Скажу лишь в двух словах: за уклонение от православия – «лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу», – это лейтмотив Законов Российской Империи, касавшихся религиозной жизни населения. Последнее же было по рождению православным, и инакомыслия не допускалось. Но жизнь нельзя было остановить, и неправославных христиан, по некоторым подсчётам тогдашних учёных, было около четырнадцати миллионов. Это было очень разноликое религиозное движение, и евангельские христиане – оттуда. Все были бедны, были ограничены и их возможности, своих культовых зданий не было. Но с приходом новой власти жизнь стала намного легче, – каких только парадоксов не бывает в истории. Хотя большевики были откровенными безбожниками, но они на каторгах и в тюрьмах видели наших прадедов, гонимых Православием.

Зная, почём фунт лиха, они и предоставили религиозную свободу вчерашним преследуемым. Поэтому-то я и называю Вам некоторые «адреса», которыми пользовалась наша община. И только в 1972 году(!) община обретёт, наконец-то, своё собственное помещение; скромное, тесное, но своё. Однако, встретив меня сейчас, Вы спрашивали о чём-то другом...».

Настоятель кивнул головой:

– «Да, мне всё же непонятно Ваше внимание к синагоге. Судя по тому, что Вы на выходе сняли с головы..., как это называется?».

– «Кипа, с ударением на второй слог. Не спутайте с кипой бумаги».

– «Так вот: если Вы там надеваете кипу, то посетитель Вы постоянный?».

Алексей Григорьевич отвечал не сразу; видно было, что он подбирает слова. Ответ подтвердил догадку.

– «Видите ли, отец Павел, мне нужно изъясниться без лишних слов и в тоже время предельно ясно, – ведь здесь можно много чего сказать. Да, я там не праздный посетитель, Вы правильно подметили. Мне бы лучше подошло слово «молящийся», – я ведь действительно вникаю в суть их молитв (благо, что они есть там в переводе), а их молитвы таковы, что они созвучны моему христианскому духу. Меня влечёт туда глубокое уважение к иудаизму и долг. Знаете, есть некоторые христианские общины, которые как-то показушно любят Израиль; они это демонстрируют направо и налево. И один из еврейских деятелей, – уж не помню, кто, – так тот сказал прямо: «Не нужно нас любить, надо хотя бы уважительно к нам относиться».

– «Но долг! Чем Вы им задолжали? Извините, вопрос получился бестактный и прозвучал не в той тональности».

Алексей Григорьевич испытующе вглядывался в своего знакомого: «Нет, вопрос не из ёрничества».

– «Да ничего, бывает, что и не так спросишь. Я попробую ответить. Уважение к иудаизму считаю само собой разумеющимся уж хотя бы потому, – Вам это легче понять, – что мы иудаизму обязаны слишком многим, хотя этого часто не замечаем. Не хочу вдаваться в подробности, но разве Библия для всего многоликого христианства – не еврейский дар миру? Из Библии выросла европейско-американская цивилизация. А долг... Здесь опять просятся многие слова, и трудно разом объяснить, да и не бульварная это тема. Я имею в виду долг порядочности. Разве вы не знаете, сколько дурного сделала Церковь своим христианским антисемитизмом? Вы же не обычный прихожанин, вы должны были проходить в процессе обучения в семинарии историю Церкви».

– «Этот предмет есть во всяком христианском учебном заведении. Но вопрос антисемитизма там не освещён. О противостоянии Церкви иудаизму в самых первых веках её истории что-то говорится. А потом и вовсе всё затихает».

– «И в этом большое упущение. Если бы в семинариях в курс по истории Церкви включили беспристрастный материал, – а он есть, и он обширный, – по отношению христиан разных стран к евреям, то, уверен, не у меня одного было бы сознание долга хоть что-то сделать, чтобы искупить вину за антисемитизм».

Наступила неопределённая пауза. Наконец отец Павел её прервал:

– «Да, я знаю. Основатель нашей конфессии Мартин Лютер оставил нам в своём письменном наследии конкретные примеры своего антисемитизма».

– «Будем честны, отец Павел: агрессивного и злобного антисемитизма. Не хочется повторять его гнусные по мерзости пассажи в адрес евреев. Впрочем, не будем увлекаться. Повторю: это не тема для случайной встречи. Да пора и раскланываться».

Настоятель улыбнулся:

– «Мне всегда нравился в Вас лёгкий налёт архаизма. Ну вот кто сейчас скажет «раскланываться»? Бросят коротко «Пока», коротко и расстанутся. У меня возникла идея... Впрочем, это что-то мимолётное, неясное ещё мне самому, так что не стану говорить. Что ж, как Вы говорите, будем раскланываться».

Всего вам хорошего».

– «Храни Господь».

* * *

Прошло какое-то время – не более месяца, – и в квартире Алексея Григорьевича просигналил телефон. Жена взяла трубку:

– «Вас слушают».

– «Если это квартира Алексея Григорьевича, то можно ли с ним поговорить?».

– «Представьтесь, пожалуйста».

– «Простите, я должен был сам это сделать наперёд. Меня зовут отец Павел; я настоятель лютеранского прихода в кирхе».

– «Кирху знаю, мы живём в десяти минутах ходьбы от неё. Мужа дома нет. Что-то передать ему?».

– «Прежде всего передайте привет от меня и мою просьбу: если он сможет завтра до обеда хотя бы на несколько минут зайти к нам, то я буду ему благодарен. Чтобы не интриговать, скажу, что у меня есть к Вашему мужу деловое предложение».

– «Конечно, я передам ему всё, что Вы сказали. Вечером».

– «Спасибо большое».

– «Всего доброго».

Вечером, услышав от жены о телефонном разговоре, Алексей Григорьевич был несколько удивлён.

Хотя и были они с настоятелем знакомы, но не настолько, чтобы у них были какие-то общие дела. Когда несколько лет назад городские власти передали кирху общине, он там был на освящении. Почему-то никого из представителей других конфессий не было, хотя на освящение приглашаются многие. Возможно, потому, что приход образовался совсем недавно, и его мало кто знал. От городской администрации тоже не было никого из ответственных лиц. Так, были какие-то лица по связям с общественностью, имена которых ничего не говорили. Всё было весьма скромно.

Передача кирхи лютеранской Церкви было для Алексея Григорьевича новостью неожиданной. Он знал, что в её помещении в течение длительного времени располагалось головное предприятие «Горсвета», что там внутри всё перестроено под специфические функциональные нужды. Он слышал, что образован лютеранский приход; потом, познакомившись в методистской общине, отец Павел пригласил его на их богослужение, которое проходило в каких-то заводских кварталах в двухэтажном здании, – то было списанное с баланса ветхое общежитие. Заводы тогда закрывались, и лишний груз руководству был ни к чему. Можно себе представить, в каком состоянии досталось это помещение приходу. Но «глаза боятся, а руки делают», – и какой-никакой порядок всё же навели в небольшом зале (может быть, это был традиционный для советского времени «красный уголок?»). И вот такое резкое изменение: лютеранам, этой маленькой общине, передали, как говорится – по принадлежности, здание кирхи, обязав «Горсвет» освободить здание. В городе проводили богослужения самые различные христианские общины, образовавшиеся уже в постсоветское время, – и вот прошло уже двадцать лет, но что-то не было слышно, чтобы кому-то предоставили помещение. А ведь эти общины вовсе не были новоявленными: они входили в каноническую юрисдикцию конфессий, существовавших в России уже давно, ещё при «Советах», а то и раньше.

На следующий день, сделав неотложные текущие дела, Алексей Григорьевич с каким-то добрым, ещё не осознанным ощущением увидел, что ему до обеда удастся посетить кирху.

Отец Павел был на месте и, конечно, прежде всего показал, что сделано за последнее время, чтобы по возможности убрать оставшиеся перегородки, которые прежним владельцам были нужны из производственных соображений; теперь же они были просто ни к чему. Благодаря проделанной работе, – надо воздать должное энергичности настоятеля, – молитвенный зал стал более широким, хотя многого до сих пор не хватало. Алексей Григорьевич ещё с порога понял, чего не хватало. Высоты над головой!

Ведь высота зала была в два раза выше, это без труда можно было предположить по архитектуре. Но «прежние» поделили её надвое, сделав таким образом внутри два этажа. Возможно, для внутренних потребностей «Горсвета» это было оправданно, но для культового предназначения стало уродством.

Если же сейчас всё это демонтировать, – объяснял настоятель, – то слишком много чего надо менять капитально. Для этого надо заказывать техническую экспертизу, смету на реконструкцию. А приходится весьма небольшой, в финансовом отношении не потянет. Впрочем, – добавил он, – те несколько комнат, что сделаны над залом, пригодятся для различных церковных программ.

Алексей Григорьевич отметил с сожалением, что вот и здесь укоренились современные, но не свойственные российской церковной жизни слова: «программы», «пасторы», «лидеры». «Что ж делать, от западного влияния нигде не укроешься», – подумал он.

Присели друг против друга прямо в зале. Не было никого, и было уютно. Зал был небольшой, и это нравилось Алексею Григорьевичу: ни помпезности, ни чрезмерного убранства он не любил нигде. Сама кирха была дореволюционной постройки (строительство началось в 1911 году), и хотя внешне она не выделялась какими-либо особенными архитектурными изысками, но вызвала тёплые чувства. Здесь, чуть-чуть наискосок напротив, жил в первой половине 19-го столетия поэт Иван Никитин; сохранился и дом, ставший теперь уже мемориалом. Как он смог сохраниться во время войны, трудно было сказать. Впрочем, об этом думалось и по отношению к кирхе с её добротными стенами (устояли и перед фашистами, и перед коммунистами), – так что городской шум доходил сюда слабо. Да и располагалась кирха хоть и в центре, но не на магистральной улице, а перпендикулярная улица, – кирха стояла на углу, – вообще была пешеходной, непроезжей.

Алексей Григорьевич из тактичности не торопился спрашивать о цели встречи, но настоятель и не тянул время.

– «Помните нашу встречу у синагоги? Я в конце нашего случайного разговора, – впрочем, вряд ли он был случайным, – чуть было не проговорился о возникшей идее, но сдержался и правильно сделал. Дело вот в чём. Знаете ли Вы, что у нас в городе существует межконфессиональный Совет?».

– «Я слышал, что он состоит из пасторов общин разных конфессий города. Кое с кем я знаком. Если бы я хоть однажды побывал на этом Совете, то наверняка убедился бы, что знаю и большее число пасторов. Но повода быть на подобных встречах не было. А праздным любопытством я не страдаю».

– «Я хочу сказать, Алексей Григорьевич, что межконфессиональный Совет пользуется этим залом, где мы сейчас с Вами сидим. Он очень удобен в транспортном отношении, а это на сегодняшний день очень важно при чрезмерной загруженности городских улиц. Что говорить: у некоторых общин помещения намного комфортнее, но я предложил свои услуги, и пасторы как-то без долгих раздумий пришли к общему мнению, что встречаться здесь весьма хорошо».

– «Это всё интересно. Но к чему Вы мне рассказываете про Совет? Моя духовно-интеллектуальная деятельность за последние годы целиком направлена на исследовательскую работу, я пишу книги. Хотя сказано слишком громко; моё писание – совсем не конвейер, на котором штампуются печатная продукция на потребу публике. За три-четыре года одна книга... Впрочем, я не туда пошёл. Так к чему Вы, отец Павел, упомянули о вашем Совете?».

– «Мы иногда проводим семинары для Совета – своими силами или с привлечением специалистов».

Ведь если вынести за скобки догматические особенности, то общих или схожих проблем много: это проблемы семьи, социальное служение, это алкогольная и наркотическая зависимость. А проблемы с молодёжью? И вот после нашей встречи я предложил на Совете то, что мне тогда пришло как идея: пригласить Вас и провести семинар на тему иудео-христианских отношений. Я, знаете, как-то проникся тогда самим настроением Ваших слов, их искренностью, – хотя самому мне до сих пор многое непонятно. Мне подумалось, что ведь обозначенная тема в христианских кругах – белое пятно. И это при всём том, что ведь мы говорим не о буддизме, а именно о хри-

стианстве, где разбираться-то должны в этих вопросах гораздо лучше. Не могу сказать, что все пасторы загорелись моей идеей, но есть среди них некоторые, кто меня убеждённо поддержал. Выяснилось при обсуждении, что эта тема как-то смутно домысливалась, но не осмысливалась, – и моё предложение при поддержке этих «некоторых» было принято. Мне поручено передать Вам, что Совет хочет провести с вами своего рода семинар на заданную тему».

– «Но каким образом?».

– «Через две недели у нас будет читать лекции психолог по проблемам реабилитации лиц, недавно освободившихся из мест отбывания наказания, проще говоря – из тюрем. Мы могли бы так скомпановать время, чтобы заключительный час в течение всей недели предоставить Вам».

– «Отец Павел, моя тема – не какая-то, чтобы её проводить как бы между прочим. Смогут ли пасторы перенастроиться – здесь же – на иную тему? Не будет ли это профанацией? Ведь ни мне, ни Вам предложенный вашим Советом ежедневный «час» не нужен ради формальной отчётности...».

Собеседник поспешил выразить уверенность:

– «Что Вы! Я уверяю Вас в своём личном уважении. Это никак не будет выглядеть пренебрежительно по отношению к Вам».

– «Да я не о своём имени забочусь, хотя, к слову сказать, совсем не на всякое предложение соглашаюсь. Вот недавно я буквально за пару минут до выхода в эфир ушёл из телестудии; уже все операторы были готовы, и «картинка» была, ведущий передачи уже собирался входить «в кадр». А причина была в том, что нам в пару – мне и ещё одному учёному-социологу – посадили странного типа, репутация которого была, мягко говоря, сомнительна. Я сейчас не хочу всё это объяснять, но я ушёл потому, что мне не всё равно, с кем я сижу рядом. Социолог остался, и как там было, не знаю».

Давайте всё же договоримся с учётом моего пожелания: или я прочту свой спецкурс в какое-либо другое время по согласованию, или вы свой семинар перенесите. Иначе, – по опыту знаю, – это будет несерьёзно. Когда что-то «в нагрузку», всегда воспринимается не так свободно, соответственно – и не так внимательно. Встреча же наша сегодня в любом случае была не напрасной, – считайте, что мы в принципе договорились».

– «Хорошо, организационный вопрос я дополнительно обговариваю со всеми по телефону, и вам сообщу о результате».

Оба поднялись, чтобы расстаться.

Уже на выходе Алексей Григорьевич спросил:

– «А что, отец Павел, разве заявленная тема вашего семинара так уж актуальна: реабилитация бывших эзков? Они что, в общинах представляют весомую проблему, чтобы выносить эту тему особо? Что Вы так странно глядите на меня и чему-то улыбаетесь?».

Действительно, настоятель улыбалось, но как-то озабоченно.

– «Вижу, Вы совсем не помните меня; вернее, меня – прошлого».

Недоумение. Пауза.

– «Дело было лет восемнадцать назад. Я отбывал наказание на зоне за свои дела. Мотал срок. Однажды, – времена на воле в начале девяностых были какие-то странные, для нас, эзков, малопонятные, – было вывешено объявление, что в клубе в ближайшее воскресенье состоится встреча с христианами.

Были имена двух-трёх, указывалось, что двое из них – пасторы. Было непривычно читать «пасторы» применительно к нашей стране, где понятно было в основном «священник». Собственно, и к «священнику»-то не привыкли, – ведь ещё вчера был атеистический СССР. Мы ещё с братвой обсуждали: чего это к нам иноземцы едут? Лазаря что ли петь? Ну, может и не петь, а проповедь во спасение эзковских душ уж точно прочтут. Ребята всё же кантовались по зонам, рассказывали о таких визитах. Мы уж думали какую ни то подлянку устроить..., не дебош, конечно, всё же лагерное начальство всегда от себя кого-нибудь посылает присутствовать. Может, для порядка, а может – ради приличия.

Часов в пять вечера приехали. Мы сидим в зале, ждём появления гостей на сцене. Появились: мужчина лет 45, женщина бальзаковского возраста и парень с гитарой. Оказалось, все наши, не иноземцы.

Никаких спецовок в смысле священнических облачений, а у парня – так у того все фаланги пальцев в татуировках. Мы по наколкам без труда можем понять, за что сидел, но из зала было не разглядеть. Но ведь разглядели! Старший по возрасту на сцене не задержался, сразу прыгнул к нам в зал. Ну и те, двое, тоже к нам. Так в непосредственной близости и началось знакомство.

Нас, эзков, трудно чем-то обескуражить, – ведь не девочки же из Смольного института. Но эффект неожиданности был, мы такого в

сценарий не закладывали. Конечно, все представились, коротко, без желания подольститься. Если бы это было, провал был бы обеспечен; мы сумели бы это устроить, не выручило бы и начальство...».

– «Ну вот, отец Павел, уже всё знакомо. Конечно, я вспомнил то посещение. Оно было для меня случайным, хотя – не скрою – и любопытным. Ведь любая закрытость интригует. Мне предложила ехать вместе та женщина, как Вы сказали, бальзаковского возраста. Да теперь Вы уж её, полагаю, и сами близко знаете, – она же пастор «Возрождения», одной из методистских общин в нашем городе. Чтобы женщина была пастором, этот случай для нашей местности единственный, но не для России; у методистов по всему миру это практикуется, да и не только у методистов. С Еленой Смиртиной нас связывают многие годы дружбы; я ей помогал, по её просьбе, в становлении её прихода. Кстати, и крестил её в Волге, когда мы ездили в Самару на семинар. А вот куда после делся тот парень, не знаю, я даже его имени не помню. Может быть, уехал куда.., а может снова попал на зону. Не все же, встав однажды на христианский путь, могут удержаться на нём. Путь Веры – не для малодушных. Извините, что прервал Ваш рассказ. Знаете, как интересно услышать о забытом, увидеть прошлое другими глазами. Продолжайте».

– «Тот парень, – звали его Володей, мы же просто Вовой, – стал петь под гитару. Знаете, так просто, без объявлений, как объявляют следующие произведения. Играл он хорошо, пальцы его мы прочли, – за грабёж сидел в своё время. Но на воле уверовал, как он сам о себе свидетельствовал, и активно стал участвовать при христианской общине в тюремной миссии. Оно и понятно: помогал, чем мог, а помочь мог лишь личным примером. Ведь с братвой на зоне лекторским языком не поговоришь. Вот и он в тот раз ботал с нами по фене, но уже без мата, – всё же был христианином. Говорил просто: как жил до зоны, как после зоны (про отсидку-то чего ему было нам рассказывать? – сами по себе знали; а малява на него пришла после верная, парень ничего не соврал). Рассказал, как уверовал. Тогда ведь много по всей России проводилось евангелизационных собраний – то на стадионе, то в каком-нибудь большом зале, бывало даже на арене цирка. А что? – в России был экономический обвал, руководителям везде нужно было зарабатывать деньги хотя бы для оплаты персонала да на коммунальные расходы. Ну вот где-то на каком-то открытом богослужении Володю Бог и нашёл.

Больше всего нам запало в душу его пение. Он и пел-то неплохо, но мы никогда не слышали, чтобы о духовном можно было петь под гитару и в манере, прямо скажем, не пуританской. Но это не было и нарочито-вульгарным, – братаны наши хоть и не искусствоведы, но любую искусственность на зоне чувствуют особенно остро. Он не лабал по струнам, а уверенно и красиво их перебирал. И слова... Я их все не помню, но четыре строки запомнились, они как-то уж очень легли на душу:

«Ты мне близок, словно берег морю,
 Ты мне дорог, словно детям мать,
 Ты пришёл, чтоб сгладить моё горе,
 Ты ведь хочешь, всех простив, обнять».

Конечно, в том было что-то бардовское, но этим-то многих и проняло. Я видел, с каким вниманием пацаны его слушали.

Что-то говорила Лена, потом и она пела, тоже под гитару. Кстати, она владела техникой игры даже лучше; в игре чувствовалась культура, – оказывается, у неё музыкальное образование. Ребята расслабились, сидели уже кто на скамьях, кто просто на полу. И Вы, – это я хорошо запомнил, – как-то незаметно оказались на полу среди нас и разговаривали с нами. Никаких проповедей и призывов! Вы избрали верную форму общения: вы больше выслушивали зэков и отвечали на вопросы. Вы не рассказывали нам розовые байки, не уверяли нас, что всё у нас станет хорошо, лишь только мы обратимся к Богу.

Помню, был среди нас Спич (кликуха такая у мужика была); так вот он Вам сказал по-простому: «Лёш, я отсидел на зоне в общей сложности восемнадцать лет. Что я буду делать на воле, чем заниматься? – ведь у вас там люди «без сроков» ищут работу, и не все находят. А я, бывший зэк?». И Вы промолчали, и это было в Вашу пользу, потому что оптимистические уверения опять же звучали бы фальшиво.

Вобщем, всего я и сам уже не помню. Часа два мы провели вместе, и вы уехали. Но тот вечер был для меня переломным. Через два года я вышел на волю, поскитался без дела, не скрою. Но общину Лены я нашёл сразу, – она в тот раз адресок желающим оставила, – и это было спасительным якорем для меня в то время. До отсидки-то я работал газосварщиком, и на одном частном предприятии я нашёл возможность зарабатывать. Но вы же знаете: капитализм в новой России пещерный, злой и бессовестный. Желающим честно ра-

ботать в таких условиях очень трудно: если сам не хочешь обманывать, так тебя будут обманывать. Да и хотелось уже по моему внутреннему состоянию чего-то большего, а не только хлеба насущного. Была какая-то встреча с приезжими лютеранами, и они предложили мне учиться, со стипендией. Я женатым не был, много мне не нужно, да и предложение было заманчиво своей неожиданностью. Так что я поступил в питерскую лютеранскую семинарию, – и вот, как видите, я возвратился сюда, чтобы пастырствовать.

Но Ваш вопрос я помню, и теперь уже и ответ на него очевиден: в моём приходе процентов восемьдесят – это бывшие зэки. Где их более поймут, и кто с ними может разговаривать на их языке? Ведь адаптироваться к новой жизни очень трудно. К тому же – проблемы с работой. Я через структуры городской власти помогаю им найти возможность работать и иметь какой-то заработок. Я – бывший зэк, и в мой приход, естественно, тянутся бывшие такие же. Но ведь в общинах других конфессий наши люди тоже есть, а вот навыка работы по их реабилитации у пасторов нет. Для этого и планируется семинар».

– «Отец Павел, уже последний вопрос, а то мы итак изрядное время стоим на выходе. Ведь прошло несколько лет, как служите пастором, мы иногда встречаемся, – почему же Вы раньше мне не рассказали, что мы были знакомы?».

– «Да ведь, Алексей Григорьевич, мы тогда лично и не были знакомы. Я-то Вас запомнил, это понятно, и считаю, что уверовал благодаря Вам. Но нас было там много, и меня запомнить Вы никак не могли, не было для этого причины. Ведь вся внутренняя работа во мне была уже после Вашего приезда. Кого вы могли бы там запомнить в лицо среди однообразных лагерных роб? И потом: я не был уверен, насколько вам будет по душе то, что я избрал лютеранский путь. Ведь Вы – из евангельских христиан уже не в одном поколении. Лишь позже я убедился, что Вы спокойно относитесь к конфессиональным различиям».

– «Это так и есть. Откланиваемся, и я жду Вашего звонка».

– «Будьте благословенны».

Вопрос разрешился вскоре. Уже через несколько дней Алексей Григорьевич знал от настоятеля, что назначенная неделя будет полностью его, каждый день с 10 утра до 12 дня.

«И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ»

В это время года погода обычно держится ровно: солнце светит хотя уже и по-осеннему, но ласково – как- бы на прощанье. Хороши опадающие листья; в какой-то девичьей песне советского времени были очаровательные слова: «сколько золота – горстями забирай...». Золото это мягко шуршало под ногами. До заморозков ещё было далеко, и листья хранили в себе всё многоцветье. Вспомнилось из «Екклесиаста»: «...не насытится око зрением...». Говорят, что эта книга написана самим Соломоном Премудрым; да хоть бы и не им, – всё равно чувствуется мудрость созерцания мира, непостижимого в красоте. Что-то вроде болдинского вдохновения чувствовал Алексей Григорьевич, хотя ничего элегического писать не предстояло. Когда-то, в далёкой юности, он пытался писать стихи, – первая и, конечно же, неразделённая любовь просилась выразить себя в строках, – но что такое были его вирши после Пушкина, поэзией которого он был вскормлен?

«Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но я её люблю, читатель дорогой...».

Конец сентября – это ещё не «дни поздней осени», но уж очень во всём чувствовалось томное, усталое от долгого лета; природа хотела отдохнуть. Ему больше по душе были осень и зима, и после изнуряющей летней жары, – а это стало обычным явлением каждый год, – было отраднo ощущать, что дышать легко, что голова не тупая от духоты, что дела делаются гораздо легче.

К 10 часам в кирхе было уже человек пятнадцать пасторов. В городе христианских общин было больше, но заявленная тема для встреч была ни для кого не обязательна: дело доброй воли и интереса.

Как успел сказать отец Павел при встрече в то утро, некоторые не могли прийти по причине занятости.

Звонили, говорили, что в последующие дни постараются прослушать лекции. Но – время оговорено, надо начинать.

– «Уважаемые пасторы, мир вам!

В который раз убеждаюсь, что большинство встреч имеют неслучайный характер. Мы же ведь не планировали встретиться у синагоги с отцом Павлом, а вот результат: нам предстоит в течение недели обсуждать интересные, – во всяком случае, я в этом уверен, – темы. Наперёд скажу, что вы можете спокойно задавать мне вопросы прямо по ходу изложения материала, не опасаясь, что я потеряю нить мысли. Это мой стиль чтения лекций, и мне очень важно, чтобы возникшие у вас вопросы были заданы в нужный для вас момент. Правда, мой спецкурс может превратиться в семинар, – предполагать это у меня есть все основания, – но для нас, думаю, не столь важно название. Мне есть ещё что-то прибавить к моему короткому вступлению, но время пошло. Да, как ко мне обращаться... Имя-отчество вам известно; можете и короче – «доктор». Словом, кому как удобно.

Наряду с некоторыми трудностями, которые я сейчас внутренне испытываю, есть и облегчающие обстоятельства. Под последними я подразумеваю то, что вы – представители протестантской ветви христианства, а это значит – по определению –, что библейские тексты для вас являются основным инструментом в вашей пастырской работе. Вам не приходится тратить много времени и сил на обряды и требы, при которых до Библии просто не доходит очередь. Св. Писание для каждого из вас является духовным вектором, указывающим, как идти по нашей непростой жизни. Им же вы и кормите свою паству. В этом я вижу облегчение своей задачи, потому что могу заведомо знать, что говорю с вами на вашем понятийном языке.

Не ждите от меня чего-то доктринального. Знаете ли вы, что в иудаизме нет понятия «догматика»? Это ведь у вас в ваших учебниках есть чёткие разделы: «учение о Боге-Отце», «учение о Церкви», «учение о втором пришествии Христа» и так далее. В иудаизме не утверждаются доктрины, в иудаизме всё обсуждается. Позволяется высказывать совершенно самостоятельные мысли, и никто никого не одёрнет: «это ересь!», «да будет анафема!». Насколько я знаю, одним из важнейших непререкаемых положений в иудаизме является строжайший монотеизм, и это просто не обсуждается. Во всяком случае, среди множества иудаистской литературы, прочитанной мной, дан-

ный вопрос нигде не подвергался ревизии. Все остальные вопросы рассматриваются с самых разных точек зрения. Мне это глубоко импонирует, и в таком ключе мной будет подаваться информация. Знаю, что не всем вам всё будет по вкусу, если так можно сказать, но помните, что я стою не за церковной кафедрой, и мы не на богослужении.

Когда я читаю данный спецкурс на кафедрах религиоведения, то строю последовательность изложения несколько иначе. Вузовская аудитория мыслит по-светски да и подготовлена по-другому. Здесь же я хочу начать с еврейских молитв, которые в вузах вряд ли поймут и воспримут.

Почему с молитв? Отвечу сразу: молитва – это то состояние, когда человек не ждёт; он здесь таков, как есть. Помните ли вы слова у Есенина? –

«Я сердцем никогда не лгу, –
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством».

Можно лгать устами, но сердцем лгать невозможно. Молитва – это голос сердца, это предстояние перед Тем, Кому бессмысленно лгать, ибо Ему известно всё. Много лет назад мне попала в руки маленькая вырезка из страницы какого-то журнала, там было короткое стихотворение опять же непонятно какого автора. Оно было очень проникновенное в своей простоте и заканчивалось словами, которые я очень ценю:

«...Ты и молчанье моё за святую молитву сочти».

Знающий нашу безмолвную молитву тем более знает, искренни ли произносимые слова. В молитве душа обнажена. В других случаях она может позировать, может уходить от общения, но в молитве душа в состоянии предстояния перед Всевышним. И поэтому я хочу ввести вас во святилище, где приносятся жертвы. В синагогах на богослужениях говорится: пока нет Храма, мы вместо жертв приносим наши молитвы. Чтобы не мудрствовать всуе, я буду читать вам прямо из еврейских молитвенников. Надеюсь, вы это оцените по достоинству, потому что молитвенники – это требники для внутреннего, синагогального пользования. Так что здесь нет никакой рисовки, так сказать – скрытой рекламы, желания показать себя в выгодном свете

перед нееврейским миром. Повторяю: это молитвенники для себя, а не для внешнего мира. И в то же время они не есть что-то запретное, куда нельзя заглянуть нееврею.

Вот Сидур «Врата молитвы»; можете посмотреть, передавая друг другу. Не уверен, что кто-нибудь из вас до сегодняшнего дня держал такой молитвенник в руках.

Голос с места: «А что такое «сидур»?».

Это слово означает «приведение в порядок». В нём прослеживается литургия еврейских богослужений в утренней, дневной, вечерней молитве. Есть и дополнения; «шаббат», например, т.е. суббота, начинающаяся с вечера пятницы. Напомню, что день у евреев начинается с вечера. Помните в Библии? – «И был вечер, и было утро – день первый» и т.д.

Так вот этот Сидур у вас в руках. Над его редакцией работал известный учёный Пинхас Полонский. Московский еврей, был в своё время невыездным(вам понятно это слово?), с 87-го года живёт в Израиле в Бейт-Эйле, по синодальному переводу Библии – в Вефиле (в «Доме Божьем»). Пинхас весьма плодотворный человек, и я удивляюсь его работоспособности. Он пишет книги, – о некоторых я упомяну позже, – читает лекции в Израиле и вне его. Ему принадлежит идея и создание интернет-ресурса «Маханаим» для русскоговорящих евреев; недавно им же был создан интернет-портал «Ежевика». Это обыгранное слово, совсем не про ягоду: оно представляет некий синтез еврейской энциклопедии и современных публикаций. Там на авторской странице размещена книга вашего покорного слуги «Где Авель, брат твой?».

Давайте пойдём по простому пути: ничего не комбинируя, будем идти шаг за шагом по страницам этого замечательного молитвенника, составленного в духе ортодоксального иудаизма. В начале – нечто вроде «введения». Приводится высказывание мудрецов: «Молитва без каваны – это тело без дыхания». «Кавана» (с ударением на последний слог) – это направленность сердца. Надо ли пояснять хорошо нам известное, о чём я несколько минут назад говорил? – в молитве должна быть открытость души перед Богом. Формализм, многословие в молитве – всё это пустые звуки, бесполезные для самого человека и ненужные Всевышнему.

В еврейской традиции есть предостережение: «Не старайся де-

лать тфиллин больше и красивее, чем у других. Они должны быть одинаковыми у всех евреев. Почему? – Чтобы не превращать ношение тфиллин в показуху».

Необходимо будет делать по ходу изложения некоторые пояснения. Вы помните обличение Иисуса лицемерно молящихся: «...все же дела свои делают для того, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих». Так вот хранилище – это тфиллин, о чём мы выше прочитали. Это две маленькие кожаные коробочки, в которых помещены слова из Торы; особым образом они закрепляется на лбу молящегося еврея и на обнажённой левой руке (против сердца). Повторяю: это надевают только во время молитвы; не случайно совпадение по произношению со словом «тфилла» – молитва. Не все и не всегда надевают тфиллин: но вот когда я молился у Стены плача в Иерусалиме, то видел это на многих молящихся евреях. Надевание тфиллин – это буквальное понимание слов из «Второзакония» (Деварим): «...и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкой над глазами твоими». «Воскрилия» же из евангельского текста – это «цицит» (с ударением на второй слог), кисти из шерстяных нитей, – об этом можете прочесть в «Числа»(Бемидбар). Эти кисти находились по четырём краям цельнокроенной одежды; в синагоге это талит (с ударением на второй слог). Именно к этим цицит одежды Иисуса прикоснулась больная женщина, желавшая таким образом исцелиться. Чтобы завершить попутное пояснение ритуальных атрибутов, напомним и продолжение из Второзакония: «И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих». Речь идёт о небольшом плоском и продолговатом футлярчике, называемом «мезуза»(с ударением на «а»); в него тоже помещены слова из Торы. Такие мезузы прикрепляют в верхней боковой части входа в помещение.

К слову сказать, в русском синодальном переводе Нового Завета, который был выполнен исключительно силами православных духовных Академий, кажется, было сделано всё возможное, чтобы как можно меньше напоминало, что Иисус был истинным ортодоксальным евреем по взглядам, близким к фарисеям. Не пугайтесь, мы ещё на это обратим внимание отдельно. Он носил цицит, надевал во время молитв тфиллин, произносил браху (ударение на «у»), т. е. благословение; на Седер – ритуальный праздничный стол в ночь на Песах,

т.е. Пасху – преломлял и вкушал мацу (опреснок, тонко раскатанный пресный хлеб) с марором (горькими травами). Можно было бы продолжать дальше. В силу же синодального избирательного перевода культивировалась мысль, что евреи – это евреи, а Иисус как бы к ним и не причастен, если вообще им не противоположен. Но если же мы обратимся к еврейским книгам, то увидим, что Иисус мыслил и говорил образами и словами еврейской Веры. Весь пафос его полемики не в отрицании, а в дополнении и углублении иудейской мысли. Я уверен, что в переводе сказывается христианский антисемитизм, хотя и в пассивной форме. Но об этом – позже. Прошу извинить меня за некоторое отступление, но эти уточнения важны. Возвращаемся к основной теме.

«...Цель молитвы отнюдь не в том, чтобы сообщать Ему о наших нуждах. Молитва – это «служение сердца», работа над самим собой в процессе диалога с Богом».

А что же есть диалог? Не имеющий духовного опыта назовёт молитву скорее монологом, т.к. слова произносит лишь человек. Но молитва, как читаем в вводной части Сидура, лишь «часть такого диалога (наши «слова» в этом диалоге – это и мысли, и слова, и дела наши; а «слова» Всевышнего – это всё то, что с нами происходит)». Но я вижу поднятую руку. Пожалуйста, представьтесь.

– «Мы внутри Совета друг друга знаем, а о Вас я был только слышан. Меня зовут Иваном, фамилия Образцов; пастор евангельской церкви «Надежда», рукоположен на служение два года назад. Хочу, если можно, добавить к Вашим словам: не всему в молитве можно дать описание. Я имею в виду последние слова, которые Вы процитировали. Очень часто в молитвенном диалоге не приходится ждать «слов» Всевышнего о том, что с нами происходит. Уже непосредственно в самой молитве мы можем понимать Его, когда душа открыта, а Он внушает тебе нужное в ответ. Только вот, к большому сожалению, не передать этого словами, – оттого и некое бессилие в попытках это объяснить. Но это – опыт, известный не только мне».

Молодой человек был приятен своей улыбкой и открытым взглядом. Чувствовалось, что он не только в пастырстве недавно, но и по христианскому пути прошёл не так уж много, – однако молодость не только внешняя, но и молодость души с искренним желанием сопережить то, о чём он говорил, напомнили Алексею Григорьевичу

своё, былое. Ему так не нравилось, когда о глубинных понятиях внутреннего мира говорили «умно», не пережив всё это в своём опыте. Но когда встречаешь живой пример, когда человек и слов-то многих не находит, но чувствуется невысказанное, – это всегда каким-то теплом отзывалось внутри. «Родители, наверное, были добрым примером этому Ивану», – только и подумалось, как молодой пастор добавил, будто угадав промелькнувшую мысль.

«Моя бабушка, старая христианка, тоже думала так. Помню: войдешь к ней в комнату, а она сидит на диване, – и диван-то у неё был старый, с боковыми откидными валиками и высокой резной стенкой; так вот, сидит и что-то беззвучно шепчет. «Это я, Ванюшка, с Богом разговариваю». «Как это ты с Ним, бабушка, разговариваешь? ты ж только одна и шепчешь». «Это, внучек, трудно объяснить, но Он со мной тоже говорит в этой комнате». Я был тогда маленький и ничего из этого не понимал. Только теперь начинаю её понимать».

Это добавление к короткому выступлению Ивана сразу напомнило Алексею Григорьевичу его маму, которая была из христиан «старой закваски», как она говорила, имея в виду 20-30 годы прошлого века, когда не было богословской обученности, но зато была простота доверия Богу и стойкость в испытаниях.

– «Спасибо. Неплохая – и скажу – ценная получилась вставка. Но вспомним псалмы, которые любимы нами, эти еврейские молитвы. Классика, вошедшая навек в мировую духовную сокровищницу. Там тоже очень часто создаётся ощущение, что идёт живой разговор – диалог – человека с Богом. Мы о псалмах во всю эту неделю говорить не будем по той причине, что они нам всем известны. Мы будем говорить о том, о чём не знали до этого, и увидим, что иудаизм давно уже знал взаимоотношение со Всевышним, которое можно охарактеризовать коротко: сын и Отец.

Читаем из Сидура: «Сознание того, что «Ты слышишь молитву из любых уст», движет человеком, когда он высказывает перед Всевышним всё личное и сокровенное – свои желания и помыслы. Такая молитва, о которой сказано в Псалмах(102:1): «Перед Господом изольёт он душу свою», требует от человека чувства близости к Богу. В наших молитвах зачастую Бог называется «Отцом» («Отец наш, Отец милосердный»). Сын, стоящий перед отцом, чувствует, что он может раскрыть своё сердце, пожаловаться, попросить помощи. Мо-

литва всегда основывается на этом чувстве близости, выраженном в словах, которые мы произносим в Дни Трепета: «Ибо мы – Твои дети, а Ты – наш Отец», и иначе, с более глубинной, мистической стороны: «Мы – Твоя подруга, Ты – наш близкий Друг».

Чтобы несколько оживить ваш интерес, я хочу уделить хотя бы немного времени молитве «Отче наш», которую знает весь христианский мир. Финский библеист и специалист по иудаике, лютеранин по вероисповеданию Ристо Сантала приводит авторитетное исследование главного раввина Стокгольма Готлиба Клейна. Раввин раскрыл иудейские корни названной молитвы; в ней всё построено в последовательности иудейской традиции.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ (ШЕВАХ): «Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя Твоё. Да придёт царство Твоё. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

ЛИЧНЫЕ ПРОСЬБЫ (ТФИЛА): «Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».

БЛАГОДАРЕНИЯ (НОДАЯ): «Ибо Твоё есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь».

По мнению Клейна, молитва, которой учил Иисус, косвенно соотносится с верой в воскресение. «Есть одно древнее учение, – пишет он, – которое говорит, что Святой, да будет превознесено имя Его, позволит мёртвым воскреснуть в этом мире, чтобы Его великое имя было освящено. Поэтому все должны молиться словами «Да святится имя Твоё, да придёт Царство Твоё». Здесь мы имеем мессианскую молитву».

Молитвенная книга «Сидур»...перекликается с частью «Шевах» молитвы «Отче наш»: «Да будет превознесено и да святится великое имя Его в мире, который Он сотворил по воле Своей. Да учредит Он Своё Царство при жизни твоей и в твои дни, и в дни всего дома Израилева скоро и в ближайшее время; и да скажете вы «Амен». Община отвечает на молитву кантора словами: «Да будет благословенно имя Его во веки вечные, амен».

«...В молитве «Отче наш» присутствует просьба, значение и истоки которой не однажды вызвали особого рода сомнения. Мы молим, чтобы Господь «не ввёл нас в искушение», но «избавил нас от лукавого». Слова эти взяты из древней молитвенной модели, которая

по-прежнему используется в молитвенном сборнике «Сидур». Рано утром ортодоксальный иудей обращается в мольбе к Богу следующими словами: «Не введи нас во грех, в беззаконие или зло; не введи нас во искушение или позор. Не дай никакой порочной склонности возобладать над нами..., но дай нам добрые склонности».

Хочу привести некоторые мысли из еврейского сайта www.toldot.ru; к слову сказать, в интернете вы сможете найти множество информации по иудаике и иудео-христианскому диалогу. Как вы сами понимаете, это очень удобно в том смысле, что в библиотеках или в магазинах всё это не найдёшь, – а тут, пожалуйста, ведите поиск, читайте. Это удобно ещё и в психологическом смысле: ведь не все вошли в круг религиозной жизни евреев, да и как сделать первый шаг для знакомства? – а современные электронные возможности помогают пройти по крайней мере «кликбез».

Так вот, с этого сайта (название означает «наследие»):

«Как можно достичь Небес, не используя лестницу, которая туда ведёт? Ведь если постоишь около этой лестницы..., а ноги не поднимешь, то пройдут годы, а ты останешься на земле». Здесь речь идёт о молитве, при помощи которой земные люди поднимаются к Небесам.

Приводятся слова Рамбама, известного в мире учёного, философа, врача(1138-1204); имя это является акронимом от словосочетания раббену Моше бен Маймон, по-нашему сказать: ребе Моше сын Маймона. В нееврейском мире он известен как Маймонид. Вот его поучения о молитве: «Если еврей молится, предварительно воздав хвалу Творцу, то его молитва – настоящее «Служение Богу», так как служить способен только тот, кто знает о величии Творца и полностью посвящает Ему самого себя».

«Настоящее богослужение должно быть построено на радости, которая пробуждается в сердце человека от возможности говорить с самим Творцом. Написано в Теһилим («Псалмах царя Давида»): «Служите Богу с радостью».

Для евреев молитва никогда не была лишь обращением ко Всевышнему; это всегда раздумья о человеке, о всём мире, о судьбах: «Задумываясь о величии Творца Вселенной, о безграничных силах Его, творящих для нас добро, понимая, что собственно всё это благо сотворено только для нас, человек приходит в ликование. Ведь сам

факт существования человека – это реализация воздействия Творца на мир, в котором всё создано именно для человека. И в этом, несомненно, есть повод для настоящей радости. Пусть об этом подумает тот, кто не ощутил счастья во время молитвы Создателю».

«Ведь собственно представления о том, что Бог существует – это не вера, а просто осознание факта, очевидного для каждого, кто не слеп. То, что весь мир воспевает Создателя, только глухой может не услышать. И хотя есть много слепых и глухих, но те, кто обладает зрением, видят это совершенно чётко!

Оглянись вокруг себя и убедись, что есть Всевышний. Это очевидно, для этого вера не нужна! Тогда что же называется верой?

Самое простое объяснение этого понятия заключено в осознании того факта, что сила и возможности Всевышнего абсолютны и ничем не ограничены, и никому не дано Его познать до конца. И если человеку тяжело на сердце, так как, по его мнению, нет решения его проблемы, – это значит, что его вера недостаточна. Ведь если бы он был убеждён в том, что Властелин мира всемогущ, что Его возможности безграничны, и у Него есть ответы на все вопросы, то он был бы далёк от отчаяния».

«Случается, что даже люди праведные, попавшие в сложную ситуацию, изливают своё сердце перед Богом в душевной мольбе: «Боже мой, как мне тяжело, ведь нет выхода!». Нам может показаться, что это чудесная молитва, полная любви к Всесильному, но на самом деле это слова человека, отрицающего веру. Как можно заявлять Богу, что нет выхода? Если в сердце человека есть настоящая вера, он чувствует бесконечность и всемогущество Создателя. Он думает: «Ты всё можешь, а значит всему есть решение!».

«...Как сказал царь Давид: «Жаждет Тебя душа моя!». Думая о величии Бога, он приходит в трепет. И радость переполняет его, ведь это естественное состояние души; стоит ей приблизиться к святости, как она возвращается к своей природе. «Лишь заговорю о Боге, наполняется сердце любовью к Тебе».

Приводятся рассуждения на эту тему из Талмуда:

«Не существует молитвы, на которую нет ответа. Творец мира, которого мы бесконечно умоляем о своих нуждах, исполнит наши просьбы, если, конечно, это нам не во вред».

«...Нужно быть осторожным, используя этот вид молитвы. Ведь мы не знаем, что на самом деле хорошо для нас».

«Но если человек много просил, а его просьбы не были исполнены, нужно стереть из сердца произвольно возникающие претензии: «Почему Ты не услышал меня?»».

«Поэтому предостерегает Талмуд (Моэд катан, 18): «Не проси никогда, чтобы именно эта женщина стала твоей женой; ведь вполне может быть, что не она тебе предназначена...».

«Поэтому, моля Всевышнего исполнить просьбу, надо помнить основу основ: никаких претензий к Богу быть не может; ведь всё, что с нами происходит, во благо нам».

Встал один пастор лет пятидесяти. Собственно, он уже был епископом баптистских церквей не только города, но и области. Алексей Григорьевич знал его давно, когда тот был ещё молодым человеком. Как же, ведь его родители были испытанными верующими, прошедшими нелёгкую школу при богоборческих «Советах». Приятно видеть новых служителей Церкви, но особенное отрадное чувство вызывают те, кто продолжает преемственность святого служения.

Пётр Иванович Магалеич как-то растерянно улыбался. Его улыбка постоянно была как-будто застенчивой; складывалось впечатление, что ему неловко беспокоить собеседника.

– «Алексей Григорьевич, несколько слов с Вашего разрешения. Вы только начали вводить нас в еврейский мир, или, как Вы сказали ещё, во святилище, где приносятся жертвы – молитвы, а у меня какое-то странное ощущение, что многое уж очень знакомо. Иудаизм, как я понимаю, не мог что-то заимствовать у христианства. Тогда получается, что мы – если не заимствуем, то продолжаем богопознание в том векторе, что было задано иудаизмом. Понимаю, что рано ещё делать какое-то резюме, но вот эти сходства чуть ли не буквально в молитве «Отче наш», эти предупреждения, что мы не знаем часто в молитвах своих, что для нас лучше; наконец, последнее: всё, что с нами происходит – это нам во благо. Полагаю, что мои братья по Вере, находящиеся здесь, тоже вспомнили новозаветные параллели; это и Иисусовы слова своим ученикам «не знаете, чего просите»; это и Павловы наставления «любящим Бога всё содействует ко благу». Вы что, специально делали подборки, и что это значит? Не

слишком ли Вы много общего нашли? Как бы то ни было, но открытия лично для меня столько же отрадны, сколько и неожиданные».

– «Пётр Иванович, прежде всего хочу сказать, что мне приятно встретиться с Вами. Меня отвлекли при моём приходе, и мы не смогли поздороваться. Видимся редко; сферы нашей деятельности стали несколько разными, но если хорошо присмотреться, не столько уж они и далеки друг от друга. Отвечу Вам как можно короче: никаких подборок я специально не делал хотя бы уж потому, что подборки можно делать тогда, когда знаешь очень много в иудаизме, и тогда имеешь возможность выбирать и подбирать. Я же, понимая теперь, какое это необозримое море – иудаизм, считаю себя просто юнгой, если уж говорить морскими понятиями. То, что вы назвали «неожиданными открытиями», – поверьте – и для меня было открытиями. И это правда: мы только подошли ко святилищу. Если Вы найдёте время в последующие дни присутствовать на этом семинаре, то будете свидетелем нечто большего».

– «Обещать не могу, но постараюсь здесь быть. Непредвиденных поездок на этой неделе нет».

– «Тогда пойдём дальше. Мне очень хочется обратить внимание всех вас на одну неотъемлемую составляющую любой еврейской молитвы – это благословение Бога. Вы все – пасторы общин протестантской ветви христианства. Я знаю хорошо ваши богослужения; и хотя есть разница между, скажем, баптизмом и методизмом, но везде явно ощущается, что верующие умеют благодарить своего Небесного Отца. Да так, собственно, и должно быть, – не Павел ли писал в своё время: «За всё благодарите»? Если сын умеет видеть многогранную заботу о нём отца и умеет быть благодарным, то от этого их взаимоотношения становятся только лучше. И – наоборот. Так и верующий человек: если он знает Бога лишь как инстанцию, куда он направляет одни свои нужды, и не умеет быть благодарным, – то это потребительство, это низкий, неразвитый уровень души.

Но вот – благословение Всевышнего; причём здесь надо понимать так, что мы Его благословляем.

Согласитесь, это непривычно для нас. А тем не менее, в иудаизме оговорено, что молитва должна выстраиваться в следующем порядке: благословение, просьбы, благодарения.

Что есть «благословение Бога»? Мы привыкли к тому, что Бог нас благословляет. Но вот на т.н. Тайной Вечере Иисус как правоверный иудей собрался со своими учениками для совершения пасхального Седера; он, читаем мы, «взял хлеб и, благословив, преломил его». Иерусалимский перевод звучит так: «...взял мацу и, произнес браху, преломил». Рамбан (Нахманид), выдающийся учёный 13-го века, производит слово «браха» (ударение на второй слог), т.е. «благословение» от слова «бреха» – «источник, воды которого всё время пребывают». Вот как звучала эта браха из уст Иисуса: «Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь Вселенной, извлекающий хлеб из земли. Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь Вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам вкушать мацу». Бог благословляется, т.е. Его присутствие увеличивается, делается более видимым, когда человек способствует Его проявлению в мире; способствует, разумеется, своими поступками. «Основная идея благословений заключается в том, что человек, произносящий их, декларирует своё намерение участвовать в Божественном плане развития мира».

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, возвращающий силы усталому», – это благословение было добавлено европейскими евреями, когда стало казаться, что уже нет больше сил перенести страдания. Вполне возможно, что так молились во время Катастрофы, Холокоста («всесожжение»-греч.) или Шоа («всеобъемлющее разрушение, разорение»- ивр.).

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, Который освятил нас Своими заповедями». Таким образом мы напоминаем себе, что соблюдение заповедей не является самоцелью; цель заповедей Творца – привести человека к святости».

Я хочу сказать вам, уважаемые пасторы, что вот эта неотъемлемая часть еврейской молитвы – благословение Всевышнего – стала для меня самого особым открытием. И если бы я мог, то сказал бы иудаизму «большое спасибо» за эту подсказку. Ведь часто наши молитвы мало чем отличаются от обычных в этом мире просьб. Просьба – это природный инстинкт, живущий в каждом человеке и животном, и здесь нет никакого духовного показателя. Но чтобы благословлять Бога, до этого надо ещё дорасти духовно, и не многие, я скажу, до этого дорастают. «Дай», «помилуй», «защити», «спаси» – вот чем наполнены по преимуществу наши молитвы. Когда я, вни-

кая во внутренний духовный мир иудаизма, узнал о благословении Всевышнего, то стал и в своих обращениях к Нему чаще практиковать подобное. И знаете – это удивительно! Боюсь, что не подберу подходящих слов. Могу только рекомендовать позаимствовать это у иудейской практики.

Я обратил внимание ещё на то, что благословение Господа в синагогальных молитвах (и не только в синагогальных) присутствует постоянно. Впрочем, лучше почитать сами тексты.

Кантор читает:

«Да будет благословенно, возвышенно, превознесено, возвеличено и прославлено Имя Святого, Благословен Он – община отвечает «Благословен Он» – выше возможных благословений, песнопений, восхвалений и утешений, произносимых в мире. И скажем: Амен!» община отвечает: «Амен!»).

«Благословен Тот, Кто словом Своим создал Вселенную, благословен Он! Благословен, ибо Он обещает и выполняет, выносит приговор и приводит его в исполнение. Благословен, ибо Он милостив к земле и милостив к творениям Своим. Благословен, ибо Он даёт великую награду боящимся Его. Благословен, ибо бытие Его вечно и существование абсолютно. Благословен, ибо Он искупляет и освобождает; благословенно имя Его!»).

Ниже приводится комментарий д-ра Пинхаса Полонского: «Для того, чтобы молящийся осознал, перед Кем он молится, в этом благословении, находящемся в начале утренней службы, подчёркивается семь аспектов еврейского восприятия Бога: 1) Тот, Кто создал мир из абсолютного «ничто»; 2) Тот, Кто сообщает пророкам Свою волю и выполняет обещанное; 3) Тот, Кто милосердно относится даже к тем Своим творениям, которые этого не заслуживают; 4) Тот, Кто «даёт великую награду» праведникам – в Мире Грядущем; 5) Тот, Кто существует вечно; 6) Тот, Кто спасает даже тех, кто отчаялся в собственном спасении; 7) Тот, Кто сообщает избранным Своим об «Имени Своём» (т.е. о Своих путях)»).

Вот утреннее благословение:

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, создающий свет и творящий тьму, устанавливающий мир и творящий всё!

Даруя свет земле и её обитателям, по милости и доброте Своей Он постоянно, каждый день возобновляет сотворение мира. Как

многочисленны творения Твои, Господь; все они мудро сделаны, земля наполнена подданными Твоими..!».

Что Вы хотите сказать?»

Сидевший слева по диагонали пастор, представившись от одной из харизматических общин, заметил:

– «Да ведь и у нас в Новом Завете написано в Апокалипсисе: «Вот, творю всё новое!». В чём же здесь оригинальность? – «каждый день возобновляет сотворение мира».

– «Это верно, слова еврейской молитвы напоминают Вашу цитату. Но в чём заключается Ваш вопрос?

Ведь я не стараюсь что-то чему-то противопоставить, чему-то дать предпочтение перед другим. Ведь в конечном счёте и там, и там – еврейская мысль, ибо и Новый-то Завет написан евреями. Свою задачу я вижу в том, чтобы показать еврейскую духовную культуру, о которой многие христиане имеют смутное представление, хотя при случае и признают, что иудаизм дал многое христианству. Но на этом признании зачастую всё и заканчивается. Каково религиозное мышление верующих евреев нашего времени, христиане не знают. Что Вы хотите спросить?».

– «Я – пастор одной из методистских общин. Мне хотелось уточнить: чем Вы, Алексей Григорьевич, объясняете свой интерес к еврейству и этот усиленный акцент на синагогальной службе? Вы так тщательно цитируете молитвы».

– «Попробую это объяснить, хотя для этого следует опять же цитировать, но только уже из Библии. Её эсхатологическая направленность говорит совершенно недвусмысленно, что после окончания «времен язычников» (Еванг. от Луки 21:24) решающая роль снова будет за Израилем. В Церкви более опытные христиане уже говорят об этом «окончании». Это вовсе не кликушества о «конце света», чему, кстати говоря, Библия вовсе не учит. Так кликушествуют те, кто её не читают; если бы читали, то увидели бы, что она говорит о возрождении человечества благодаря приходу Машиаха. И иудеи, и христиане его ждут, и это ожидание весьма напряжённо. Это не случайно. Есть некий час, который ребе Шауль (он же апостол Павел) условно обозначил словами «...до времени, пока войдёт полное число язычников», – вы знаете это из его письма Римлянам. И Церковь понимает, что это число близится к своему завершению; «набор» в

Церковь, если так можно сказать, завершается. Очень весомым фактором в этом предощущении является возрождение государственности Израиля. Это знак, которому не было равных по силе в течение всего двухтысячелетнего периода Церкви. Этот период заканчивается. И для меня далёкое пророчество Исаи видится почти осязаемым в своём осуществлении; я имею в виду главу 62 10-12 стихи. Разрешите, я прочту по еврейскому переводу, хотя в данном случае здесь синодальный перевод почти точен: «Проходите, проходите в ворота, освобождайте дорогу народу, ровняйте, ровняйте путь, очищайте от камня, поднимите знамя для народов. Вот Господь возглашает до края земли: скажите дочери Цийона: «Вот пришло спасение твоё, вот награда Его с Ним и вознаграждение Его перед Ним». И назовут их народом святым, избавленным Господом, а тебя назовут искомым, городом непокинутым». Единственное слово, которое я бы вставил из синодального перевода, это «взысканным», т.е. найденным вместо «искомым». Так вот, здесь я напрямую отвечаю на вопрос о моём интересе к еврейству: мы, христиане, должны убирать камни с дороги, которыми мы же эту дорогу и завалили. Мы должны освобождать «дорогу народу» Израиля. Антисемиты при этих словах поднимут свой злобный вой, но они воют на Библию, – я же ведь не свои слова прочитал. А прочитанное говорит разом о многом: что спасение Израиля – реальность и Цийон (Сион, он же Иерусалим) – город непокинутый. Мне не хочется сейчас отвлекаться, чтобы рассуждать о Божественной провиденциальности, – это отдельный разговор, – но, исходя из этого посыла о грядущей роли Израиля, было бы не только неплохо, но и весьма хорошо, если бы мы лучше знали и понимали по возможности своих собратьев. Собратьев хотя бы уж потому, что у нас один Отец и Св. Писание, пришедшее от них. Не забудем ещё Иисуса – плоть от плоти еврейской. Позвольте мне ещё кое-что вам зачитать, и мы на сегодня будем заканчивать».

– «Ты возлюбил нас любовью великой, Господь, Бог наш; милость безграничную оказал Ты нам, Отец наш, Царь наш; ...пусть будут ясны нам слова учения Твоего, пусть наше сердце будет открыто заповедям Твоим, пусть останется в нём только любовь и благоговение к Имени Твоему. И да не придётся нам устыдиться. Мы полагаемся на Твоё великое и грозное Имя, и потому дай нам радость и веселие в дни спасения Твоего. Собери нас с четырёх концов земли».

Здесь уж я сам сделаю маленькое замечание: что значит переключка душ! Как-то я услышал на одном из ваших богослужений в песнопении те же самые слова: «Этот день сотворил Господь на радость нам и веселие». И ещё: если вы обратили внимание, то «наше сердце» как-будто бы грамматически выглядит неграмотно; но еврей молится за себя как за весь народ, – поэтому и сочетается здесь единственное число с множественным. Такое в еврейских молитвах встречается постоянно.

К слову сказать, в комментарии к молитве «Шма», о которой мы ещё будем говорить, издатель поясняет: «...отношение к Богу должно быть личным, и свои отношения с Богом нужно строить на основе любви к Нему». Полагаю, пасторы, что вы в некотором недоумении: ведь в христианских общинах так часто повторяется утверждение, что евреев заботит лишь мысль об исполнении Закона, чтобы заслужить благоволение Всевышнего, – а вот у нас, христиан, всё строится на любви и ещё раз на любви. Как видим, мы мало знаем иудаизм... Извините, вопросы перенесём на следующую встречу; у нас уже заканчивается время, и я читаю последнее на сегодня.

Из благословений на еду назову один лишь вид, – это «благословение на удовольствия». Они основаны на словах Псалма 23:1 (забываю сказать, что в еврейских Библиях нумерация псалмов, начиная с девятого, где текст с 22-го стиха считается уже десятым псалмом, идёт с плюсом на один; значит у них 24-й псалом): «Господу принадлежит земля и всё наполняющее её». И поскольку всё, что есть на земле, принадлежит Всевышнему, то прежде, чем человек воспользуется этим, он должен вознести благодарность Властелину мира. Такой благодарностью является благословение».

Благословение на вино: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод виноградной лозы».

Благословение на фрукты: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод дерева».

Благословение на овощи: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод земли».

Есть обычай совместной трапезы в некоторых общинах (например, после субботней утренней молитвы); её заканчивают так: «Благословен Бог наш – Тот, чью пищу мы ели и благами Которого мы живём». Главная идея совместной трапезы заключается в следую-

щем, и об читаем в комментариях: «Обычно люди конкурируют друг с другом, добиваясь доходов и пропитания;.. коллективное восхваление Всевышнего всеми принимавшими участие в трапезе провозглашает признание всеми присутствующими того факта, что всякое пропитание исходит от Всевышнего, и нет нужды в зависти».

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший множество живых существ и всё, в чём они нуждаются, – за всё, что создал Ты для поддержания жизни во всём живущем. Благословен Дающий жизнь мирам».

Я сделал лишь ограниченную выборку из того моря благословений, которыми полны молитвы верующих евреев. Но как не упомянуть о таком светлом и радостном событии – о свадьбе?

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший веселье и радость, жениха и невесту, ликование, пение, торжество и блаженство; любовь и братство, и мир, и дружбу! Господь, Бог наш, да зазвучат вскоре в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос радости и голос веселия, голос жениха и голос невесты, ликующий голос из-под свадебного балдахина и песни пирующих юношей.

Благословен Ты, Господь, радующий жениха с невестой!».

Всего доброго. До завтра».

«И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО: ДЕНЬ ВТОРОЙ»

На следующее утро часов в восемь раздался телефонный звонок:

– «Это квартира Алексея Григорьевича?».

– «Я Вас слушаю?».

– «Пожалуйста, извините; возможно, это бестактно с моей стороны беспокоить Вас с утра. Я – один из пасторов, которым Вы читаете спецкурс. Вы сразу пойдёте в кирху или немного прогуляетесь по утренней свежести?».

Он посмотрел в окно. Деревья в своём осеннем уборе были тихи и задумчивы. Солнце хотя и не проникало сквозь сплошную пелену, но всё было заполнено ровным и спокойным светом. «В самом деле, не выйти ли пораньше?».

– «Я понял Ваш вопрос: Вы хотите встретиться со мной до лекции. Правильно?».

– «Крайне неудобно просить, но если можно...».

– «В половину десятого я буду проходить мимо памятника Никитину. Полчаса, я думаю, нам с Вами достаточно; да больше-то времени и не будет».

– «Спасибо. Я буду на месте».

Инкогнито оказался мужчина лет 45-50, среднего роста; лицо было скорее округлое, чем овальное.

Улыбка хотела быть открытой, но что-то мешало этому. Во взгляде чувствовалась какая-то предубеждённость. Пастора звали, – он сразу представился, – Александром Конякиным, он из «Совета церквей».

Алексей Григорьевич не нуждался в пояснении, он знал историю возникновения этого «Совета». В конце пятидесятых – в начале шестидесятых общины евангельских христиан-баптистов потрясло достаточно болезненное разделение, оно затронуло почти всё братство. Надо было жить в то советское время, чтобы иметь представление, под каким психологическим гнѐтом приходилось нести служение пресвитерам (руководителям) общин. Атеистическая власть пе-

ред лицом мировой общественности уже не в силах была просто запретить быть верующим, но старалась, чтобы всё было по её указке и под её контролем. Попытки вмешательства были буквально во всём. Нынешняя христианская молодёжь сейчас настолько свободна от властей, что даже и не знает цену этой свободы. А тогда? – «Где собиралась молодёжь? Куда ездили? Почему без нашего ведома? С кем и у кого были встречи? Вместе читали? Так, что читали? И представьте весь список присутствующих? А этот что, новенький? Где учится или работает?».

И так до бесконечности. Одни пресвитеры, чтобы сохранить в относительном спокойствии всю общину, шли на некоторые уступки, – но были и такие, что были против каких-либо компромиссов. Сейчас, по прошествии времени, многое оценивается и воспринимается по-другому, а тогда эта уродливая религиозная политика партии и государства спровоцировала то, что от основных общин отделилась весьма большая часть верующих, образовавших т.н. «Совет церквей». Эта политика оказалась к тому же и тупоголовой, потому что судили и давали «срока» людям совершенно мирным; появился длинный список религиозных диссидентов, которые были костью в горле у светских и религиозных представителей, когда они должны были выезжать за рубеж на какие-нибудь международные конференции. Там, вестимо, надо было рассказывать, как у нас в Советском Союзе свободно по части вероисповедания, – а им представляли перечень фамилий, – отцов, как правило, многочисленных семейств, пребывающих в данный момент где-нибудь на лесоповале на зоне.

Время вносит свои коррективы, и сейчас уже нет такого непримиримого противостояния у общин, имевших официальную государственную регистрацию, с теми, для кого слово «регистрация» было самым ругательным. Тех, «незарегистрированных», откуда и был Конякин, часто неграмотно называли «отделёнными», хотя они были отделившимися, т.е. их никто не отделял, – они отделились сами. У верующих из «Совета церквей» за эти почти шестьдесят лет сформировался свой менталитет: была замкнутость, ограниченность в знаниях. Впрочем, это было неизбежное следствие советского «воспитания», – ведь учиться христианской молодёжи возможности не было, везде были парторги, которые ревностно следили, чтобы образ мышления у всех был атеистический. Впрочем, со времени «Советов» прошло уже двадцать лет, а новые прихожане так и формируют-

ся в узконаправленном взгляде на окружающий мир. «Да, чего только не вспомнишь за какие-то секунды».

– «Так в чём Ваша неотложная проблема, Александр? Ведь звонить, как говорится, натошак, – для этого нужны веские причины».

– «Видите ли, Алексей Григорьевич, все эти молитвы, что Вы нам читаете, это любопытно и где-то даже назидательно...».

– «Вот уж спасибо. Хоть бы даже так».

– «Но знаете ли Вы, что евреи рассказывают анекдоты про Иисуса Христа? Вы их напрасно так идеализируете».

– «Можете что-нибудь рассказать?».

– «Я плохой рассказчик анекдотов. Попробую».

У Рабиновича сын был хулиганистый, ни в какой школе не мог держаться, отовсюду исключали.

Отец наконец решил отдать его в православную церковную школу. Проходит месяц, полгода, а на родительском собрании Изю только хвалят: ученик прилежный и поведения примерного. Отец не выдерживает и спрашивает сына:

– Изя, и что это такое?

– Папа, вы мне таки не поверите. Я когда пришёл к ним, то увидел, что у них прямо в часовне на кресте распят еврей. Я сразу понял, что с этими ребятами надо вести себя аккуратно».

Некоторая пауза. Александр уж недоумевал, был ли понят анекдот, но Алексей Григорьевич начал медленно говорить:

– «Александр, я уважаю Ваше религиозное чувство, Ваш пиетет к распятию Иисуса. Да, в христианских кругах не принято ни слагать, ни рассказывать анекдоты, касающиеся Спасителя. Но если спокойнее посмотреть на это, то ничего кощунственного здесь нет. Разве Иисус не еврей? Я же вижу здесь иной подтекст, уже не с юмором, а с горечью. И мне, в свою очередь, вспомнился другой анекдот, тоже с распятием; он более «благочестив», ибо не имеет намёка на божественное, – но для меня он жуткий, потому что, в отличие от Вашего, он не из фантазии, а из реальностей. Замечу Вам для сведения, что он – тоже из еврейского фольклора; его приводит в тексте своей книги мой интернетный приятель Евгений Майбурд. А жуткий он для меня потому, что психологический фон у этого анекдота такой, знаете ли, благодухный: ничего особенного, обычное дело».

«В одном местечке был еврейский погром. Ну погром как погром, ничего особенного. Громили еврейские дома и лавки, грабили еврей-

ское добро. Ну как обычно, вы же знаете. Кого-то убили, конечно, не без того. А двоих евреев распяли на стене сарая. Потом всё кончилось, погулявши и устамши, громилы разошлись по домам к своим жёнушкам и детушкам. А эти двое так и висят, прибитые гвоздями.

«Мойше, ты как? Тебе очень больно?» – спрашивает один. «Да ничего так, – отвечает Мойше, – больно только, когда смеюсь».

Мне трудно это комментировать. Анекдот или понимается, или не понимается. Надеюсь на вашу понятливость. А мы тем временем уже пришли».

– «Добрый день, уважаемые пасторы!

Я помню ваше вчерашнее желание что-то обсудить, и мы это сейчас сделаем. Но в начале я хочу прочесть небольшой отрывок из Сидура, который будет звучать как некое резюме к тому, что вы так терпеливо – и, надеюсь, с интересом – вчера слушали:

«...Если бы гортань наша была полна гимнами, словно море водою, и на языке нашем была бы песня, звучная, словно шум волн, и на устах наших хвала, беспредельная, словно ширь небосвода, и глаза наши сияли бы, подобно солнцу и луне, и руки наши были бы простёрты, как крылья орлов поднебесных, и ноги наши были бы легки, словно ноги ланей, – всё равно не смогли бы мы отблагодарить Тебя, Господь, Бог наш и Бог отцов наших, и благословить Имя Твоё, как подобает, даже за одно из тысяч тысяч и мириад мириадов благоденствий, знамений и чудес, которые Ты сотворил с нами, а до этого – с нашими отцами... И все части тела, которыми Ты наделил нас, и дух, и душа, которые Ты вдохнул в ноздри наши, и язык, который Ты поместил во рту нашем, – все они будут благодарить и благословлять, и восхвалять, и славить, и возвеличивать, и превозносить, и провозглашать святость и царственность Имени Твоего, Царь наш...». Это – часть из утренней субботней молитвы-благословения; автор этого древнего гимна неизвестен.

А теперь – время для обсуждения, после чего мы продолжим знакомство с иудаизмом. Пожалуйста, Вы, если не ошибаюсь, хотели вчера что-то сказать.

– «Вячеслав Шестопапов, пастор церкви адвентистов Седьмого дня. Судя по специфике нашего направления в христианстве, вы все понимаете, что в нашей конфессии иудаизму уделяется повышенное внимание. Знающие называют нас «субботниками», а не понимаю-

щие или враждебно относящиеся ругают «жидовской сектой». Но это так, к слову, для сведения доктору...».

– «Да я же бывал у вас на богослужениях, знаю и ваши доктринальные особенности».

– «Видимо, нас не сводила судьба. Тем более приятно, что Вы нас знаете. Я же хочу сказать, что для меня вчерашняя информация, конкретно – чтение еврейских молитв было откровением. Конечно, мы все знаем псалмы, но всё это как доброе наследие из прошлого. А теперь обнаруживается, что это живо и поныне, это – сегодняшний день, а не музейная реликвия. Тогда возникает несколько провокационный вопрос: какой же был смысл отмежевываться от иудаизма, если там столько благоговения перед Всевышним, столько благословений в Его адрес? И это при всём том, что Вы, Алексей Григорьевич, далеко не всё прочли, да вдобавок ко всему ещё не затрагивали, как я догадываюсь, другие темы».

– «Вы правы, Вячеслав. Можно так, без санов? Спасибо. Я действительно читал очень выборочно, – ведь невозможно прочесть здесь весь молитвенник. К тому же он и не единственный».

Что же касается Вашего, как Вы сказали, провокационного вопроса, то здесь пытливая ниточка мысли поведёт нас весьма далеко. И покатиться в такое путешествие небезопасно».

– «Что Вы имеете в виду?».

– «Да, собственно, то, что мы ведь все окружены многообразными табу, этими запретами, которые хоть и не прописаны конкретно, но явно присутствуют в церковной практике. Справедливости ради скажу, что ограничения есть и в иудаизме. В интеллектуальных кругах они, действительно, могут вполне вольно трактовать многое, но обсуждать в синагоге какие-либо вопросы, тем или иным образом связанные с христианством, нельзя. Но я хочу говорить о нас. Разве вы не знаете, что любое отклонение от т.н. догматов влечёт за собой обвинение в ереси? Но я, может быть, взял круто; не обязательно касаться именно догматов, но есть ещё и такое понятие как традиция. Это настолько консервативное явление, противостоять которому весьма непросто, а в большинстве случаев и невозможно».

Чтобы не напускать тумана в рассуждениях, возьмём первое, что приходит мне на память: это вечное противопоставление христианства иудаизму в известной формуле «Благодать и Закон». Не исчислить всех книг и проповедей, в которых муссируется этот посыл. Ев-

реи (во всяком случае, верующие евреи, – ведь не все же они верующие) считаются у нас закоренелыми законниками; у них одни предписанные заповеди, которые они обязаны соблюдать. А их – шесть сот тринадцать! Евреи только и знают, что изо всех сил стараются своими делами заслужить благоволение Бога, Которому ну просто делать больше нечего, как только следить за каждым и подмечать его промахи. Другое дело – мы, христиане!

У нас – Благодать! Мы получили доступ к этой благодати даром по любви Божьей к нам во Христе Иисусе. Как же, ведь сказано: «... делами закона не оправдается ни одна плоть». Я не указываю ссылки на Новый Завет, будучи уверен, что вы и сами знаете всё это. Вот традиция христианского мышления, и знаете, внутри Церкви это не мешает жить. Более того, миллионы и миллионы людей за две тысячи лет нашей эры обрели дорогу к Богу именно по Благодати. Они благодарны Ему и в своей сыновней верности Отцу небесному очень многие отдали жизни свои, когда надо было противостоять безбожию – хоть открытому, хоть мимикрирующему под христианство.

Такое мышление противопоставления иудаизму годится только в закрытой системе христианства. Но вот мы вчера читали с вами благословения Бога из еврейских уст и почувствовали, – а я видел, что почувствовали, – знакомые и даже очень близкие интонации. Откуда бы это у сухих законников? А ведь они благословляют Всевышнего буквально за всё и благодарят Его за всё. Доходит даже до того, что просто обескураживает своей неожиданностью, ни в одном молитвеннике самых различных христиан этого нет: благословляется Бог, даровавший человеку все необходимые отверстия (я употребляю это слово из текста), которые нормально функционируют. Непривычно, да? Хотя это естественно по существу: когда какое-то из этих, извините, отверстий начинает давать сбой, то мы быстро осознаём важность и нужность их. В Церкви такого благословения не произнесёшь, да и в молитвенниках, повторяю, этого не встретишь. Согласен, это частная молитва, но ведь её текст предложен печатно, и мы можем это прочесть. Благословения и благодарения за вкус, за запахи..., да просто невозможно всё перечислить. Как всё это может прийти в голову?... нет, я неправильно говорю: как законническая и сухая еврейская душа может так благословлять и благодарить Создателя, если она – по нашему представлению – помышляет лишь о неукоснительном исполнении неумолимого Закона? А может быть, мы

что-то не знаем, не понимаем? И выясняется, что не знаем – и значит, не понимаем. Помните, когда раввин по имени Никодим обратился к членам Синедриона (Санхедрина), этого Верховного еврейского суда? – «Судит ли Закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?». В этом была святая правда: еврейский суд был тщательным и неторопливым; делалось всё возможное, чтобы дать шанс обвиняемому оправдаться. Мы же не удосуживаем себя хотя бы почитать что-то, чтобы хотя бы как-то попробовать понять еврейские взгляды на общие нам вопросы, – зато судим об этом глубокомысленно. А ведь общих вопросов много. Но я не хочу отвлекаться, а возвращаюсь к ответу.

Видите ли, когда я, будучи движим искренним желанием во многом разобраться, стал искать, находить и вникать в их книги, то – поверите или нет – еврейский мир стал мне удивительно знакомым и близким. Не хочу сказать, что мне всё там стало понятно, и я всё принял. Думаю, что далеко и не все евреи понимают и принимают. Но для меня не это главное; важно, что я сердцем почувствовал их молитвы Тому, Кому молюсь и я. Ряд библейских положений стал выглядеть намного иначе. Я всё время мучаюсь в поисках наглядного примера, чтобы лучше проиллюстрировать эту мысль. Все воображаемые примеры мне кажутся недостаточными. Ну, хотя бы так: прошли годы, сын возмужал, тон безапелляционности, свойственной жизненной неопытности, уже позади; хочется побольше узнать об отце, которого – увы – уже нет. Вопросы пришли зрелые, как хотелось бы их обсудить с отцом, сесть друг против друга и сказать попросту: «Папа, а как бы ты поступил в такой ситуации?..». И тогда сын начинает справляться об отце у соседей, у его оставшихся приятелей, – но всё складывалось как-то сумбурно; и невдомёк было сыну, что лучше всего для этого подошли бы отцовские письма, в которых отец сам становится понятным и близким. Матери же он наказывал самой не навязывать сыну чтение писем до той поры, когда он сам захочет. Если когда-нибудь захочет...

Надеюсь, мой не очень-то удавшийся пример всё же дал понять, что я имею в виду: чем пользоваться пересудами, не лучше ли обратиться, как говорится в науке, к первоисточнику? И тогда обнаружится, что евреи чтут нашего – одного и того же – Бога; и тогда мы вдруг вспомним, что «дары и призвания Божии непреложны», т.е. неотменяемы применительно к Израилю, – вы же вспомнили эти

слова апостола Павла из его письма Римлянам? Кстати, там и ссылка есть на Числа (Бемидбар) из ТаНаХа, незаслуженно названного христианами Ветхим Заветом; вот что мы там читаем: «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться. Он ли скажет и не сделает? будет говорить и не исполнит?»(23:19). Надо ли вам напоминать о многократно подтверждённом заключённом Завете (союзе, договоре) Бога с Израилем? Я напомним другие слова Павла из того же письма, 9:4-5; в синодальном издании это звучит довольно архаично, и я прочту по Иерусалимскому переводу. Позвольте пояснить, какой перевод Нового Завета я имею в виду, который называю Иерусалимским: он сделан Давидом Стерном, преподававшим в Фуллерской семинарии «Иудаизм и христианство»; в 1979 году вместе с семьёй совершил алию, (иммигрировал в Израиль). Перевод сделан с целью донести новозаветный текст, максимально отражающий еврейскую суть. Вот выходные данные этого издания: 78 Manahat, 96901 Jerusalem, Israel. Итак, цитирую: «Они (сыновья Израиля) были усыновлены Богом, Шхина (Божественное присутствие) была с ними; им принадлежат договоры, равно как и дарование Торы...». Можем ли мы, сославшись на Библию, сказать, что всё это когда-то было отменено: и Завет, и усыновление? В христианском сознании закрепились так называемая «теология отвержения», – но это ни что иное как недобросовестность в чтении Библии. Бог никогда не отказывался от Своего духовного отцовства по отношению к Израилю и Завет с ним не отменял. Да, полагаю, вы и сами здесь же вспомнили совершенно конкретные слова Павла: «Не отверг Бог народ Свой!». Он сказал это не в полемическом запале, а повторял неоднократно и категорично. «Им принадлежат Договоры...», – это сказано не в прошедшем времени, а в настоящем.

Поэтому и понятно, что в молитвах своих, как мы видели, евреи постоянно произносят «Авину Малкenu» – «Отец наш, Царь наш». Сыновство своё они хранят до сих пор и говорят христианам, что им другого Завета и не нужно, – ведь у них есть уже незыблемый Завет. Если они проходят тяжёлую и даже далеко не всем из них понятную дорогу, то это не отвержение, и всякая дорога не бесконечна. Они ждут Машиаха, т.е. Мессию, и дождутся, живя согласно Завету. Им Вера как условие их сыновства не нужна, ибо, повторяю, сыновство им было дано, и это непреложно. У нас же, язычников («народов»), такого Завета не было, – но ведь Бог любит всех, – и нам было пред-

ложено посредством Веры в Иисуса вступить в свой Завет с Богом. Мы называем это «по Благодати». И получается: Господь наш ведёт Израиля одним путём, а язычников – другим, но все в конечном счёте будем вместе. Напомню из пророка Исайи: «И будет в последние дни: гора дома Господня будет поставлена во главу гор., и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: придите и взойдём на гору Господню, в дом Бога Иакова... Ибо от Сиона выйдет Тора и слово Господне – из Иерусалима».

Мне порой кажется, что я говорю прописные истины, но потом убеждаюсь, что слишком для многих христиан это всё неведомо. И вот ведь в чём парадокс! – иные конфессии практикуют лишь обрядовость, и основную массу населения это вполне устраивает; там интерес к Св.Писанию весьма слаб или вообще никакой. В ваших же церквях все богослужения в основном строятся на Слове, и ваши прихожане его знают довольно-таки неплохо. Но вот данный аспект, – я имею в виду отношение к Израилю, – почти не рассматривается, и мысль в этом направлении не развивается. Слава Богу, что в ваших общинах нет антисемитизма, – знание Библии помогает избежать этого. И всё же «не делать зла» ещё не значит «делать добро». Я часто вспоминаю трагическую историю убийства Авеля Каином. Всевышний спрашивает: «Где Абель, брат твой?», на что Каин отвечает: «Разве я сторож брату моему?».

Я недавно прочитал по интернету в работе одного израильского автора весьма смелую мысль; как оказалось, – я спрашивал у автора, – она порождена даже не им, а уходит своей историей чуть ли не к мидрашам первых веков нашей эры. Суть в двух словах: Исав и Иаков (по-еврейски – Эсав и Яаков), внутриутробные двойняшки, родившиеся у Исаака и Ревекки (соответственно, у Ицхака и Ривки), – это в эсхатологическом Божьем промысле немного-немало христианство (Эсав) и иудаизм (Яаков). Каково?

Это для меня было так неожиданно; я до сих пор ещё не исследовал, откуда же в иудаизме взялся такой посыл. Конечно, не надо думать, что это магистральная линия иудейской мысли; она очень даже периферийная. Но мне всегда глубоко импонировало то, что там допустимо выдвигать версии и обсуждать практически любой вопрос вовсе не обязательно в строго ортодоксальном духе.

Не знаю, насколько доходчиво я сумел объяснить моё понимание соотношения иудаизма и христианства. Есть в христианском бо-

гословии такое понятие, оно давно уже было сформулировано, ещё во времена Отцов Церкви; оно звучит так: «неслиянно и нераздельно». Относится это совсем к другой теме богословия, но мне в данном случае интересна сама формулировка. Насколько мне видится проблема Синагоги и Церкви, – мистическим, труднопонимаемым и труднообъяснимым образом они сосуществуют в этом мире именно по такой формуле – «неслиянно и нераздельно». Говоря об Иисусе, ап. Павел в письме Ефесянам пишет: «...он сам наш шалом, он сделал нас обоих одним целым и разрушил мхицу, разделявшую нас... Он совершил это, чтобы из двух групп создать в союзе с самим собой новое единое человечество и таким образом принести шалом...» (читал по Иерусалимскому переводу).

Голос из зала:

– «Извините, а что такое «мхица»?».

– «Ударение на втором слоге; обозначает «преграда», это слово есть в синодальном переводе. Не думаю, что данная цитата понравилась бы еврею; какое уж там «единое целое», когда в Церкви главенствует «теология замещения», в силу которой должно понимать, что еврейский народ своё избранничество выронил из рук, а язычники его подхватили и понесли дальше. Но мне думается, здесь Павел-провидец, и его пророчество сходится с тем, что мы читали у Исайи.

Со мной с трудом согласятся как с иудейской, так и с христианской стороны; у всех найдутся свои аргументы, но взаимопониманию мешает неспособность (часто – нежелание) признать, что Один и Тот же Всевышний ведёт нас разными путями к одной цели. Христианство очень медленно приходит к осознанию, что слова «идите, научите все народы» относятся к народам, но не к Израилю, который остаётся в Завете с Богом. Чтобы закончить эту часть нашей встречи и перейти к дальнейшему знакомству с иудейской духовностью, я рекомендую найти в интернете очень глубокую и прочувствованную работу Элизера Берковича «Вера после Катастрофы», которой мы уделим особое внимание позже. Только не спутайте его с Евгением Берковичем, который является редактором обширного интернет-журнала «Заметки по еврейской истории»; там, кстати, вы найдёте тоже немало полезного. Первого вы найдёте на www.machanaim.org ; второго – на www.berkovich-zametki.com . Кстати, вам очень пригодится ещё один сайт – www.jcrelations.net

Ну что ж, пойдём дальше, если нет больше вопросов».

Подал голос отец Павел:

– «Вопросы есть, но от такого неожиданного подхода к старой проблеме требуется какое-то время для осмысления, чтобы эти вопросы сформулировать».

– «И не стоит торопиться. Не совсем обязательно сразу же «скреплять шпаги».

Возвращаемся к Сидуру «Врата молитвы».

Хочу прочитать текст «Песни о Славе Всевышнего»; это 12-й век н.э. Она достаточно продолжительная, и я представлю её вам выборочно. Её композиция такова, что каждое предложение произносят поочерёдно кантор и община. Пинхас Полонский так комментирует эту песню: она «рисует человека, объятого несбыточным желанием постичь сущность Бога и приблизиться к Нему, – однако он может видеть Бога только через Его деяния в мире и через иносказательные образы, данные пророкам, каждый из которых по-своему выразил различные степени постижения Всевышнего».

– «В прекрасную мелодию вплету слова, ибо к Тебе стремится моя душа».

– «Моя душа стремится под сень Твоей руки, чтобы познать сокровенные тайны Твои».

– «Лишь заговорю о славе Твоей, воркует сердце моё о любви к Тебе».

– «Поэтому вознесу хвалу Тебе, Имя Твоё прослаблю песнями любви».

– «Расскажу о Славе Твоей – Тебя Самого не в силах увидеть я; опишу Тебя образами, дам Тебе Имена – Тебя Самого не в силах познать я».

– «Через пророков и тайные речи рабов Твоих Ты передал образы великолепия Славы твоей».

– «Величием Твоим» и «Мощью Твоей» называли они величие дел Твоих».

– «Они описывали Твои образы, но не Твою сущность, описывали Тебя, согласно делам Твоим»...

– «Прими, прошу, мои многочисленные песнопения о Тебе; пусть песнь моя дойдёт до Тебя».

– «Славословие моё да станет венцом главы Твоей, и мольба моя – благоуханным воскурением».

– «Да будет дорога Тебе песнь бедняка, как песнь, пропетая над жертвоприношениями Тебе».

– «Да вознесётся благословение моё до главы Кормильца, Создателя и Родителя, Праведника могучего».

– «К благословиению моему склони голову и прими его, как воскурение благоуханное».

– «Да будет угодна Тебе речь моя, ибо душа моя стремится к Тебе».

Вот короткая молитва «Модим де-Рабанан» – «Благодарение наших раввинов». Её вся община читает шёпотом в то время, как кантор читает громко:

– «Мы благодарим Тебя за то, что Ты – Господь, Бог наш и Бог отцов наших, Властитель всего живого, Создатель наш, Творец мироздания. Подобаает благословлять и славить великое и святое Имя Твоё за то, что Ты дал нам жизнь и поддержал нас, – так продли же её и поддержи нас, и собери из изгнания во дворе Святилища Твоего, чтобы соблюдали мы Твои законы и исполняли волю Твою, и служили Тебе всем сердцем. Потому мы благодарим Тебя: благословен Бог, Которого подобает благодарить!».

Когда завершается Суббота (церемония эта называется «*хавдала*» – «разделение», т.е. отделение Субботы от будней), произносятся заключительные слова молитвы:

– «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, отделивший святое от будничного, свет от тьмы, Израиль от других народов, Седьмой день от шести рабочих дней. Благословен Ты, Господь, отделивший святое от будничного!».

И к этой молитве – комментарий: «Вначале упоминают об этих трёх великих разделениях в духовной и в физической сферах: в наши дни святое отделяется от будничного, свет от тьмы, а народ Израиля выделен из других народов. И лишь затем упоминают об отделении «шести дней от Седьмого дня», т.к. придёт время и наступит мир вечной Субботы, когда исчезнут все эти разделения: святое проникнет во все сферы жизни и освятит весь мир. Свет развеет тьму. Народы мира примут истину, открытую ранее только Израилю. Итак, Суббота – это средство освятить будние дни, наполнить их светом святости».

Теперь обратимся к другому молитвеннику, Сидуру «Шма Израэль». Он объёмнее предыдущего, но в нём нет комментариев, – поэтому читать будем только тексты молитв.

Вот благословения, произносимые коhanим, священниками. Вы этот текст хорошо знаете, это из Чисел 6:24-26. Слова настолько глубоки своей проникновенностью, что нас никак не смущает то, что там есть предписание «так благословляйте сынов Израилевых». Я знаю: благословения эти мы применяли и к себе и знали их благотворное воздействие. Вот сам текст: «Благословит тебя Господь и охранит тебя!

Будет благосклонен к тебе Господь и помилует тебя! Будет благоволить к тебе Господь и пошлёт тебе мир». В синагогальном же служении текст «разбивается» на части, и на каждую из них есть свой антифон.

– *«Благословит тебя...*

Да благословит тебя Господь, обитающий в Сионе, создавший небо и землю!

Господь...

Господь, Владыка наш, как велика слава Имени Твоего на всей земле!

И охранит тебя!

Храни меня, Боже, ибо я нахожусь под твоей защитой.

Будет благосклонен к тебе...

Бог нас помилует и благословит нас, и будет вечно к нам благосклонен!

Господь...

Господь, Господь, Бог – милосердный и милующий, долготерпеливый, Тот, чьи любовь и справедливость безграничны.

Благосклонен...

Обрати ко мне Свой взор и пожалей меня, ибо я одинок и нищ.

К тебе...

К Тебе, Господь, буду стремиться душой своей!

И помилует тебя...

Подобно тому, как взоры рабов прикованы к руке их господина, а взор рабыни – к руке её госпожи, – и наш взор устремлён к Господину, Богу нашему в надежде на то, что Он помилует нас.

Будет благоволить к тебе...

Удостоится он благословения Господа, милости Бога, Избавителя его, и обретёт он в глазах Бога и людей благосклонность и благоволение.

Господь...

Господь, помилуй нас, ведь на Тебя мы надеялись; даруй нам силы каждое утро и спасение – в час беды.

Благоволить...

Не отвращай от меня лица Своего в день беды моей; приклони ко мне ухо Твоё; в день, когда я воззову к Тебе, без промедления ответь мне.

К тебе...

К тебе устремил я взор свой, о Пребывающий в высях.

И пошлёт...

И благословят они Именем Моим сынов Израиля, а Я благословлю их.

Тебе...

От Тебя, Господь, и величие, и могущество, и великолепие, и удача на поле брани, и слава; ибо всё, что на небе и земле, принадлежит Тебе, Тебе принадлежит царская власть, и Ты возвышаешься над всеми владыками.

Мир...

Изрёк Господь: «Мир, мир далёкому и близкому; Я исцелю его!».

Сейчас на дворе сентябрь, и евреи в начале этого месяца отмечают Новый Год – Рош аШана.

Вообще-то, буквально это значит как «глава года», но это не просто календарный рубеж, как, например, у нас. Рош аШана наполнен глубочайшим духовным смыслом. Считается, что в этом и последующих десяти днях вплоть до Йом Кипура («Судного дня») решается судьба каждого человека и каждого государства. В эти дни рекомендуется особенно обратить внимание на тшуву, тфилу и цдаку (езде ударение на втором слоге), что соответственно означает «раскаяние», «молитву» и «благотворительность».

И хотя Рош аШана говорит об ответственности человека перед Всевышним, всё же это праздник, т.к. верующий еврей надеется, что милосердие Божие перевесит Его справедливость. В иудаизме считается, что Йом Кипур, как и предшествующие ему десять дней, – это дни Божьего взвешивания судеб всего человечества и вынесения ему определения на последующий год.

Чтобы дополнить эту информацию, скажу, что через несколько дней после Йом Кипура следует праздник Суккот, праздник Кущей (шалашей). Евреи вспоминают, как они были выведены из рабства египетского и долгое время жили в ветхих шалашах во время своего скитания. Так вот, в этот праздник возносится молитва за все народы мира, – разумеется, об их благоденствии. Как видите, при всей внешней замкнутости иудаизм видит себя частью целого. Одна их молитва так и заканчивается: «Благословен Ты, Господь, помнящий союз Свой с человечеством». Но давайте всё-таки прочтём что-то из молитв на Рош аШана:

«Ты помнишь Свой замысел, в соответствии с которым сотворён мир, и с тех пор каждый год в Рош аШана перед Твоим мысленным взором проходят все Твои творения. Тебе открыто всё сокровенное, бесчисленные тайны мира, существующие с момента его создания, – ибо Ты, восседающий на славном престоле Своём, ничего не забываешь, и ничто не скрыто от Твоего взора. Ты помнишь всё мироздание, и ни одному из творений Твоих не спрятаться от Тебя. Всё открыто и известно Тебе, Господь, Бог наш, охватывающий Своим взором всю цепь поколений; ибо установил Ты этот день памяти Рош аШана, чтобы окинуть взглядом всех, кому дал Ты жизнь и душу, вспомнить все поступки бесчисленного множества Твоих созданий... Спрятаться ли кому от взора Твоего в этот день! Ведь вспоминаешь Ты каждого, проходящего перед Тобой, вспоминаешь дела человека и оцениваешь их. Вспоминаешь его злонамеренные поступки, расчётливость и хитрость, а также побуждения, которые руководили им. Счастлив тот, кто не забывает о Тебе. Счастлив человек, избравший Тебя своим царём, – стремящиеся к Тебе никогда не оступятся, и все, полагающиеся на Тебя, не опозорятся вовек...».

Конечно же, в эти десять дней раскаяния и молитв в синагогах присутствует надежда на обновление Союза, ведь Йом Кипур – это День искупления:

– «Бог наш и Бог отцов наших! Отпусти грехи наши в этот День очищения; очисти нас, удали с глаз долой преступления и заблуждения наши, как сказано: «Я и только Я – Тот, Кто очищает тебя от грехов и провинностей, и делаю Я это ради Себя Самого и более их тебе не припомню». И сказано: «Я очистил тебя от преступлений твоих; так небо очищается от туч, Я избавил тебя от грехов твоих, так солнечный свет рассеивает туман; вернись ко Мне, ибо Я готов освобо-

дить тебя». И сказано: «Ибо в этот день Я сниму с вас вину за грехи ваши, очищу вас от всех ваших провинностей; будете чисты вы перед Господом».

Следует помнить, что в иудаизме Союз, заключённый Богом с Израилем, – прямой союз, не знающий посредников. Поэтому верующие евреи не нуждаются в исповедниках, которые отпускали бы им грехи или не отпускали. Евреи говорят, что их Союз – это Союз Отца с детьми, и поэтому как бы ни были они грешны, всё же у них есть право прямого доступа молитвы ко Всевышнему. Вот дневная молитва («Амида») в Йом Кипур:

(Когда произносится текст следующей исповеди, молящиеся ударяют себя кулаком правой руки в левую сторону груди, говоря: «Мы согрешили»).

«За то, что мы согрешили пред Тобой по принуждению или по собственной воле;

И за то, что мы согрешили пред Тобой, подавив в сердце своём добрые побуждения;

За то, что мы согрешили пред Тобой по несерьёзности своей;

И за то, что мы согрешили пред Тобой, не исполнив обещания, которое дали устно;

За то, что мы согрешили пред Тобой открыто или втайне от людей;

И за то, что мы согрешили пред Тобой тем, что позволяли себе запретные половые связи;

За то, что мы согрешили пред Тобой суесловием;

И за то, что мы согрешили пред Тобой цинично или же обманывая самих себя;

За то, что мы согрешили пред Тобой дурными помыслами;

И за то, что мы согрешили пред Тобой, обманув ближнего;

За то, что мы согрешили пред Тобой неискренним раскаянием;

И за то, что мы согрешили пред Тобой тем, что участвовали в сборищах распутников;

За то, что мы согрешили пред Тобой умышленно или по ошибке;

И за то, что мы согрешили пред Тобой неуважением к родителям и наставникам;

За то, что мы согрешили пред Тобой, применив насилие по отношению к человеку;

И за то, что мы согрешили пред Тобой тем, что осквернили Твоё Имя;

За то, что мы согрешили пред Тобой, говоря глупости;

И за то, что мы согрешили пред Тобой сквернословием;

За то, что мы согрешили пред Тобой, укрепляя в себе злое начало;

И за то, что мы согрешили пред Тобой, осознавая всю тяжесть своего преступления или не осознавая;

И за всё это, милостивый Бог, прости нас, отпусти грехи наши, очисти нас!

За то, что мы согрешили пред Тобой, беря и давая взятки;

И за то, что мы согрешили пред Тобой тем, что отказывались признать свои обязательства по отношению к другим и лгали;

За то, что мы согрешили пред Тобой злословием;

И за то, что мы согрешили пред Тобой глумливостью;

За то, что мы согрешили пред Тобой нечестностью в деловых переговорах;

И за то, что мы согрешили пред Тобой тем, что не соблюдали Твои заповеди,

относящиеся к еде и питью;

За то, что мы согрешили пред Тобой лихоимством и ростовщичеством;

И за то, что мы согрешили пред Тобой гордыней;

За то, что мы согрешили пред Тобой нескромностью взоров;

И за то, что мы согрешили пред Тобой бездумными речами своими;

За то, что мы согрешили пред Тобой тем, что чувствовали своё превосходство над другими;

И за то, что мы согрешили пред Тобой наглостью;

И за всё это, милостивый Бог, прости нас, отпусти грехи наши, очисти нас!

За то, что мы согрешили пред Тобой, отказываясь признавать Твою власть;

И за то, что мы согрешили пред Тобой, полагаясь только на свой собственный разум;

За то, что мы согрешили пред Тобой, заманивая окружающих в ловушку;

И за то, что мы согрешили пред Тобой недоброжелательностью к другим;

За то, что мы согрешили пред Тобой легкомыслием;
И за то, что мы согрешили пред Тобой упрямством;
За то, что мы согрешили пред Тобой неудержимой тягой ко злу;
И за то, что мы согрешили пред Тобой сплетничеством;
За то, что мы согрешили пред Тобой, клянясь и утверждая очевидное или, напротив, – отвергая его;

И за то, что мы согрешили пред Тобой беспричинной ненавистью друг ко другу;

За то, что мы согрешили пред Тобой, протягивая руку помощи преступникам;

И за то, что мы согрешили пред Тобой вольнодумством, которое мешало нам верить в Тебя всем сердцем;

И за всё это, милостивый Бог, прости нас, отпусти грехи наши, очисти нас!..

Я вижу, что вы многому удивлены. Да, длинно и пунктуально, но спросим себя: разве это полный перечень недостатков и пороков человеческих? Им, по-моему, нет числа; но остановиться и в покаянной молитве исповедать пред Богом, называя каждый грех конкретно, – это не то, что набегу пробормотать «Господи Сусе помилуй мя». Мне не приходится идеализировать еврейскую жизнь, я совсем не собираюсь быть её апологетом и вовсе не утверждаю, что каждому еврею присуща такая бдительность ко греху, как мы только что прочитали. Это – дело совести каждого человека, независимо от национальности. Хочется обратить ваше внимание на другое, – да, полагаю, вы это сделали и сами: человек стоит пред Богом! Не прячется за обряды и не ищет посредников. Я ещё раз убеждаюсь, что правильно сделал, знакомя вас именно с текстами молитв. Это ведь так близко нам, – и нас мало смущает, что слова молитв сложены иначе. Мы, христиане протестантского направления, не только в похожих формах осознаём свою греховность и желание освободиться от её бремени, но так же не нуждаемся в посредниках в своих молитвах, следуя апостольскому наставлению, – а апостолы-то были евреями. Помните? – «...да приступаем с дерзновением к Престолу Благодати». Разными словами – в одном состоянии души.

Я заканчиваю двумя небольшими фрагментами; первый из «Неилы» («Завершение»), второй – «Мусаф» («Дополнение»):

«Ты протягиваешь руку преступникам, чтобы помочь им вернуться к Тебе; Твоя десница простёрта навстречу возвращающимся.

И научил Ты нас, Господь, Бог наш, исповедоваться пред Тобой во всех наших провинностях, чтобы исправились мы...».

«Благодарим Тебя за то, что Ты, Господь, – Бог наш и Бог отцов наших вовеки веков. Ты – оплот жизни нашей, Защитник, спасающий нас из поколения в поколение. Будем благодарить Тебя и провозглашать Тебе хвалу вечером, утром и днём за жизнь нашу, вверенную Тебе, за души наши, хранимые Тобой, и за чудеса Твои, которые Ты постоянно совершаешь с нами, и за Твои знамения и благодеяния, которые Ты творишь всегда, – о,Добрый! – потому что милости Твои неисчерпаемы, – о,Милосердный! – потому что благодеяния Твои неистощимы; ведь мы от века надеемся на Тебя!».

Всего не прочтёшь в условиях ограниченного времени, поэтому приходится самого себя останавливать. Я и так уже задержал вас...».

– «И всё же вопрос, можно?»

– «Отказать не могу, но ответ в любом случае перенесём на завтра, если Бог даст».

– «Я буквально по последним словам приведённой молитвы-благословения. Меня зовут Роман Воеводов; я пастырь одной из харизматических общин пятидесятнического направления. У нас, кстати, тоже заложена хорошая традиция: богослужение каждый раз мы начинаем прославлением Господа. Есть специальная группа прославления; она задаёт тон и настроение, а вся община вслед за этой группой поёт песни славословия. Ну, это к слову... А вопрос мой содержит в себе моё откровенное недоумение: к Всевышнему возносится благодарность, и произносятся слова «о, Добрый! о, Милосердный!»

Искренние ли это слова? Могут ли евреи такое произносить, совсем недавно пережив Катастрофу, – фашистский геноцид, когда были замучены шесть миллионов человек? Нет ли здесь в синагогальной службе фальши?».

Возникла тянущаяся пауза. Наконец Алексей Григорьевич произнёс:

– «Как хорошо, что я не обещал ответа сразу. Оставим это до следующей встречи».

«И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО. ДЕНЬ ТРЕТИЙ»

Погода изменилась, хотя на компьютере ещё с вечера накануне было отмечено: «без осадков».

Но к утру затянуло какой-то хмарью, по деревьям – видно было из окна – гулял довольно сильный ветер, пошёл дождь – неуютный, зябкий. Вообще-то Алексей Григорьевич сырую погоду любил, но не холодную, не промозглую. Когда шёл дождь, – если это, конечно, была не гроза, – он брал свой широкий зонт, который так удачно купил по случаю, о восемнадцати спицах, и шёл гулять. Близким он обычно говорил:

«В такую погоду мне хочется поквакать». Но сегодня с утра – совсем другое. «Вот тебе и синоптики», – думал он, хотя и без раздражения. Он не любил повторять шаблонных фраз, вроде «у природы нет плохой погоды»; он знал, что на исходе сентября в резком изменении погоды странного нет ничего. Только вот голова была тяжёлая. Алексей Григорьевич не очень-то считался с т.н. «неблагоприятными днями»; он полагал, что так поневоле психологически даёшь себе «установку» на неблагоприятное самочувствие. Но, наверное, сам возраст диктовал своё. Стар ли он был? – вряд ли; начало седьмого десятка – это ещё не почтенный возраст, но разбалансированная экология давала о себе знать. Сколько раз приходилось отмечать: с утра выходишь по своим делам свежий, походка бодрая, но не пройдёт двух часов, – и после невольного вдыхания выхлопных газов от автобусов и автомобилей голова становится просто дурной. Наваливалось ощущение, что тяжело проработал целый день, а ведь не было ещё и обеденного времени. Он всегда недоумевал, почему городские власти не пополняют городской бюджет совершенно безо всяких на то затрат: достаточно поставить инспекторов ГАИ (он называл эту службу по-старому), чтобы самым обычным замером определять уровень загрязнения выхлопных газов. Ведь чаще всего это даже «на глаз» видно: за авто тянется такой чёрный шлейф гадости, что и замеров-то не нужно. Ведь это тот случай, когда жёсткие штрафы морально поддержало бы население города: все дышат

таким воздухом, и вред прежде всего малым детям, потому что они едут в колясках или идут «за ручку», а тяжёлые вредные примеси как раз оказываются на их уровне.

Алексей Григорьевич не мог понять так же, почему не штрафуют изготовителей модных тротуарных плиток, – это тоже было бы морально оправдано. И опять же – доход в бюджет. Ведь ясно, что плитку делают с нарушением технологий, она получается мягкой, легко крошится, – а ведь это цемент, отравя для лёгких. На цементных заводах рабочим выдавали молоко, потому что производство считалось вредным. Стоило только подняться ветру, – а в городе это бывало часто, – как вся цементная пыль поднималась и вместе с выхлопными газами создавала убийственную смесь. Разве не видно? – за время возникновения в городе тротуарных плиток (хочется ведь как в Европе!) их уже меняли несколько раз, так как они превращались в какое-то безобразие из-за своей некачественности. Неужели и здесь производители дали кому следует «на лапу», чтобы обеспечить себе постоянный заказ? Хотелось даже написать об этом в какую-нибудь городскую газету, но скептическое отношение в нынешней реакции властей на подобные явные нарушения норм охлаждали намерения. Попробуй, повороши – и сразу будешь иметь дело с денежными воротилами. Взять хотя бы вонючие автобусы, приобретённые зарубежом как утильсырьё, не предназначенные для внутригородских перевозок: сами шофёры что-ли виноваты, что за ними тянется губительный шлейф? Их дело – крутить баранку, а техническое обеспечение эксплуатации – дело хозяев. Но круговая повязанность чиновников от власти с финансовыми «мешками»?.. Это тебе не простого водилу оштрафовать.

Думы были обычными, под погоду. Но к назначенному часу Алексей Григорьевич был на месте и с удивлением отметил, что народу вроде бы прибавилось. Да не «вроде бы», а так и есть. Считать? Зачем считать? – не классный же руководитель перед началом уроков. Может быть, погода загнала всех в сухость и тепло? – здесь стены ещё не остыли после жаркого лета. Подошёл поздороваться один молодой человек и сказал, что ему вчера вечером звонили и как могли рассказали о двух предыдущих лекциях. Его звали Андреем Протопоповым; он был пастором баптистской общины, той, что на окраине города, называемой «Овражками». Он искал счастья аж за океаном, но что-то не заладилось (бестактно было бы самому выспрашивать, – мало ли что бывает?); вернулся...и нашёл себе духовное

применение. «Умница, – подумал Алексей Григорьевич, – по крайней мере живёт не только ради хлеба насущного. Сколько их съехалось «туда», и что? Конечно, зарабатывают они больше, чем здесь, – но про духовное поприще забудь. Там таких, как тараканов в банке». Между тем Андрей заметил, что, оказывается, пасторы вчера довольно активно общались друг с другом по телефонам; отмечали, что информация о еврейской религиозной культуре была весьма неожиданной из-за своей новизны. Новизна и привела сегодня тех, кого до этого здесь не было.

Поблагодарив за добрые слова, Алексей Григорьевич подошёл к столу. Впрочем, он не любил сидеть перед аудиторией; он то подходил к окну, за которым был виден уютный перекрёсток, то ходил между слушателями. Сегодня поставили ещё и классную доску, этакую современную, компактную и опрятную, на которой так и хотелось что-нибудь писать. На ней было удобно указывать сайты и фамилии авторов, которые предоставляли очень полезную информацию по заявленной теме.

– «Ну что ж, дорогие друзья, – начал он, – как пелось в какой-то эстрадной песенке, «на улице дождик и слякоть бульварная», а у нас тут довольно уютно. Как говорится, начнём, пожалуй. Вчерашний вопрос... Как вас? Вы вчера называли себя».

– «Роман Воеводо».

– «Да, пастор, мне следовало бы запомнить вашу фамилию хотя бы потому, что у неё исторический оттенок. Вопрос вы мне задали очень тяжёлый. Я даже не перечислю сейчас, сколько он влечёт за собой различных аспектов: это и духовный, и религиозный, и политический...»

Признаюсь, я в некотором замешательстве, потому что на тему «Евреи и Катастрофа» написано столько, что просто нет сил удерживать в памяти хотя бы авторов. Но у нас в СССР эта тема открыто не обсуждалась; лишь в последнее время, с начала 90-х годов стали появляться отдельные статьи, отечественные и переводные. Кстати, в конце сегодняшней встречи напомните мне, чтобы я выписал на доске те сайты, которые я вам ранее называл. Сейчас же пишу несколько имён, а вы, если проявите интерес, и сами узнаете больше: Юрий Табак, занимается исследованием в области иудео-христианских отношений, автор профессиональных статей, благодаря его переводам изданы хорошие работы по нашей теме; Сергей Лёзов, специалист по иудаике, автор научно-публицистических статей; Джон Пав-

ликовский, профессор Чикагского университета, автор ряда книг на тему иудео-христианских отношений; Арье Барац, автор многих публицистических и религиозно-философских статей, его перу принадлежит очень интересная книга «Теология дополнительности»; у него же есть и сайт – www.abaratz.com; Пинхас Полонский, о котором я вам уже говорил. Есть сайт библиотеки и архива священника Якова Кротова; пишу – www.krotov.info.

Если вы помните, я называл сайт «Беркович – Заметки». Так вот, если вы там нажмёте ссылку на «авторов», то по алфавиту найдёте «Кэрролл Джеймс». Пишу название его обширной работы: «Меч Константина. Церковь и евреи». Почему я рекомендую этого автора? Он – католический священник, написал беспристрастную, честную книгу. Я могу догадываться, какого научного мужества это ему стоило, – ведь речь идёт о христианском антисемитизме.

Но я буду цитировать из другой книги. Она вышла совсем недавно, – как говорится, ещё пахнет типографской краской, хотя современные полиграфические технологии уже другие. Так получилось, что некоторое техническое участие в её издании я принимал и получил любезное согласие автора сослаться на его работу. Имя автора – Евгений Майбурд; ленинградский еврей, живёт сейчас в Штатах. Сама книга называется довольно одиозно – «Богословие ненависти», но сразу оговорюсь, как это сделал и сам автор: название это он позаимствовал у того, в адрес которого и была написана книга. Дело в том, что книга Евгения Майбурда – это своего рода отповедь гнусному антисемитизму небезызвестного вам диакона Андрея Кураева. Если книга Джеймса Кэрролла более плотно насыщена научной информацией, и нам потребовался бы специальный курс, чтобы из века в век, через всю историю христианства идти по мрачным следам антисемитизма, то у Евгения Майбурда эта тема более сжата, – и всё равно я позволю себе лишь выдержки из неё. Однако, меня хотят что-то спросить?».

– «Доктор, извините. Не преднамеренно ли Вы изменили тему? Ведь пастор Воеводов спросил о другом: как может еврей восхвалять Бога после пережитой совсем недавно Катастрофы? Ведь после этого многие стали просто атеистами...».

– «Спасибо за напоминание, но я не забыл сути вопроса. Как учёный я считаю, что нельзя судить о серьёзном явлении без понимания его основы. Это как айсберг: подводная часть его всегда более внушительна, чем верхушка. Поэтому, – если вы хотите услышать от

меня обстоятельный ответ, – я буду говорить в той последовательности, в какой считаю нужным. Катастрофа (Холокост) имеет духовные корни, которые коренятся в христианской почве. Гитлер ведь недаром похвалялся, когда в апреле 1933 года объявил, что «он всего лишь хочет более эффектно осуществить то, чего так давно добивалась Церковь».

Я вам процитировал из книги Элизера Берковича «Вера после Катастрофы», которую уже рекомендовал; она на сайте «Маханаим», тоже мной предложенном. Тогда не было доски; теперь же я всё это выписываю, как и все библиографические ссылки по ходу изложения материала.

Как видите, название книги – «Вера после Катастрофы» – обещает многое, оно напрямую связано именно с тем вопросом, ответа на который я буду пытаться дать. Я не скромничаю; действительно, это будет лишь посильной попыткой понять иррациональное. «Рацио» – это разум, но можно ли понять неразумное, безумное? Перед вами будет стоять сильнейший психологический барьер: поставить под сомнение действия Церкви. И всё же, кому нужна правда, хотя бы даже и горькая, то мы должны предоставить ей слово.

– «Спросить можно?».

– «Да, конечно».

– «А что это за намёк сделал Гитлер в адрес Церкви? Разве он такой уж авторитет в сфере нравственности, что ему можно доверять? Убийце, преступнику мирового масштаба...».

– «Фюрер не авторитет, это правда. Но он здесь лишь как показатель того, до каких крайних уродств может дойти веками вскормленная идеология. Чтобы вы сразу почувствовали серьёзность и глобальность того зла, прочтём покаянное слово, написанное Папой Иоанном ХХ111 и предназначенное для чтения во всех католических церквях. Но Папа умер во время Второго Ватиканского Собора; спустя годы его канонизировали, и «Акт раскаяния», – так называется этот документ, – стал своего рода завещанием:

«Мы сознаём теперь, что многие века были слепы, что не видели красоты избранного Тобой народа, не узнавали в нём наших братьев. Мы понимаем, что клеймо Каина стоит на наших лбах. На протяжении веков наш брат Авель лежал в крови, которую мы проливали, источал слёзы, которые мы вызывали, забывая о Твоей любви. Прости нас за то, что мы второй раз распяли Тебя в их лице. Мы не ведали, что творили».

Собор, о котором я упомянул, проходил в 1962-65 годах, через двадцать лет после Катастрофы; для западных христиан это были годы мучительного переосмысления, и можно прямо сказать, что решения Собора были следствием Катастрофы. В Декларации «Nostra Aetate» («Наше Время») прямо было сказано, что «крестные муки Спасителя не могут быть поводом для обвинения всем евреям, ни жившим тогда, ни живущим сейчас».

Элиэзер Беркович справедливо писал: «Как уже много раз бывало, судьба евреев явилась индикатором морального уровня человечества». Пусть не покажется вам странным, но были лишь отдельные случаи, когда частные лица или организации помогали в то время евреям спастись от фашистского уничтожения. Дания, например, крошечная страна по сравнению с другими европейскими странами, но она открыто и активно принимала у себя евреев и давала им надёжное прибежище. А такая большая, сильная и демократическая, – я говорю об Америке, – всячески уклонялась от помощи и устраивала законодательный саботаж. Это длинная и постыдная «правовая» (я беру это слово в кавычки) тяжба, когда ещё было время и была возможность спасти многих и многих евреев. Я не буду отвлекаться на слишком большие подробности, нам для этого просто не хватит времени. Если вы обратитесь хотя бы к рекомендованным мной авторам, то можете от них много узнать.

А можно ли доверять Гитлеру с его ссылкой на Церковь, то нужно по этому поводу сказать ещё об одной исторической личности – о Мартине Лютере. Я понимаю, что уважаемому отцу Павлу это будет неприятно слышать, но ведь из песни слов не выкинешь. Так вот, когда Лютер возглавил движение, названное впоследствии Реформацией, он поначалу очень хотел, чтобы евреи примкнули к нему. Само движение было антикатолическим, а евреи в течение веков страдали от католицизма, – и Лютер руководствовался конъюнктурными соображениями «против кого дружить». Он даже пытался понравиться евреям своей бюргерской шуткой: «Если бы я был евреем, я бы скорее обратился в свинью, чем в католика».

Стефану Цвейгу он и напоминал бюргерского мясника; стоит взглянуть в этот психологический портрет в его книге «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского». По-современному сказать, Лютер «играл на публику». Но то ли шутка оказалась некошерной, то ли евреи не имели нужды участвовать в очередной религиозной междуусобице, которая для христиан имела своё значение, но совсем не

была интересна евреям, – и Мартина Лютера как-будто подменили. Если он до этого публично вставал на защиту евреев, то теперь всё было диаметрально противоположно. Не стоит здесь, уважая стены лютеранской кирхи, приводить все его грязные ругательства, но хотя бы для наглядности можно зачитать маленькие фрагменты, – и порядочному человеку этого будет достаточно:

«Знайте, мои дорогие христиане, и ни минуты не сомневайтесь, что после дьявола нет у вас врага более злобного и опасного, чем евреи». «Евреи настолько бесчувственны и дьявольски жестокосерды, что ничто не может тронуть их; они ... бесенята, приговорённые к аду; невозможно обратить это дьявольское отродье».

Лютера называют теологом Холокоста. Трагическую «Хрустальную ночь» с массовым погромом евреев нацисты устроили ко дню рождения Лютера. Юлиус Штрейхер, один из главных идеологов рейха, приговорённый к повешению на Нюрнбергском процессе, оправдывался тем, что он не говорил о евреях ничего хуже того, что давно уже было сказано о них Лютером. Полагаю, что здесь сказалась психопатическая натура Реформатора; он и на Эразма, тоже несостоявшегося своего союзника, обрушил потоки грязи. Но здесь расклад был другой: Эразм-то сидел в тиши своего учёного кабинета, а евреи – вот они.

По отношению к ним всегда напрашивается слово «иррационально», т.к. невозможно здравым смыслом объяснить, как в разных странах, в разных национальных культурах, в разные времена так безотказно срабатывал антииудаизм. Не будешь знать о существовании сатаны, – так всё равно будешь приходить к невольному выводу, что какая-то незримая, но целенаправленная сила культивирует это гнусное явление. Николай Бердяев чётко и правильно сказал, что антисемитизм в логическом завершении – это антихристианство. Так что, как видите, Гитлер не просто похвалялся, его ссылка на христианство не была ложной. Это тот же Смердяков, воплотивший идеи Ивана Карамазова, только в сатанинских масштабах.

И всё же вам, я чувствую, надо услышать ответ на вопрос, искренние ли синагогальные прославления Бога или неискренние. Я думаю, что написанное в молитвенниках – искренно, ведь это духовный опыт не одного человека, а выстрадано многими поколениями. Но каждая еврейская душа весь этот ужас тотального истребления домисливает по-своему, и уж конечно далеко не всякий еврей благодарит Бога за доставшуюся ему долю. И кто может ему быть судьёй?

Помнится, я как-то был на квартире одного еврея, мне нужно

было написать статью. Он – участник Великой Отечественной войны, рассказывал о себе; разговор поневоле коснулся и сталинских репрессий, – его отец попал в эти жернова, значит, и все домашние тоже. Мне недавно рассказывал мой названный старший брат, как он, шестилетний мальчишка, бегал по городу в поисках своего отца, увезённого в «чёрном вороне». Так вот, хозяин квартиры, – уж не помню его имени, – подвёл меня к туалету и открыл в него дверь: «Видишь?». И я увидел, что прямо под смывным баком (он у него был ещё тот, старый) к стене была чем-то прищиплена вырезка газетной фотографии, с которой смотрел человек в форме НКВД. «Вот этот человек ложно вёл «дело» моего отца и довёл до 58-й статьи. И отца не стало. Так теперь он у меня между унитазом и баком, и я ему каждый раз показываю ж... Кстати, и его, гниду, ожидала та же статья».

Так что всё по-разному. Но вот я приведу вам фрагмент диалога Эли Визеля и кардинала Джона О Конноре (в переводе Бориса Дынина). Эли Визель – бывший узник фашистских концлагерей; он говорил, что в Освенциме они вместе с отцом произносили молитву «Как счастливы мы! Как хороша наша доля, как отрадна наша судьба и как прекрасно наше наследие!». Это слова из Сидура. Что тут можно сказать: фанатизм ли это религиозный, или некий взгляд в глубину сути, которую нам, спокойно рассуждающим, понять просто невозможно. Это тоже из иррационального ряда, это осмысливается только опытно. И я в данный момент не могу не вспомнить своего деда, которого, к сожалению, видел только на фотографии; он был из евангельских христиан, и в 38-м году тоже был взят НКВД за Веру. Это было в нашем городе; здание этого наркомата стоит на прежнем месте, оно только меняло вывески – КГБ, теперь ФСБ, но подвал тот же. Я был там как-то раз, когда в начале 90-х стали рассекречивать архивы, и читал «дело» своего деда. Лет через 18 мы с тем моим названным братом читали «дело» его отца, первого мужа моей мамы; брат, 75-летний мужчина, плакал. Так вот, апелляционное заявление моего деда (безрезультатное, конечно) описывало подробности, как велись допросы. И что я хочу сказать: дед прислал записку, чтобы в его общине на ближайшем богослужении его братья и сёстры по Вере спели дорожкой для него гимн (так и до сих пор называются эти песнопения):

«Будем радоваться, братья,
Прочь уныние и страх, –
Принял нас Христос в объятия
И хранит в своих руках...», –

а у деда дома осталась неграмотная жена да шестеро детей. И кто будет моему деду судьёй? Может быть, ему было ведомо НЕЧТО, что превыше нашего рации?

Кстати, – я рассказывал при нашей встречи с отцом Павлом, – для вас будет неожиданностью узнать, что моего деда взяли именно из этой кирхи; тогда власти предоставили общине это пустующее здание, – ведь в городе к тому времени уже не было лютеранской общины, всех разметало «красное колесо».

Голос с места:

– «Пожалуйста, можно подробнее?».

– «Я это сказал лишь по ходу изложения. Если кого интересует, я могу после что-то добавить в частном порядке, как говорится. А сейчас я возвращаюсь к Эли Визелю. Из концлагеря он был освобождён семнадцатилетним юношей. Своё призвание он нашёл в писательском труде. Он много и плодотворно писал о евреях, их многовековой судьбе, такой сложной для понимания даже самих евреев. Кажется, в 87-м году ему присвоено звание лауреата Нобелевской премии. Конечно, он был свидетелем образования государства Израиль и, вроде бы, был даже участником знаменитой Шестидневной войны в 1967 году. Эту маленькую справку я даю для того, чтобы мы поняли хотя бы то, что Эли Визель в разговоре с кардиналом – вовсе не оупевший от ежедневного фашистского ада человек, который в полусумасшествии бубнил вместе с отцом «как счастливы мы, как хороша наша доля...». Я не думаю также, что он был титаном Веры. Повторяю, об этом даже кощунственно умничать. Элизер Беркович очень мудро сказал по этому поводу: «Отрицать Веру из-за Катастрофы – это надругательство над памятью погибших и сохранивших Веру. Слепое же утверждение Веры, невзирая на Катастрофу – надругательство над памятью погибших и потерявших Веру». Знаете, в который раз я вчитываюсь в эти ёмкие слова, и у меня ощущение бессилия достичь их дна. Ведь это правда: кто-то в благополучии жизни остаётся безбожником, а кто-то через невыносимые издевательства, унижения и бессмысленность страданий пронёс свою Веру.

Да, этот жгучий вопрос: в чём смысл страданий всего народа? Согласитесь, гораздо легче всё перенести и выйти из страданий «с победой», когда понимаешь смысл страданий. А вот когда этого не знаешь, когда не видишь смысла? Вряд ли видел какой смысл тот 17-летний еврейский парень, – говорю об Эли Визеле, – но потом

ему будет принадлежать весьма тонкое наблюдение: «Если бы бытие действительно было абсурдно, не существовало бы никого, кто был бы настолько умён, чтобы заметить это».

Впрочем, я боюсь, что уйду в другую тему. Я её планировал на очередную нашу встречу, сейчас же коснулся её поневоле. Мне хочется предложить вам, как говорится – для закрепления, очень и очень сжатую справку о том, как христианство готовило то, что вылилось после в ужасную трагедию, которая на иврите обозначена как «Шоа» – несчастье, всеобъемлющее бедствие. К нашему христианскому стыду скажу, что я не помню, чтобы это обсуждалось хотя бы на уровне семинаров; хотя считаю, об этом надо говорить и с церковных кафедр. Ведь подумать только, в последнее время некоторые учёные стали даже ставить под сомнение сам факт «Шоа», – к радости разношерстных неонацистов. Умалчивание об этом – прямой путь к повторению распятия Христа, по словам Папы Иоанна XXIII. И теперь я пользуюсь материалом из книги «Богословие ненависти» Евгения Майбурда, как и обещал, – хотя, ещё раз уточню, это не его богословие, а кураевское.

Когда императору Константину нужно было объединение западных и восточных земель, то он распространил Миланский эдикт (313 год), в котором утверждалось, что «свободы в религии стесняться не должно; напротив, нужно предоставить право заботиться о Божественных предметах уму и сердцу каждого, по собственному его произволению». Но уже Никейский Собор (325 год), на котором председательствовал Константин, запретил христианам из евреев соблюдать все еврейские заповеди и традиции; в противном случае они отлучались от Церкви.

В конце 4-го века епископ Амвросий Медиоланский (авторитет в православной Церкви) учит совершенно определённо: синагога – это «убежище неверных, приют безбожников, место, где скрываются сумасшедшие, логово проклятых самим Богом». Он договорился до того, что призывал истреблять евреев физически. Амвросия некоторые считают основоположником идеи геноцида еврейского народа. Но Блаженный Августин возразил против истребления. Тем не менее, – по его мнению, – надо сделать так, чтобы евреи жили жизнью жалкой и униженной; это должно быть свидетельством правды христианства и справедливости наказания.

Мне весьма неприятно говорить обо всём этом, но если мы не назовём зло – злом, хотя бы даже оно исходило от Отцов Церкви, то мы остаёмся причастниками этого зла. Вот Иоанн Златоуст (387 год):

«А лучше сказать, что синагога есть не только непотребный дом и театр, но и вертеп разбойников и логовище зверей..., вертеп не просто зверя, но зверя нечистого..., никто из иудеев не поклоняется Богу... Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа, то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов?». Вот Григорий Нисский (тоже 4-й век): «Убийцы Господа и пророков, враги и клеветники Бога, нарушителя Закона, противники милосердия, чуждые вере своих отцов, адвокаты дьявола, порождение ехидны...Преступники, дегенераты, враги всего приличного и прекрасного...». Вот Евсевий Александрийский (6-й век): «...горе вам, бесстыдники..., вам, названными сынами и ставшими собаками..., из Богом избранных вы превратились в волков и оттачивали зубы свои на Агнце Божьем. Отстранены вы от Его Славы, горе вам, клеветники неблагодарные, возлюбившие Ад с его вечным огнём...Ад поглотит вас с отцом вашим дьяволом».

После таких поучений Евгений Майбурд, из книги которого я цитирую с его согласия, весьма справедливо замечает: «Столь плотная концентрация злобы и ненависти в словах и умах святых отцов не могла не претвориться в дела земные».

Элихай Йоханан, католический священник, тоже пишет о юдофобии «отцов». – Григорий Нисский: «убийцы Господа», «богоненавистники», «защитники дьявола», «бесы»; святой Иероним; «змеи с обликом Иуды, чья молитва подобна рёву осла»; Иоанн Златоуст: «Вероломные разбойники, разрушители, развратники, подобные свиньям, превосходящие в своей злобе диких зверей..., они приносят своих детей в жертву дьяволу, нет им прощения за богоубийство, они отвержены Богом, рассеяны и ввергнуты в вечное рабство. Бог ненавидит евреев. Он ненавидел их всегда».

Из постановлений Шестого Вселенского Собора (680 год): «Никто из принадлежащих к священническому чину или из мирян отнюдь не должен есть опресноки, даваемые иудеями или вступать в содружество с ними, ни в болезнях призывать их, ни врачевства принимать от них, ни в бане купно с ними мыться. Если же кто дерзнёт сие творить: то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен».

Будешь ли удивляться, что в последующие века христианство постоянно пятнало себя грехом антисемитизма? Джеймс Кэрролл, уже упоминаемый мной, писал: «В течение всего последующего времени, столетие за столетием, снова и снова будет повторяться одна и та

же безнадежная история: папы и епископы будут защищать евреев от возбужденной христианской толпы, которая будет жаждать убивать евреев только потому, что так их учили папы и епископы».

После исторического экскурса по западным странам Евгений Майбурд вопрошает: «...а что же Русь?.. В 1563 году Иван Грозный овладел Полоцком. «Всех жидов, которые не захотели принять святое крещение, велел утопить в славной реке Двине...» (хроники).

Богдан Хмельницкий, украинский гетман, возглавил восстание против польского владычества.

С 1648 по 1649 г.г. казацкие отряды уничтожили более 100 (ста!) тысяч евреев, убивая всех без разбора.

С евреев сдирали кожу, а их тела скармливали собакам. Многих заживо погребали... Из беременных женщин вынимали неродившихся детей и бросали им в лицо. Погромы в России: 1881-1884, 1903-1906, 1918-1920 годах.

В православии до сих пор на Великую Седмицу (то есть в канун Пасхи) в храмах читают: «Евреи отвергли Божью правоту своей неверностью; вот почему им одним, как смоковнице, пожинать плоды проклятия». «За благодеяния, которые Ты, Христе, соделал роду еврейскому, они на распятие Тебя осудили, укусом и желчью Тебя напоив. Но воздай им, Господь, по делам их, ибо не поняли они Твоего снисхождения». После этого уже понятно, почему вспышки юдофобии происходят всякий раз весной, на Пасху.

Юрий Табак в своей статье «Об «Основах православной культуры», евреях и правозащитниках» весьма справедливо замечает: «... если в XX веке католические и многие протестантские теологи и историки основательно пересмотрели свои оценки евангельских событий и отказались полностью или частично от антииудейской части своего Предания, то православное христианство, укорененное в святоотеческом Предании, исповедует антииудейские взгляды до сих пор».

Чему учит Предание т.н. святых Отцов Церкви, мы видели.

Правда, есть слова бывшего Патриарха Московского и всея Руси, опубликованные в «Еврейской газете», 1992 г., №1; статья называется «Мы должны быть едино с иудеями»: «К сожалению, проявление антисемитских настроений и выступлений в настоящее трудное для нашего общества время кризиса, распада и роста национального обособления и этнического шовинизма имеют место в нашей жизни и имеют питательную социально-политическую среду для своего ро-

ста и распространения среди крайних экстремистов радикально правых шовинистических групп. Задача Русской Церкви – помочь нашему народу преодолеть это и победить зло обособления, этнической вражды и узкоэгоистического национал-шовинизма. В этом трудном для нас деле мы надеемся на понимание и помощь наших еврейских братьев и сестёр...».

Могу к этому добавить своё личное мнение: я не верю словам Патриарха; они не более чем дань т.н. политкорректности, за туманными словесами которой можно делать прямо противоположное. Всё свалить на социально-политическую среду и ни слова не сказать, почему именно в православных оградах находят себе приют и понимание многообразные антисемитские организации. После этого: «... мы надеемся на понимание...». Получается по известной присказке: «кому я должен, всем прощаю». Да тут не в бывшем Патриархе дело, не лучше скажет и нынешний. Снова цитирую Юрия Табака из той же статьи: «...православная Церковь сохраняет свою идентичность (противопоставляя себя католикам и протестантам) именно на том основании, что объявляет себя верной древнему церковному Преданию, которое включает в себя и древнюю антииудейскую и антисемитскую полемичность... Возражения на тот счёт, что существуют же «просвещённые», не исповедующие антииудаизма православные, неуместны, поскольку православная Церковь на соборном уровне не произнесла ещё своего обличительного учительного слова против антииудаизма и антисемитизма и не сделала это слово частью своего официального учения».

На сегодня всё. Я не привёл вам и миллионной доли тех злодеяний, которые творились по отношению к евреям со стороны христиан «к вящей славе Господней». Не привёл потому, что я по ходу изложения сознательно сокращал материал, который и у меня-то представляет лишь малую толику от того, что вы при желании можете и сами прочесть. Когда я готовил для вас данный спецкурс, то хотел сделать его полным света и добра, ибо именно светом и добром полны еврейские молитвы. Но я предоставил вам возможность «вопросов-ответов», – и как тут запланируешь дальнейший ход рассуждений?

Даст Бог – до завтра.

«И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО. ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ»

Осень не надломилась окончательно. Вообще для этих мест в Центрально-Чернозёмном регионе конец сентября ещё не значит, что монотонно плачущий дождём период уже настал. Вчерашняя погода хотя и была совсем уже не летняя, но и промозглости не было. А сегодня небо было сплошь серо-голубоватое, воздух тихий; сыро, но зато дышалось свежо. Приятно ощущать с утра нерастраченную ещё бодрость.

Придя в кирху, Алексей Григорьевич с удовлетворением обратил внимание на то, что пасторы числом не убавились; было опасение, что после вчерашнего «холодного душа» к дальнейшему разговору будет охлаждение.

– «Доктор, можно сразу вопрос, пока Вы не начали?».

– «Конечно. Пожалуйста».

– «Мы все, находящиеся здесь...».

– «Извините, что прерываю Вас. Мы не могли с Вами быть несколько лет назад в Москве на ежегодной международной конференции памяти отца Александра Меня? Я обратил на Вас внимание в предыдущие дни. Вас зовут?..».

– «Илья. Илья Безруков. Наша методистская община, в которой я пастырствую, уже достаточно давно сотрудничает с Фондом имени А.Меня. Не могу сказать, что я был на всех конференциях, – даты их проведения иногда накладывались на какие-то мои запланированные дела, – и мы тогда делегировали кого-нибудь от общины. Но два года назад и я Вас видел там, в «иностранке», как называют Российскую государственную библиотеку иностранной литературы. Мы знакомы не были; я хотел подойти к Вам, но Вы, кажется, были только на первом дне».

– «Да, мне было интересно услышать один из заявленных докладов (профессор из Чехии), да хотелось увидеться с Ивом Аманом, автором книги «Свидетель своего времени» об о. Александре. К сожалению, Ив не приехал, и я после первого дня конференции должен был заниматься деловыми переговорами относительно издания

в столице моей книги по иудео-христианскому диалогу. К слову сказать, – раз уж тема наших встреч такая же, – книга за это время была издана; называется «Где Авель, брат твой?». До этого она была пока только в интернете».

– «Мы о ней что-то слышали. Говорят, она очень проблемная».

– «А к чему писать непроблемные книги? Это же ведь не бульварное чтиво, которое замешивается на потребу публике».

– «В Москве издавать очень дорого...».

– «Москва проплачивала, она издавала, она же весь тираж взяла себе. Ну, мне как автору 30 экземпляров досталось, которые я, разумеется, раздарил тем, кто умеет читать подобные книги. Вы, надеюсь, понимаете, что я имею в виду. Но возвращаемся к Вашему вопросу».

– «Как-то неожиданно Вы перешли ко мне... Я настроился на то, что Вы что-нибудь расскажете об этой книге».

– «Негоже отвлекаться, тем более по поводу себя. А книгу лучше читать, чем судить о ней со слов хотя бы даже и автора. Но она уже своего рода раритет; правда, как я сказал, в интернете она есть, ищите в поисковых окнах. Название я дал. Итак, Ваш вопрос...».

– «Да, я хотел сказать, что мы все, здесь находящиеся пасторы, проходили курс истории Церкви, и, конечно, во всех семинариях, каким бы конфессиям они ни принадлежали, в разной мере, но отражены постыдные страницы крестовых походов, которые формально были спровоцированы целью освобождения Гроба Господня от иноверных. Не секрет, что все эти походы представляли собой авантюру разношерстной массы невежественных в христианской Вере людей, которым был нужен повод для разгула, для наживы, для погромов по пути в Иерусалим; разумеется, досталось и евреям. Но мы не знали, – а в наших учебниках об этом ничего не говорилось, – что основы антисемитизма были заложены ещё Отцами Церкви, если их так можно назвать. Вчера Вы сказали, что даёте лишь краткую справку о христианском антисемитизме, – а всё началось с хвастливых слов «бесноватого фюрера», – так что ж тогда представляет собой полная хроника юдофобии! Мой вопрос – даже и не вопрос, а как-бы предположение к размышлению: чем может быть искуплена наша вина?».

– «Я просто уверен, что полной хроники и не может быть. Кто может всё посчитать? Разве за каждым фактом была отчётность? Здесь проблема даже не в количестве. Прав Элиэзер Беркович: «Страдания одного невинного так же непостижимы, как страдания миллио-

нов». Проблема остаётся, и она заключается в том, как весь этот сатанизм изжить. К этому будет сводиться мой ответ на Ваши слова об искуплении.

Знаете, мне не нравятся призывы о всеобщем покаянии, о всеобщем искуплении. Это кликушество толпы, хотя бы даже и образованной. Я удивляюсь и не могу понять, куда подевались честные историки. Конечно, они есть, но им нет возможности говорить открыто. Вот, к примеру, стали часто показывать монастырь на Соловках; молодые журналисты, явно не знающие историю этого монастыря, наперебой уверяют нас, что Соловки – это символ русского духовного возрождения после времён ГУЛАГа, когда от рук коммунистической власти здесь закончили свою жизнь многие священники. Это правда, и хорошо, что она наконец-то сказана. Но это не вся правда. Никто не говорит сегодня, что тот же Соловецкий монастырь и до советской власти был тюрьмой, тюрьмой страшной, откуда побег был невозможен. Во всяком случае, я не слышал о «графе Монте Кристо», который бы сбежал оттуда, как с острова Иф. В монастырь этот заточало инакомыслящих... православное начальство. Причём, попавшие в эту безнадёжную тюрьму не экзотические для Севера плоды выращивали, как об этом умильно рассказывают в телерепортажах, а сидели в каменных мешках без света и в сырости. Пожизненно. Повторю: совершалось это по «христоробивому» определению священноначалия. Когда недавно Соловки посетил нынешний Патриарх всея Руси (гражданин Гундяев), то репортёры умильно напоминали о его дяде-священнике, здесь сложившим свою голову, но опять же ни слова не сказав об ужасном и безбожном прошлом этого монастыря-тюрьмы. Кстати, о монастырях как о тюрьмах написал исследование ещё дореволюционный автор – Пругавин А.С.; работа так и называется – «Монастырские тюрьмы». Он показал, что по преимуществу все тогдашние монастыри были местом ссылки и заточения. Что ж после этого удивляться, что и самих священников, самого разного сана, большевики уничтожали в подобных монастырях. В обществе, как и в природе, существует причинно-следственная связь. Вы же помните знакомое: «что посеет человек, то и пожнёт». Что у Вас?..».

– «Не об этом ли была Ваша книга «Святая инквизиция в России до 1917 года»?».

– «Нет, там это было лишь к слову. «Инквизиция...» – о том, как за уклонение от православия лишали всех прав состояния и ссылали на каторгу; я почти процитировал основной рефрен тогдашнего ре-

лигиозного законодательства. Это явление было более широким, чем монастырские тюрьмы.

Так вот, я затронул фактор массового психоза о будто-бы всенародном покаянии. Ещё можно вспомнить перезахоронение останков членов семьи Николая Второго в Соборе Петропавловской крепости. Тогда тоже твердили о примирении и согласии, – будто бы мёртвые кости могут оживить наши души. Я не против перезахоронения, я о другом: о болтовне и кликушестве. Если не сказать всю правду, а лишь ту её часть, которая на сегодня конъюнктурно выгодна, то не будет ни примирения, ни согласия. Поэтому, возвращаясь к нашей теме, нужно прежде всего говорить прямо и честно: да, христианство виновно в антисемитизме; да, вот к таким последствиям это привело. Скажите, вы много читали в новой России на эту тему? А ведь на бытовом уровне это позорное для россиян явление до сих пор существует. Не станет изменяться каждый человек в отдельности без ожидания, что вот когда все, тогда и я, – значит будут продолжаться различные ксенофобии. В том числе и юдофобия.

В иудаизме нет демонологии как теологической дисциплины. В нём есть понятие о Сатане (ударение на второй слог), но это служебный ангел, посланный Всевышним для испытаний человека, – таким он представлен в притче об Иове. У христиан, вы это знаете, понятие о Сатане другое: он до поры до времени самостоятельное существо. Здесь, как мне видится, есть существенное недопонимание со стороны иудаизма. Мы вовсе не исповедуем Сатану, и он в христианском понимании совсем не представляет собой противоположную равновеликую полярность по отношению к Богу. У нас это вовсе не дуализм. Но почему-то в иудаизме наше понимание продолжают настойчиво не замечать. Один раввин высказался даже так: «...разногласия наши не столько в обожествлении Йешуа (Иисуса), сколько в нашем неприятии того, какую роль вы отводите Сатане». Я никогда не любил выяснять разногласия; полезнее найти общее. Понятие о Сатане, как оно представлено в Евангелии, – оно ведь вышло из недр еврейской религиозной мысли. Когда Иисус, будучи ортодоксальным евреем, неоднократно говорил о нём как о противнике Божьем, то христианства, выраженного в догматике, ещё не было.

Я понимаю, что вы задаёте себе вопрос: к чему он клонит? А я всё к тому же: искупить вину можно только делами, своим правильным отношением к библейскому народу. И для этого нам нужно помнить (я это уже говорил), что антисемитизм – явление иррациональ-

ное. Расовые факторы, национальные или экономические, – всё это вторично, это как следствие. Идейным же руководителем, если так можно сказать, в этом является Сатан, Противящийся (в иудаизме – Обвинитель). Мы совсем не трепещем перед ним, и вся Библия, включая и Новый Завет, говорит, что мы должны противостоять ему. О Всевышнем у нас сказано, что Он даёт свет и разум (собственно, опять не «у нас», ведь это сказал еврей Йоханан, он же апостол Иоанн). Дающий же свет и разум просвещает нас на правильную духовную ориентацию для успешного противостояния Сатане, ибо «нам небезызвестны его умыслы», по слову другого ребе – Шауля, апостола Павла.

Бог – Творец, и Он держит руку на пульсе человеческой истории. В подтверждение этого Он избрал народ Израиля. Избрание – вовсе не за заслуги и вовсе не в умаление остального мира. Этот народ, изначально маленькое племя на мизерном клочке земли, ведётся рукой Всевышнего в посрамление всем потугам Сатана его уничтожить. «Зачем мнутся народы, и князья замышляют тщетное...». Этот народ как показатель всему миру, что история человечества под контролем Создателя, – хотя тому же человечеству и предоставлена свобода самоопределения. И через грядущее преображение Израиля человечество должно преобразиться. В это, я понимаю, верится с трудом, но придумал это не я. Так говорит Библия, и все претензии – к ней. А судя по наблюдениям, Библия права и сегодня. Так вот: Сатана (или Сатан) на протяжении всей истории евреев всячески старался их истребить и этим показать, что Бога нет или – по крайней мере – что Он устранился от истории. Впрочем, здесь лучше говорить не мне; пусть скажет Элизер Беркович: «...И всё же присутствии Творца ощущается в истории. Оно проявляется в том, что народ Израиля не исчезает с лица земли. История народов – это естественный процесс, объяснимый в терминах власти и экономики. Но факт существования Израиля нельзя осмыслить, не привлекая трансцендентные понятия.

Евреи запутались, ибо решили, что проблема веры коренится в конфликте между законами иудаизма и всеобщим историческим опытом. На самом же деле это конфликт между двумя историями. Существует два мира: того, что есть, и того, что должно быть. Все народы действуют в основном в мире того, что есть – в мире силы. Израиль же принадлежит к миру того, что должно быть, – к миру веры. История веры не в ладах с историей силы, но пока существу-

ет Израиль, мир того, что должно быть, ещё связан с реальностью, пусть и тонкой ниточкой. Пока жив Израиль, сверхестественное сохраняет связь с естественным. Пока эта связь не порвалась – есть надежда, что два мира в конце концов сольются, и то, что должно быть, станет реальностью».

Как видим, мы говорим об одном и том же, только разными словами. Часто слова, изложенные в категориях Веры, воспринимаются как нечто архаичное, устаревшее. Ну что ж, пожалуйста вам философский стиль, если кому-то так легче понять. Приходится только сожалеть, что чаще всего народонаселение меньше всего хочет что-то понять, ему проще жить по зоологическим инстинктам. Евгений Майбурд приводит слова В.Ратенау: «Не пытайся переубедить этих людей; их вера в испорченность инородцев помогает им жить... Отняв у них эту веру, ты лишашь их чего-то незаменимого; пусть это ненависть, но она согревает почти так же сильно, как любовь...». Он же – Жаботинского (начало 20-го века): «Сегодня нам кричат, что мы эксплуатируем бедных, завтра кричат, что мы сеем социализм, ведём бедных против эксплуататоров. Одна польская газета на днях уверяла, что евреи расчленили Польшу и отдали её России, а сто русских газет уверяют, что евреи хотят расчленить Россию и восстановить Польшу... Если даже опровергнем одно, родится другое. Человеческая злоба и глупость неистощимы...».

Д. Шейнин в своей статье «Об антисемитизме и его причинах» приводит цитату Дж. Сакса:

«Антисемитизм не является согласованной системой верований или идей. В 19 веке и в начале 20 века евреев ненавидели за то, что они богаты, и за то, что они бедны; за то, что они капиталисты, и за то, что они коммунисты; за то, что они держатся особняком, и за то, что они распространились повсюду; за то, что они религиозны до суеверия, и за то, что они безродные космополиты, не верящие ни во что».

«За всё на евреев найдётся статья:
За живость. За ум. За сутулость.
За то, что еврейка стреляла в вождя.
За то, что она промахнулась».

(Игорь Губерман)

Как видите, логики нет никакой, и требуются лишь трансцендентные понятия, по словам Элизера Берковича.

– «Алексей Григорьевич, можно спросить?».

– «Я Вас слушаю».

– «Всё же хотелось бы, пользуясь случаем, уточнить для себя, как же понимают в иудаизме образ Сатаны».

Пастору представляться было не нужно, с Алексеем Григорьевичем он был знаком давно. Этот пастор представлял баптистскую общину, – ту, что лет двадцать назад построила храм. Именно храм, хотя старые прихожане по-прежнему скромно – советское время приучило – называют его молитвенным домом. Какой уж там «дом»! Из тесноты атеистического времени, когда богослужения проходили именно в домах, в которых из-за тесноты и духоты люди порой теряли сознание, – и как прорыв в новое время, вот он – храм! С крестом, как и положено, венчающим высокий шпиль. Было надежда, что приход этого храма будет неким локомотивом, за которым будут следовать и другие общины. К сожалению, оправдалась старая поговорка «каков поп, таков и приход». Пастор этот оказался весьма невысокого полёта и плюс к этому – амбициозный в своей ограниченности; причём, эта амбициозность скрывалась за хорошо усвоенной маской смирения. Всё это было бы лишь проблемой его самого, – да вот беда: община как-то скукожилась, остановилась в своём развитии, хотя по численности прихожан была самая большая. Новое время требовало и нового видения, а этот пастор жил понятиями «времен Очаковских и покоренья Крыма». Об этом уже знали многие, но он упорно держался за свой сан, закоснев в своей ограниченности. Вот и теперь: неужели его не интересует более важное и нужное?

– «Знаете, мне, признаюсь Вам, эта тема сама по себе никогда не нравилась. И если я её касаюсь, то лишь по необходимости, чтобы уточнить какой-нибудь момент. Попробую пояснить, что я имею в виду. Россияне, будучи православными, искони верили в разные тёмные силы, в приметы, в наговоры, в глаза и пр. Максимилиан Волошин с горечью в своё время писал:

«На всё нужна в России только вера.

Мы верили в двуперстие, в царя,

И в сон, и в чох, в распластанных лягушек...».

Вы улыбаетесь... Но вот уже пошло третье тысячелетие, а упомянутый мной ранее уж очень православный диакон, в прошлом будучи уж очень научным атеистом (новое время призвало на новый фронт), написал книгу «Оккультизм в православии». Вам не надо пояснять значение слова «оккультизм», – это вера во всевозможные

тёмные силы. В этой книге диакон приводит убийственный результат социологического опроса: чем более человек погружается в православную жизнь, тем более он верует во всякое мракобесие. Рекомендую найти и прочесть эту книгу. Она странным образом выгодно отличается от его прочих книг, обскурантистских по существу.

У меня некое внутреннее отторжение темы Сатаны, темы оккультизма. Я знаю, что есть Господь, Небесный Отец, который хранит меня, если я хожу под Его сенью. Для меня Он – Бог Всемогущий, и я не хочу знать никакого Сатану в том смысле, что для меня он не авторитет. Этим я не сказал, что его нет. Но моё внимание сосредоточено на Отца, ибо сказано: «Из руки Моей вас никто не похитит». Мне этого вполне достаточно.

Но если Вас интересует этот вопрос в порядке ознакомления с иудейским пониманием, то я могу открыть сейчас в своём ноутбуке пару еврейских фамилий, которые об этом писали как бы между прочим, потому что эта тема и для них не была магистральной. Всё-таки эта машина неплохо выручает; я и в предыдущие дни нет-нет да и заглядывал туда. Человеческая память ненадёжна, во всяком случае я это уже ощущаю. Правы космонавты, когда говорят: «Лучше тупой карандаш, чем острая память». Я многое не записывал, полагая, что моя память меня не подведёт, – а она была у меня достаточно хорошая. Теперь жалею, что не записывал. Когда жива была моя мама, она знала многие народные рецепты и многим помогла. Я ничего не записал, откладывал всё на потом, а теперь жалею: при нынешней медицине и медиках всё это так пригодилось бы. Ведь те народные рецепты если кому-то не помогали, то по крайней мере и вреда не приносили, чего не скажешь о фармацевтике... Ну вот, нашёл по теме. Два имени; ни тот, ни другой раввинами не являются, но иудаизм знают не по наслышке.

Первым из них будет Арье Барац, я его уже вам рекомендовал; он придерживается взглядов ортодоксального сионизма, очень энергичный журналист, плодотворный публицист, пишущий на религиозно-философские темы. В статье «Иудаизм и сатанизм» он пишет:

«В еврейской традиции сатан – не бунтарь, а полностью подотчётное Богу служебное существо.

В иудаизме источником всего сущего, всего доброго и худого признаётся только Всевышний. Ангельские силы (в том числе и тёмные силы) не признаются иудаизмом обладающими свободой воли...

Представление о сатане как о свободном существе, наделённом злой волей, встречается лишь на периферии еврейской религии (в некоторых апокрифах), а в христианском мире это лежит в вероучении...».

Второго автора мы уже знаем – Евгения Майбурда. В упомянутой его книге «Богословие ненависти» мы читаем:

«В еврейской традиции Сатан – не противник Бога, но один из Его ангелов, имеющий свои многообразные функции, одна из которых – быть прокурором на Небесном Суде, ещё одна – выступать ангелом смерти. Никакой ангел не может сомневаться, они запрограммированы...».

Ещё одна функция Сатана – представлять дурное начало в человеке. Еврей лишён возможности списывать свои грехи на Сатана. Его праведность – в его собственных руках. Здесь полностью раскрывается принцип свободы воли».

Да пожалуй, у меня на эту тему всё. Я же говорил, что никогда не увлекался всем этим, хотя видел целые исследования по этому вопросу. Знаете, меня всегда удерживало мудрое апостольское (снова еврейское) предостережение: пусть никто не надмевается сердцем, вторгаясь в то, чего не видел. Это моя парафраза; я обозначил основную мысль, которая, к сожалению, в синодальном переводе читается весьма утяжелённо. Мы часто подвержены соблазну пускаться в безбрежную фантазию по поводу ангелов, их служения, их соподчинения. Меня научил христианский опыт моих родителей, которые уж конечно ничего не знали о функциональных нагрузках всевозможных ангелов, добрых или злых, но они умели доверять Богу. «Верить» и «доверять» – не одно и то же. Можно верить в Бога, но Ему не доверять. Жизнь родителей была сложна и трудна, но они старались жить по Библии, исполняя по крайней мере две основные заповеди, авторитетные как в иудаизме, так и в христианстве: любили своего Небесного Отца и любили своих ближних. Известно ведь, что любить весь мир куда легче, чем конкретных людей, живущих постоянно рядом с тобой. Они для меня в этом недостижимый пример. Но другой их пример я всё же усвоил: не рассуждал высокоумно о том, о чём даже апостолы воздерживались фантазировать.

В разных вариациях последние осторожно признавались, что о Небесных сферах они могут рассуждать лишь отчасти, потому что оные сферы им видятся как-бы сквозь тусклое стекло, предположи-

тельно. Вот когда предстанем пред Ликом Творца, – говорили они, – тогда только увидим всё как есть. Я слушаю Вас...».

– «Доктор, и всё же можно что-то уточнить для себя из тех коротких фраз, принадлежащих еврейским авторам? Насколько можно было уловить на слух, Сатан в иудаизме вроде бы как и не причём. Всевышний – источник доброго и худого, а служебные духи, т.е. ангелы, включая Сатана, просто-напросто марионетки: делают то, что им предназначено делать. Я уже представлялся; я из христиан Веры евангельской (пятидесятники)».

– «В Вашем вопросе я слышу и Ваше мнение. Мне видится здесь слабое место в иудаизме, но сразу оговорюсь, что кардинально это ни на что не влияет. Да, я и сам считаю, что в такой трактовке Сатана иудаизм невольно принижает нравственный аспект Создателя. Добро – от Него, и зло – тоже от Него, только посредством запрограммированного Сатана. Иудейская мысль достигает очень мудрых глубин (или высот, как хотите), но здесь, мне кажется, сказалась просто реакция на христианство. Нет, мы не списываем свои грехи на Сатану, мы не уходим от личной ответственности перед Богом, но всё же часто вспоминаем искусителя, – это, надо полагать, дало повод иудаизму дистанцироваться. Как бы там ни было, не нужно создавать напряжённость по всякому поводу. Напомню: в иудаизме не обсуждается лишь строгий монотеизм, по всем другим вопросам дискуссий сколько угодно. Если христианство что-то и придумало в учении о Сатане, то этим «придумыванием» оно обязано опять же евреям. Когда ещё не было христианства, ортодоксальный ребе Йешуа учил своих учеников молитве «Отче наш»: «...но избавь нас от лукавого». Вы, надеюсь, не забыли, что эта молитва – классическая по всем еврейским правилам, выдержана в строгом каноне. Здесь уместно назвать ещё одно замечательное имя, – это израильский профессор Давид Флуссер (умер совсем недавно в 2000 году). Он написал книгу «Иисус», и я долго и безуспешно искал её в интернете, а нашёл у нас в книжном магазине; издана в Москве в 2009 году. В этом же издании помещена и другая работа тоже под названием «Иисус» немецкого протестантского теолога Рудольфа Бультмана, – но она мне не понравилась своей утяжелённостью и педантичностью. Другое дело – Давид Флуссер: редко встречаются вместе учёность и доброжелательность, а он это благодатно в себе сочетал. Он показал, что Иисус по всем галахическим нормам был истинным евреем и не нарушил ни в

чём Тору. Галаха (ударение на последний слог) – это свод правил, касающихся религиозной и бытовой жизни еврея.

Так вот, «лукавый» – это же ведь персонифицированное понятие, а не безликое, не имеющее собственной инициативы. И вряд ли Бог может быть источником зла. Повторяю: это, по моему мнению, просто некий откат по инерции, от одной крайности в другую. Христиане незаслуженно много уделяют внимание Сатане и его тёмным силам. И как бы в противовес этому – иудейское понятие о нём как об исполнителе воли Небес. Но даже Арье Барац оговорился, что понятие о Сатане как о свободном существе всё же существует в иудаизме, хотя где-то на периферии.

Можно возразить и по поводу слов у Евгения Майбурда: «Еврей лишён возможности списывать свои грехи на Сатана. Его праведность – в его собственных руках. Здесь полностью раскрывается принцип свободы воли». Про свободу воли говорит вся Библия. Здесь в подходе понятия о человеке между иудаизмом и христианством нет существенных разногласий. Во всяком случае, я таковых не нашёл. Вот о праведности, которая, якобы, в собственных руках человека – тут сложнее. Если бы так дело обстояло, то ничто бы не помешало уже сейчас всему человечеству быть праведным; спроси любого – каждый хочет лишь добра, а не зла. Уверен, что такое желание было у всех во все времена. Но не Исайя ли пророк сказал в своё время, что наша праведность – как запачканная одежда? А еврейские молитвы, к которым мы ещё вернёмся? Вот утренняя молитва:

«Властелин всех миров! Не на праведность свою полагаемся мы, обращая к Тебе наши мольбы, а на милосердие великое Твоё. Что есть мы, что наша жизнь, что наши добрые дела, что наша праведность, что наше спасение, что наша сила, что наша смелость; что мы можем сказать Тебе, Господь, Бог наш и Бог отцов наших!.. Однако, мы – народ Твой...».

Или вот молитвы «Таханун» (с ударением на «у»); буквально – «мольба о милости», это особые молитвы о прощении грехов. «Видуй» (снова на «у») – это исповедание грехов. В виду того, что народ Израиля – это общность, где все отвечают друг за друга, то и молитва составлена от множественного лица:

«Мы виновны были, изменяли, грабили, порочили, поступали криводушно и преступно, злоумышляли, обирали, возводили ложь, давали дурные советы, лгали, насмехались, бунтовали, относились с презрением, были непокорны, грешили и совершали преступления,

притесняли, были упрямы, творили зло, губили, совершали гнусное, заблуждались, вводили в заблуждение... Ты же прав во всём, что постигло нас, ибо Ты правду вершил, мы же творили зло».

В дни общественных постов читается молитва «Авину Малкену»(везде ударение на второй слог) – «Отец наш, Царь наш». Она достаточно длинная, и я буду читать выборочно:

«Отец наш, Царь наш! Мы грешили пред Тобой.

Отец наш, Царь наш! Нет у нас другого Царя, кроме Тебя.

Отец наш, Царь наш! Поступи с нами милосердно ради Имени Твоего...

Отец наш, Царь наш! Прости и извини все наши проступки.

Отец наш, Царь наш! Изгладь и убери преступления наши с глаз Твоих...

Отец наш, Царь наш! Дай нам возвратиться к Тебе с полным покаянием...

Отец наш, Царь наш! Взрасти скорее спасение наше...

Отец наш, Царь наш! Возвысь славу Машиаха Твоего...

Отец наш, Царь наш! Открой врата небесные для нашей молитвы...

Отец наш, Царь наш! Прояви к нам милосердие и ответь нам, – ведь нет за нами дел, достойных награды; прояви к нам снисхождение и милость и спаси нас».

А как вам нравится такой пассаж? – «Благословляю Господа,.. Который дал мне совесть, чтобы мучила меня по ночам...».

Разве вы не услышали в этих молитвах родственные настроения? Ведь если бы вы не знали, что слышите еврейские молитвы, то, уверен, вы сочли бы их за христианские. Я же говорил, что чем больше узнаёшь об иудаизме, тем больше находишь там своего. Корни-то все – оттуда. Когда души обращаются к Создателю в своих молитвах, то не все ли они перед Ним равны? Когда я в молодости слушал лекции по теологии в Хельсинском университете, то мне не по душе было то, как преподавал догматику профессор, лютеранин по вероисповеданию, – я-то ведь был из евангельских христиан. Но вот был какой-то период душевного неустроя, было какое-то смятение, и душа нуждалась в духовном причале. И пасмурным вечером я тревожно ходил по улицам Хельсинки в надежде зайти в какой-нибудь храм. Но всё было закрыто. Наконец, по пути оказался костёл, и я вошёл в него безо всякого предубеждения и молился вместе с католи-

ками. Это невольное воспоминание; он напомнило мою незрелость и тот полученный мной духовный урок.

Меня несколько «повело» в сторону. Так вот: обратившись к текстам еврейских молитв, мы видим, что верующие евреи вовсе не пытаются предъявить Всевышнему свою праведность как условие некоего зачёта. И – обратите особое внимание – здесь прослеживается удивительно схожая ситуация: евреи своим избранием посредством Завета утверждены в своём духовном сыновстве по отношению ко Всевышнему; христиане своей верой в Благодать Божию так же принимают дар усыновления. И те, и другие обрели это не по своим заслугам, не по делам, а по любви и избранию Божию... Что Вы хотите сказать, пастор?».

– «То, что Вы сейчас сказали... Без лицепрятия скажу, что никогда в христианской литературе я ничего подобного не читал... В наших евангельских общинах постоянно делается акцент на личном, индивидуальном приходе к Богу. Путь этот нелёгкий; это не то чтобы совершить над бессмысленным ещё ребёнком некий магический обряд, – и вот уже готовый христианин. Можно даже и этот обряд крещения не совершать, можно даже и о Боге не помышлять. Всё может совершиться проще, само собой: после смерти человека его родственники везут бранный прах в храм, там за хорошую плату покойника отпевают, – и пожалуйста, купленная индульгенция является пропуском в Царствие Небесное, даже если покойник при жизни был отпетым безбожником. Для закрепления сего магического действия полезно заказывать – за хорошую плату, конечно – заупокойную молитву столько раз, сколько хочется. Как видите, даже самому человеку ничего не надо делать. Я же хочу сказать не об этой порочной практике, а о сознательном приходе человека к Богу. Это возвращение блудного сына (дочери) к отцу: через духовное обнищание, издалёка. То есть в христианстве, – если вынести за скобки продажу индульгенций (от того, что это слово прямо не употребляется, суть повседневной практики не меняется), – обретение духовного сыновства выстрадывается; «рождение Свыше» – ведь это муки рождения. А в иудаизме, получается, – если я правильно Вас понял, – еврей по рождению своему принадлежит к народу, Богом избранному. Значит, одним через духовные поиски, через духовные скитания обретать сыновство перед Богом, а другим это даётся как подарок».

– «Я понял Ваше недоумение... Бывал на богослужениях в Вашей церкви. Вы до сих пор арендуете помещение у Елены Смиртиной?»

Помню Ваше имя – Игнатий Скоков. Есть ли надежда на строительство своего храма?».

– «Да, с большим трудом, но уже получили землеотвод. Сейчас нам делают проект с учётом наших пожеланий, конечно».

– «А финансирование?».

– «Когда будет готов проект, будем составлять смету. Мы не планируем большое помещение, но всё равно по нынешним ценам затрат будет много. Для возведения строительства «под крышу» деньги есть, а остальное – по ходу дела».

– «Успехов вам. Возвращаемся к вопросу. Пока я выслушивал вас, вспомнил слова Йешуа, сказанные Шимону: «Что тебе до него? Ты иди за мной». Но если бы я ограничился лишь этим, то это не было бы ответом, хотя проще было бы сослаться на тот совет ранним утром на берегу Кинерета (Тивериадского озера), который мы понимаем так: «не занимайся судьбой других, позаботься прежде всего о своей». В таком подходе был бы свой резон, но для нашего разговора это не подходит. Так что мой Вам ответ придётся расширить. В постановке Вашего вопроса сохраняются искажённые смещения в понимании застарелой проблемы. Опять это – «Закон и Благодать».

С иудейской стороны слышны претензии, что христиане как-то уж слишком легкомысленно уповают на Веру, благодаря которой они получают спасение; дела для них, якобы, вторичны. В это же время христиане, в противовес иудаизму доказывают, что «делами Закона не оправдается никакая плоть», т.е. никто. Но мы уже видели из еврейских молитв, – а это самые правдивые свидетельства, – где верующие вполне сознают, что их дела, т.е. жизненные поступки, вовсе не являются для них входным билетом во спасение. Да и сама проблема т.н. спасения для них не актуальна. Они знают, что Бог заключил с Израилем Союз (Завет), и этот Завет вечен, нерушим, – так неоднократно заявлено в ТаНаХе (по-нашему, в Ветхом Завете). Это, собственно, и в текстах Нового Завета подтверждается. Поэтому для иудаизма актуальны проблемы этики, т.е. все поступки в земной жизни, которые должны быть направлены на исправление мира. Последние слова – это типичный иудаистский словооборот. Человек, по иудаизму, несёт ответственность за это исправление; он – соучастник Богу в продолжающемся творческом процессе. Верующий еврей знает, что он – сын своему Небесному Отцу. Как метко подметил Евгений Майбурд, «для еврея принять христианство – такая же профанация, как пройти процедуру усыновления у собственного отца».

Так же говорил и известный еврейский философ Мартин (Мордехай) Бубер: «Если человек кому-то доверяет, он, разумеется, верит словам того, кому доверяет. Пафос веры здесь отсутствует точно так же, как нет пафоса в отношении ребёнка к своему отцу, которого он с самого начала знает как своего отца» («Два образа веры»). Еврею не нужно напряжение духа, чтобы этого достичь, это для него существующая в тысячелетиях данность в силу Завета, который, по словам Павла, непреложен, неотменяем. И ход истории это подтверждает.

Для язычников, т.е. для неевреев, Бог предложил другой путь. Тут всё решается на индивидуальном уровне: верой в дарованное Иисусом сыновство, хотя эта вера, – здесь Вы очень верно подметили, – даётся не так уж и легко, она выстраивается лично. Впрочем, есть нечто, что мне у Вас не понравилось, – уж не взыщите, – это какие-то счёты: христианам трудно, иудеям гораздо легче... Вы не учли, какую плату вносит еврейский народ за эту «лёгкость»? Но я продолжаю мысль о язычниках. У любящего Отца всё творение Ему дорого. Синайским Заветом Он избрал Израиля, но не «за что», а «для чего», – это надо усвоить, чтобы не было недомолвок. Остальные же народы решают проблему вхождения в Завет, предложенный Иисусом, несколько иначе – благодаря своему уверованию в предложенный дар, т.е. по Благодати («дать благо»). Здесь всё уравновешивается: ведь и евреи живут в своём Завете с Богом не благодаря своей праведной жизни, а по избранию, по благоволению Божию. Дальше же – что для иудеев, что для христиан – должна следовать сама жизнь, т.е. наши деяния, ибо «вера без дел мертва».

Как видим, если это спокойно разложить, как говорится, по полочкам, то всё выстраивается удивительно гармонично... и непостижимо. Всю глубину Божественной Премудрости не измерить, почему Павел и воскликнул после размышления об этих различных путях: «О, бездна богатства премудрости и познания Бога! Как непостижимы Его суды! Как неисследимы Его пути!».

На этом мы сегодня заканчиваем.

Даст Бог – до завтра.

«И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО. ДЕНЬ ПЯТЫЙ»

Доброе утро, уважаемые пасторы!

Прежде, чем преступить к нашему очередному совместному размышлению, – надеюсь, так это и есть; ведь вы не услышали от меня ничего в императивной форме, – я хочу спросить вас о вчерашнем. Насколько стала понятнее это затяжное противопоставление двух Заветов – иудейского и христианского?

Кто-нибудь хочет высказаться по этому вопросу?

– «Разрешите!».

– «Мы Вас слушаем».

– «Мне представляться не нужно, наша община довольно продолжительное время пользовалась Вашей помощью в передаче духовного опыта. Уж не знаю как, на Ваш взгляд, мы восприняли этот опыт, но лично у меня постоянное чувство признательности от Вашего участия в наших богослужениях».

Алексей Григорьевич уже дружески улыбался:

– «Зачем же Вам, Владимиру Пархомову, называть себя? Кто не помнит до сих пор стихи в Вашем исполнении? – причём стихи классические, что сейчас уже так редко. Высокая поэзия в забвении, а чтение вслух – это уже просто мужество. Мы Вас слушали с неподдельным удовольствием, – ведь и читали Вы как-то проникновенно, хотя хотелось, – по крайней мере мне, – чтобы голос Ваш был более звучный. Да, а ведь лет тринадцать уже прошло с тех пор, как мы вместе слушали курс лекций доктора богословия из Штатов. Не знаю, может быть по иронии судьбы, как принято в таких случаях говорить, но довольно большая часть из тех слушателей уже живёт там же, где и тот доктор. Нет, нет, он никого не сватал туда, но имеем то, что имеем: «иных уж нет» говорить не приходится, но «те далеке» сказал бы и сам Пушкин.

Вы правы: с Вашей методистской общиной меня связывает многое. Предшествовавший Вам пастор как-то нашёл меня, хотя мы не знали друг друга, и просил меня помочь в становлении общины. Я согласился с охотой, хотя это увеличивало мою нагрузку. Мне мето-

дисты нравились тем, что это были верующие новой формации: не зашоренные привычными понятиями (мы-то ведь были из старого времени, из советского), способные воспринимать новое и свободно обсуждать. Образно говоря, писать приходилось на чистой бумаге. Но труды мои были без видимых результатов, хотя такое и предполагалось. Если это предвидишь, то нет разочарования. Видите ли, когда новые люди приходят в общины, в которых нравственные понятия давно устоялись, то этим «новым» легче формировать в себе христианские ценности. В общинах же, – я сейчас имею в виду методистские, – только что образовавшихся, да ещё не имеющих перед собой доброго опыта со стороны более опытных общин, с этим гораздо сложнее. Если методизм ещё как-то проявлялся в России в последние годы царской династии, то во весь двадцатый век его не было в нашей стране. Кроме того, – не надо сбрасывать это со счетов, – новые общины образовывались при зарубежной финансовой поддержке, а кто платит деньги, тот, как известно, и музыку заказывает: усваивались несвойственные нашим людям манеры, внедрялись суетливые программы. Было много мельтешения, но корни не уходили вглубь, – и получалось что-то чахленькое. По евангельской притче, это семя, закрепившееся на камнях. Так вот, когда ты всего лишь в роли советника, то к тебе могут прислушаться, а могут делать по-своему; от тебя в такой ситуации уже ничего не зависит. Вы не обиделись, пастор? Не лицемеря добавлю, что всё это не о Вас; община Вам досталась уже такой, какая есть».

– «Было бы грешно обижаться на справедливые слова. Несмотря на то, что я действительно совсем недавно пастырствую в нашем городе, всё же я искренно сказал о своей признательности Вам. С того времени, о котором Вы вспоминали, состав общины почти полностью поменялся, и когда было 15-летие со дня основания, то на памятном стенде я уже не нашёл Вас, хотя там было множество фотографий людей, мало что давших общине. Было за Вас обидно...».

– «Не стоит об этом. Когда делаешь что-то от души, то всегда веришь, что добрые семена в чьих-то душах прорастут. Что же Вы хотели сказать?».

– «То, что мы слышали вчера, представляет очень большой интерес, по крайней мере – для меня.

Я никогда и нигде не встречал такого подхода к пониманию иудаизма. Как говорится, Вашими бы устами – да мёд пить. И всё было бы хорошо, если бы мы не знали положений христианского учения.

Я напомним конкретные слова апостола Павла: «...благодатью вы спасены через веру, и этот Божий дар не от вас и не от ваших добрых дел, чтобы никто не хвалился». Подобных ссылок я мог бы привести множество, – да Вы и сами не хуже меня это знаете. Что же, по Вашему, апостольские противопоставления были бессмысленны? Вам, может быть, всё это не так уж и важно, – ведь вы не представляете какую-либо конфессию, хотя и подтверждаете свою преемственность от евангельских христиан. По крайней мере, Вы не принадлежите к какой-то общине, и Вам можно рассуждать совсем не в духе ортодоксии, не отвечая ни за что. Извините, может быть мои слова некорректны».

Алексей Григорьевич по-прежнему улыбался:

– «Да полно Вам, право. Грубостей Вы не сказали, а политкорректно выражаться, – модное сейчас слово, – так это зачастую равносильно неискренности. Вы же изъяснились без всякого словоблудия, – так что за открытые слова извиняться ни к чему. Только вот по поводу кажущейся Вам лёгкости – в смысле безответственности – моих суждений, то тут я Вам напомним, что в Церкви я себя осознаю вот уже 45 лет – со дня крещения в 20-летнем возрасте. Подумайте сами: могу ли я легкомысленно и безответственно излагать своё понимание больших вопросов?»

Впрочем, давайте ближе к делу. Из той фразы, что Вы процитировали, я понял, что Вам не даёт покоя вчерашняя тема. Как хорошо, что среди нас здесь нет евреев, – уверяю вас, их эти изыски совсем не заинтересовали бы. Богословием у них занимаются только раввины, не то что у христиан. Ну что ж, недаром говорят, что повторение – мать учения. Уж лучше повторить, но всё-таки усвоить. Хотя я за эти дни, помнится, уже несколько раз возвращался к этому вопросу поневоле; уж очень он в христианстве часто муссируется, ну прямо таки любимый конёк в рассуждениях об иудаизме, который мы фактически и не знаем. Знали бы – рассуждали бы по-другому.

Мы очень мало внимания уделяем тому, что в новозаветних текстах названо нашими корнями.

Помните? – уверовавшие язычники названы дикими ветвями, привитыми к маслине, т.е. к иудаизму. И есть предостережение: «... не ты корень держишь, а корень тебя: не гордись, но бойся...». Бойся чего?

Мне всё время в таких моментах вспоминается басня Крылова про хрюшку, которая, наевшись желудей от дуба, стала своим хрю-

калом подрывать корни этого самого дуба. Не знаю, помните ли вы эту мораль, но когда я слышу предостережение «но бойся», то понимаю это в смысле «быть непростительно неблагодарным». Ведь вот и настоятель в данной кирхе свидетель, что наши встречи по сути обусловлены моими словами о долге и вине перед евреями; это я ему сказал, когда встретились у синагоги. Помните, отец Павел?».

– «Да, это так. Я ещё тогда не понял, в чём Вы видите этот долг и эту вину. Теперь, правда, суть становится яснее».

– «А по поводу моей непринадлежности ни к какой общине, то здесь скажу, что так вёл меня Промысел Божий. Я не искал какого-то эпатажа, но, насколько помню себя, всегда был склонен к самостоятельному мышлению. Конфессиональная принадлежность всё же сковывает, не даёт делать поиски. Кроме того, идентифицирование себя с определённой конфессией подсознательно предполагает отделённость от чего-то общего. Ведь вот у вас межконфессиональный Совет; вы периодически встречаетесь, что-то обсуждаете, что-то совместно решаете, но баптист – уже явно не пятидесятник, и методист – вовсе не субботник. Подспудно всё равно идёт противопоставление. Так и у католиков, у православных тоже далеко не всё ладно. Я к этому отношусь вполне нормально, жизнь в любых её проявлениях не может быть однородной. Мне везде есть место, я вмещаю многие различия. Важно выносить за скобки то несущественное, на мой взгляд, что отличает одну конфессию от другой. Цепляние за это несущественное приводит к отчуждённости и самоизоляции. Вы мне позвольте по этому поводу рассказать анекдот? Он христианский, я его услышал от одного российского корейца:

«Проходя мимо колодца, Некто услышал оттуда крики о помощи. Заглянув туда, он увидел барахтающегося там человека, неизвестно как туда попавшего. «Помогите, – кричит утопающий, – ради Бога!».

Этот Некто умилится: «Так ты веруешь в Бога? И я верую. Сейчас найду верёвку или жердь, – как же не помочь тоже верующему?». Быстро возвращается с верёвкой, стравливает её вниз: «Держи, друг, а я потихоньку буду стараться вытянуть тебя. А ты какой верующий-то? православный, что ли?». «Нет, протестант...». «Да что ты? Здорово! И я протестант... Держись крепче, видишь, я понемногу тебя уже тяну. А из каких протестантов ты будешь? уж не лютеранин ли?». «Нет, из баптистов...». «Ух ты, бывает же ведь такое! – и я тоже. Осталось совсем метра полтора, – продержись, брат... Не скажешь, как у вас относятся к обязательному для женщин ношению

головного покрывала? а то вот был случай...». «Слушай, брат, может... потом поговорим? я еле-еле держусь... К этому вопросу..., ох, тяни скорее... мы вообще-то... спокойно относимся, потому что...». «Да?! Мало мы вас таких отлучали от Церкви...». Верёвка у Некто «нечаянно» вырывается из рук...».

Смешно, да? Конечно, смешно. Но ведь и грустно: я слишком много видел, как за какой-нибудь «изм» христиане не признавали друг друга. Всё это признаки духовной ограниченности. Неужели так уж невозможно, оставаясь самим собой со своими конфессиональными убеждениями, вмещать других?

Согласен, это непросто. Как-то в интернете читал беседу бывшего президента Франции Франсуа Миттерана с уже упомянутым мной Эли Визелем. Миттеран был человеком верующим, но не «значился в списках» ни в какой христианской конфессии. Так он по этому поводу признался, – а я выписал для себя его слова: «Оставаться верующим, не принадлежа к какой-либо церкви, – это очень сложный путь индивидуального духа, требующий большого героизма». Может быть, я не употребил бы слово «героизм», но то, что для этого требуется определённая духовная зрелость и сила духа, – это бесспорно.

Внутренняя и внешняя свобода даром не даётся, за это надо наперёд быть готовым платить. И я плачу достаточно по-крупному, но зато свободен... Однако, я помню, что ведь основной смысл Вашего, пастор, намёка на вопрос был в другом.

Да, в другом... Но ведь то, что вы прочитали по памяти про «благодать», даруемую посредством Веры, – ведь это всё относится к язычникам, к народам. Не усвоив это, можно ходить сколько угодно по кругу. С Израилем – всё по-другому: «Вот народ, которому жить отдельно и между народами не числиться». Так ведь сказано в Торе? Я надеюсь, Вы помните, что это Пятикнижие Моисея. Неужели вам завидно на эту отдельность, особость? Помните всегда, что это Израилю всегда дорого стоило. При моём относительно хорошем знании еврейской истории, я не в силах даже вообразить, сколько бед и крови стоили эти слова «жить отдельно». Мы, христиане, совсем не понимая евреев, постоянно говорим, что они законники, что у них озабоченность лишь своими заповедями. При этом даже ссылаемся на постоянную полемику Иисуса, где он укорял своих оппонентов за чрезмерную увлечённость исполнением этих заповедей. Но вот я вам рекомендовал работу Давида Флуссера, вовсе не христи-

анина, но честного учёного; в своей книге «Иисус» он показал, что полемика та была сугубо внутренним делом евреев. Речь шла лишь о разнице в толкованиях тех или иных заповедей. Ведь еврейская религиозная жизнь времени Иисуса была бурлящей: у фарисеев были свои понятия, у ессеев – понятия, доходившие до крайностей (недаром же они себя называли Сынами Света, а всех остальных – детьми тьмы); о прагматичности саддукеев даже и говорить не стоит. Была разница в понятиях между Иудеями и жителями Шомрона (Самарии). Нырять в этот водоворот не будем: сами понимаете, может затянуть. Но вот несколько примеров, взятых мной у Флуссера. Ученики Иисуса шли полем, срывали колосья и ели зерна злаков. По тексту Евангелия, проблема претензий к ним была в том, что они делали это в шаббат, когда делать нельзя ничего. Флуссер говорит, что фарисеи просто придирались к этому, считая, что в шаббат можно лишь пальцами растирать колосья, а не руками, как в Галилее. Вопрос об омовении рук: было правило, по которому омовение перед едой не обязательно, а после еды – обязательно (речь идёт о ритуальном омовении). Почему были претензии к Иисусу за его исцеления в шаббат? – Опять надо было знать тонкости: лечение – в общем-то работа, но исцеление словом работой не является. Необходимо напомнить то, что нами почему-то забывается: Иисус не отменял Тору и всегда ссылался на неё как на высший авторитет для евреев. «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» – спрашивает его человек и получает ответ: «В Законе (т.е. в Торе) как написано? как читаешь?». В другом месте Иисус говорил: «Не нарушить пришёл я Тору, но исполнить». Таким образом, – если бы христиане из уважения к своим библейским корням интересовались иудаизмом, – то и не было бы злополучного многовекового противопоставления Закона и Благодати.

Хочу сказать, что с того недавнего времени, как еврейские учёные стали серьёзно исследовать текст Евангелия, стало многое проясняться. Смерть Иисуса была не происками фарисеев, а верхушкой саддукеев, стоявших у власти. У самих же фарисеев считалось смертным грехом выдача еврею чужой власти. Мы всё повторяем многократно «Синедрион! Синедрион! Это он осудил Иисуса на казнь, а Пилат лишь сделал вынужденную уступку». На самом деле Санхедрин и не собирался на своё заседание, не был собран даже Малый Санхедрин (23 человека). Если у Каиафы и было ночное совещание (кстати, по еврейским законам, ночью ни заседать,

ни тем более выносить смертный приговор просто запрещено), то это был своего рода междусобойчик, другого слова я не нашёл. Там были лишь лица, представлявшие храмовую бюрократию. Найдите по этому случаю работу Хаима Коэна, бывшего Главного прокурора Израиля (имею в виду новейшее время); называется она «Иисус: суд и распятие».

Сожалю, что приходится о важном и нужном говорить сжато. Добавлю лишь по необходимости, что и Нагорная проповедь не является противопоставлением иудаизма и христианства. «...Высказывания Иисуса лишь по форме построены как декларация нового и отвержение старого, но по содержанию все они находятся в рамках иудаизма...», – это слова Пинхаса Полонского, о котором я уже вам говорил неоднократно. Он написал добрую и честную книгу «Две тысячи лет вместе», в которой показал, что диалог и понимание возможны, если с обеих сторон будет желание услышать друг друга. Приведу два-три примера, свидетельствующие, что полемический характер слов Иисуса отражает лишь внутриведавские проблемы.

«Вы слышали, что сказано древними: Не убивай; кто же убьёт, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...» (Ев.от Матфея 5:21-22).

Пинхас объясняет: «...создаётся впечатление, что запрещение гневаться – стремление к чистоте помыслов – это нововведение христианства, а древние иудеи якобы знали только запреты на действие (в данном случае – запрет на убийство)... В Еврейской традиции существует строжайший запрет на оскорбление ближнего. В Мишне сказано: «Всякий, кто позорит ближнего своего публично, теряет за это свою долю в мире грядущем» (Трактат Авот 3:11). Талмуд учит, что гнев – чрезвычайно дурное качество, и человек должен удаляться от него, насколько возможно (Трактат Шаббат 10б).

«Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы...» (Ев.от Матфея 7:1-3).

Доктор приводит классические еврейские аналогии в Мишне (Трактат Авот 2:4): «Не суди ближнего, пока сам не побывал в его положении». И ещё (Авот 1:6): «Основа жизни: в случае любого сомнения суди ближнего своего в лучшую сторону».

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. – А я говорю вам: «Любите врагов ваших...» (Ев.от Матфея 5:43-44).

С этим текстом явное недоразумение, и Полонский комментирует: «...нигде – ни в еврейских текстах Библии, ни в высказываниях Мудрецов – мы не находим второй половины «цитируемого» Евангелием стиха. Зато он приводит цитату противоположного характера: «Если найдёшь быка врага твоего или осла его заблудившимся – должен ты возвратить их ему. И если увидишь осла врага твоего упавшим под ношей своей, не оставляй его (врага твоего) без помощи, но развьючь осла его вместе с ним» (Исход 23:4-5). Именно такое отношение – стремление простить, уступить и помириться – должно быть по отношению к «врагам среди ближних», когда конфликт возникает из-за непонимания, бытовой или идеологической ссоры. В случае же конфликта с опасными внешними врагами, стремящимися убивать евреев или вообще совершающими физическое нападение на еврейский народ, – иудаизм считает необходимым активно бороться с ними, при необходимости воевать с ними...».

«Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему...» (Ев. от Матфея 5:38-39).

И пояснение учёного: «Но правда ли, что библейский стих «око за око, зуб за зуб» содержит в себе призыв к мщению? Ведь мы только что привели другой библейский стих, в котором со всей определённости сказано: «Не враждуй на брата своего в сердце своём... не мсти и не храни злобы» (Левит 19: 17-18). Дело в том, что выражение «око за око, зуб за зуб» употреблено в Пятикнижии несколько раз и всегда – в контексте уголовного законодательства, в которых совершенно ясно, что речь идёт не о мести, а о том, что мера воздаяния должна соответствовать тяжести преступления».

Всё это можно заключить пожеланием всем нам обращаться для понимания того или другого вопроса к знающим иудаизм. Мы действительно создали себе карикатурный образ иудаизма, и сами же критикуем этот образ. Те, кто слышал о 613 заповедях в иудаизме, считают, что евреи закоsnели в законничестве и опутаны своими заповедями по рукам и ногам, – одни предписания и ограничения. Читая какую-либо книгу, интересную для меня, я нужное просто выписываю; это облегчает включить в ход изложения необходимые уточнения. Набираю «Евгений Майбурд» и его книгу.. Вот что он пишет по этому поводу:

«Ни один еврей не должен исполнять все заповеди. Есть мицвот только для царей, коэнов и левитов; только для отдельных профессий; в земле Израила (к сельской местности); только когда стоит

Храм; для мужчин и для женщин; только в определённые дни года, некоторые – только раз в году.

Есть естественные заповеди (не обижать жену – «Помни, что Бог считает её слёзы»); запрет отказывать жене в супружеской близости; сплетничать; говорить о ком-то плохое за его спиной; обязанности помогать ближнему в беде; запрет кровосмешения.

Многие установления устарели (как топить печь в субботу, как выливать помои в городских условиях).

Шулхан Арух предусматривает все возможные условия и случаи, какие бывают в принципе. Но ведь у человека налицо какие-то определённые условия, а не все.

Тора дана не ангелам, – говорит Талмуд.- Выполняй то, что сможешь, и в той мере, в какой сможешь. На Небе не только всё видят, но и всё понимают».

Последнее я сам для себя подчеркнул: весьма мудрое замечание. В который раз уже приходится обращать внимание на то, что судим об иудаизме, фактически не зная его. Да и потом: это внутреннее дело иудаизма, и нам не следует не в свой монастырь ходить со своим уставом».

Голос с места:

– «А что, и у них есть монастыри?».

– «Сказывается плохое знание русской речи... Нет, это всего лишь поговорка, у них такого явления нет. Кстати, по ассоциации с монастырём вспомнил вот ещё что: в иудаизме секс – это святая заповедь, данная от Всевышнего. Я имею в виду не тот содомский разгул, без которого уже нет ни одного фильма. Дошло до того, что старшеклассникам уже зазорно признаться, что они ещё не занимались «любовью». Речь идёт об эдемской заповеди «плодитесь и размножайтесь». В иудаизме есть даже что-то вроде афоризма, попробую воспроизвести по памяти;.. да, там говорится, что не вступающий в брак и не воспроизводящий потомства приравнен к убийце, проливающему кровь. Конечно, учитываются проблемы бесплодия и пр. А когда младенца-мальчика приносят в синагогу для совершения над ним обряда обрезания, то в молитве говорится так: «...в награду за это да удостоятся мать и отец ребёнка ввести его в союз Авраама, отца нашего, и вырастить сына для Торы, для «хупы» и для добрых дел. И скажем «Амен!». «Хупа» (на «а») – это свадебный балдахин, полог, под которым стоят жених и невеста.

Как видим, забота о потомстве упоминается даже при новорождённом мальчике. И девочке, кстати, тоже.

В христианстве сексуальная сторона как-то принижена и унижена. В отдельных конфессиях это считается даже чем-то греховным. Доходит и до извращения природы человеческой, созданной Богом, — я имею в виду монашество. Деторождение — это, повторяю, заповедь едва ли не из первых. Господь создал людей не для того ведь, чтобы они закончили своё существование в первоначальной паре.

Взгляд на совокупление мужчины и женщины настолько был извращён в христианстве под влиянием монашества, что само понятие «непорочное зачатие» исподволь подразумевает все остальные зачатия в мире заведомо порочными. А это оскорбление Бога, Творца, создавшего нас не только со способностями есть, пить, думать, творить, но и воспроизводить потомство. Кстати, обратили ли вы внимание на ту мицву, запрещающему мужчине отказывать жене в сексуальных наслаждениях? Это же ведь очень здоровый и здравый взгляд на секс. Он не даёт места ханжеству и предохраняет от разгула страстей. Один пастор (теперь он уже в мире ином) из евангельских христиан не одного поколения как-то рассказал мне, не помню уж по какому поводу, поучительный анекдот:

«Две женщины как-то разговорились о тяжёлой женской доле; в частности о том, что рожать им приходится до того трудно, что без посторонней помощи не обойтись. То ли дело — животные, обходятся сами. Наверное, им легче. И решили делегировать одну в небесную канцелярию с жалобой на эту несправедливость, — глядишь, там и учтут это упущение. «Там» действительно отнеслись сочувственно к трудной женской доле и выразили готовность это исправить, но лишь с одним условием: уж раз как у животных, то только один раз в году... Но с земли донёсся голос: «Маня, не соглашайся! не соглашайся!». Так что — «или — или», но Творец мудрее нас, Он знал, как нас сотворить.

Ну вот, мне так хочется лучше познакомить вас с иудаизмом, что я увлекаюсь и нарушаю последовательность своего изложения. Но разве не обговорили мы с вами изначально условие, при котором вы можете задавать мне вопросы, как говорится, на ходу? Думаю, сухое чтение лекций вам же и было бы скучным».

— «Спросить можно?».

— «Не только можно, но и желательно, — иначе нужный вопрос «прокиснет».

– «Я – второй пастырь общины «субботников» – адвентистов Седьмого дня, Михаил Чельцов. Скажу лично от себя, что понимание проблем секса в иудаизме мне весьма импонирует. Это правда, в христианстве здесь большой пробел, и по этой причине сказывается низкий уровень сексуальной культуры. Речь идёт не о крайностях, когда до тошнотворности везде навязывают тему секса, и содомский грех победно шагает по России. Это интим, и здесь нужна большая деликатность, не переходящая, разумеется в ханжество.

Но мне хотелось уточнить другое. Если мне нечто показалось, то Вы скажите, что показалось: когда Вы упомянули о «непорочном зачатии», создалось впечатление, что у Вас этот догмат как-бы под сомнением; слышалась какая-то ирония...».

– «Вы, пастор, внимательны к интонациям, и это делает Вам честь. В пастырском служении это ценное и нужное качество. Но своим ответом я Вас разочарую: интонация в голосе – это ещё не аргумент. Если же Вы напрямую спросили меня о догмате, то это проблема перевода, сделанного под уже сложившееся верование. Было бы совсем неплохо, если бы мы почаще обращались за консультациями по части перевода текстов из еврейской Библии к еврейским же специалистам. Здесь ничего зазорного нет, это даже и логично: кому же лучше знать древнееврейский, если не раввину? А казус с учением о непорочном зачатии связан именно с переводом. Кстати, не странно ли: строить столь мощное сооружение догмата на одном лишь месте из Писания? – на единственном стихе из пророка Исаяи, говорящем совсем о другом. Разобраться в этом вопросе желающие могут и сами; в той же книге Полонского « Две тысячи лет вместе « это есть. Да и не только у него.

Я знаю, когда речь заходит об уточнении переводов, то у правоверных христиан что-то внутри напрягается, срабатывает некий рефлекс «табу». Как будто мы собираемся посягать на что-то непрерываемое. Но посудите сами: ведь перевод – дело сугубо человеческое, это не хартия, спущенная прямо с небес; если сказать конкретнее – это дело науки, а любая наука на месте не стоит. Правда, когда перевод касается учения или догмата, то здесь всегда встречается сопротивление консервативного мышления. Вот пример: в современной английской Библии дан правильный перевод из книги пророка Исаяи – «молодая женщина», а в Новом Завете – здесь же – цитируемое место из Исаяи, из-за традиционных соображений, печатается по-прежнему – «дева».

Есть свежий пример и с русским переводом, который выполнен Российским Библейским Обществом (издание 2008 года). 16-й стих 3-й главы Первого послания Тимофею звучит так: «...это тот, кого Бог явил в человеческом теле...». Кто помнит, как это звучит в синодальном переводе?».

– «...Бог явился во плоти...».

– «Правильно. Чувствуете разницу? Это же весьма существенно. Я, кажется, упоминал сайт священника Якова Кротова – www.krotov.info; там в именном указателе найдёте фамилию Чистовича И.А. и его книгу «История перевода Библии на русский язык», в которой говорится о скандале из-за правильного перевода; всё замяло священноначалие РПЦ, и старый тенденциозный перевод до сих пор в ваших руках.

Однако, у нас ушло много времени, а я ведь очень хотел уделить особое внимание книге «Вера после Катастрофы» Элизера Берковича, о которой уже говорил. Но нам приходилось всё время уделять много времени сопутствующим вопросам, так что лишь сейчас мы посвятим ей специальное внимание.

Она стоит того.

Основная тема в ней – сама Катастрофа, которая потрясла весь еврейский мир. Но потрясла и западное христианство, потому что стало очевидно, к чему привела т.н. «теология отвержения». Очень даже возможно, что основная масса христиан такого академического термина не знала и не произносила, но многовековое церковное воспитание внедрило в бытовое сознание многомиллионных прихожан, что евреи если ещё и живут среди них, – то лишь для того, чтобы своим рассеянием, своим униженным состоянием быть свидетельством того, как они расплачиваются за распятие Иисуса. Вы же помните, как один из т.н. «Отцов Церкви» на призыв к полному физическому уничтожению евреев «милосердно» (я ставлю это слово в кавычках) стал учить, что евреев надо оставить жить, но держать их в униженном положении, чтобы Господь на их судьбе показывал справедливость Своего наказания. Так из века в век формировалась народная психология.

Итак, «теология отвержения», «теология замещения» учила христиан, что библейский Израиль ушёл в прошлое; те евреи, которые доньше живут, это назидательная тень, а Церковь является новым Израилем. В России в царское время была секта, которая так и называлась – «Новый Израиль». Правда, некоторые еврейские проро-

ки – например, Захария (Зхарья) – говорили о какой-то смутной перспективе для евреев, что они снова соберутся на своей земле, но это истолковывалось в сугубо христианском духе: да, соберутся, но если перед этим обратятся ко Христу. Но вот в 1948 году Израиль провозгласил своё государство. И где? Не на африканском континенте, где ему подыскивали место иные политики, а на его исторической территории. И ещё небывалый в истории факт: государственным языком стал не идиш как язык европейских евреев, а язык Авраама, Ицхака и Якова. В тот же год на новорождённое государство, у которого не было ещё регулярной армии, напали шесть хорошо вооружённых арабских государств, – и они были посрамлены.

Мы, тогда советские граждане, жившие за непроницаемым железным занавесом, мало что знали обо всём этом, а что и знали, то через кривое зеркало коммунистической пропаганды. И конечно, вся эта драма происходила не на наших глазах. Но западный мир всё это видел, и это было для него потрясением. Израиль возродился, со всех концов мира туда стали собираться евреи, – но ведь они по-прежнему не признавали Иисуса Христом! Как же так? Ведь богословы и церковные предстоятели самых различных конфессий утверждали, что только через обращение к Иисусу Христу произойдёт это возвращение. И богословская мысль стала приходить к неожиданному выводу: очевидно, мы всё это не так понимали, и путь Израиля выстраивается совсем не по христианскому расчёту. Сегодня всё больше принято говорить о «теологии дополнения», и я советовал в своё время прочесть на эту тему книгу израильтянина Арье Бараца. Это значит, что правильное следует говорить о двух Заветах, и оба они вполне самостоятельные. А самое главное – Завет с Израилем у Бога не отменён. Сама жизнь внесла существенные коррективы в христианское богословие. Католический мир уже свернул свои миссионерские программы, направленные на обращение евреев в христианство. К этому же пришёл и западный протестантизм. И Элизер Беркович в своей книге (далее я буду ссылаться на неё) пишет: «Теперь, после газовых камер и крематориев есть только одна возможность: из духовных руин западного мира должно подняться что-то совершенно новое, иначе в нашем ядерном веке у человека нет никакой надежды».

Автор умно и со знанием дела интерпретирует величайшую в мире притчу об Иове. Нельзя сказать, что он – единственный, кто проводит параллель между этим Страдальцем и Израилем. Из самых

современных работ, что приходилось читать, – это книга молодой израильтянки Юлии Блум «Если ты Сын Божий, сойди со креста»; рекомендую найти и прочесть.

Вы помните фабулу этой драмы, написанной, по всей вероятности, в период Второго Храма, т.е. в 5-2 в.в. до н.э. Кто-то из хахамим, еврейских мудрецов, был явно озарён Свыше, написав такую пронзительную притчу. На невинного Иова обрушиваются беды, одна за другой: он теряет стада, имущество, своих детей, и наконец само тело его покрывается зловонной проказой. Пришли три друга утешать его; сначала они действительно выражали сочувствие и скорбь, – но это, как оказалось, был лишь необходимый восточный ритуал. Затем они, каждый друг за другом, стали выискивать в Иове несуществующие в нём нравственные пороки, за которые он, по их мнению, и расплачивается. Притча эта многоплановая, но я обращаю ваше внимание лишь на то, что для наших встреч актуально: эти «жалкие утешители», как назвал их Иов, выставляли Бога по образу и подобию их жестокосердия. По мнению этих «друзей», все беды и горести у человека бывают только в наказание за его грехи. Это так, да не всегда так. Бог даёт испытания, в которых формируется человек, – а как иначе в нём может выработаться нужное, полезное, мужественное? Ведь и сталь, как известно, проходит через горнило кузнеца. Но эти друзья-товарищи своими суждениями рисовали извращённый образ Бога, которому больше делать нечего, как только из-под угла подсматривать за неправильными поступками человека, чтобы неумолимо обрушивать на него Свои кары. Поэтому-то в конце этой притчи есть слова от лица Бога: «Горит гнев Мой на друзей Иова за то, что они говорили обо Мне неверно».

Но эта драма не только о судьбе человека. Элизер Беркович говорит здесь об Израиле. У этого народа есть вершины богоизбранничества, когда ему было определено быть проводником строгого единобожия и вытекающих отсюда высокоморальных принципов. Но у этого же народа есть и периоды, на сторонний взгляд кажущиеся полным отвержением. И как поступят по отношению к нему народы, близкие к нему? Они, как показывает история, поступают подобно тем горе-друзьям, носителям ханжеского понимания о справедливости. «Иов не мог принять аргументы своих друзей не из-за преувеличенного самомнения и не из-за того, что считал себя непогрешимым праведником. Его возмутило то, что они защищали зло, доказывая,

будто оно и есть справедливость. Сами того не понимая, они оскорбили достоинство Творца, в Которого верил Иов».

Беркович деликатен; он не говорит напрямую, что христианский мир уподобился этим друзьям, которые по внешней видимости желали блага, а на самом деле терзали сердце Иова. Так и с Израилем: в христианском антисемитизме проявляется оскорбление достоинства Бога. В течение почти двух тысяч лет христиане говорили, будто бы, от имени Бога. Если бы всё это выдавалось за собственную инициативу: все эти гонения, погромы, лишения гражданских прав, насильственное крещение, гетто, наконец – прямой геноцид. Но нет, всё это подавалось изначально как бы от воли Небес! В этом нет какого-то навета с моей стороны на христианства; сколько раз приходилось видеть, как иной радетель «за Бога, царя и Отечество», ни разу в Библию не заглядывавший, злобно мечет молнии на тех, кто «нашего Христа распял», не смысля в этом совершенно ничего.

Да, автор деликатен и тактичен: пусть христиане сами спросят с себя. Он же размышляет о Вере: «Кризис Веры в лагерях мог испытать только тот, кто верил в живого Бога Израиля. Лишь с таких позиций можно вопрошать «Где был Бог?» и даже спорить с Ним». Где был Бог, когда уничтожали мирных людей? Уничтожали планоно и по-немецки методично только за то, что они – евреи. Постарайтесь быть предельно внимательными к ходу мыслей Берковича; здесь всё выстрадано и напряжённо, человек пишет о своей судьбе, ибо когда еврей молится, то говорит «мы»: он и Израиль неразделимы.

В книге Исход 15:11 в синодальном переводе, который у вас на руках, текст звучит так: «Кто, как Ты, Господи, между богами?». Сам перевод коряв, и непонятно, что ещё за боги, когда Израиль не признавал существование кого-либо, кроме Цеваота (Саваофа), Вседержителя. Но в еврейском переводе это звучит так: «Нет Тебе равных среди молчащих». Ещё приведу текст из Исаяи 45:15; синодальный перевод – «Истинно Ты Бог сокровенный». Еврейский же таков – «Ты – Бог прячущийся». Бог – великий Молчалник, Прячущийся. Это непривычно для нашего слуха, но прислушаемся к рассуждениям автора. Когда страдания доходят до невыносимой черты, верующий человек считает, что Бог как-бы устранился от него, храня глухое безмолвие. Поэтому в иудаизме есть даже принятое слово – «сокрытие лица Бога».

Иов не знает, за что он терпит такие муки, вопиёт к Богу, а в ответ... молчание. Израиль из века в век пьёт горечь из чаши страданий

и тоже кричит «Где Ты, Бог?», – а Он не является. Да есть ли Он вообще? По этой-то причине многие не верят в Него.

Но сокрытие лица Бога бывает по разным причинам. В одном случае разобраться проще: «...и Я сокрыл лицо Моё от него (от Израиля-прим.) в тот день за все беззакония его...» (Второзаконие 31:18).

В другом случае – гораздо сложнее: «Но ныне Ты отринул нас и посрамил нас... Ты отдал нас, как овец на съедение, и рассеял нас между народами... Отдал нас на поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас... Всё это пришло на нас. Но мы не забыли Тебя и не нарушили Завета Твоего... Восстань, что спишь, Господи! пробудись, не отринь навсегда! Для чего скрываешь лицо Твоё?» (Псалом 43:10-25; в еврейской пс.44). Часто можно встретить в молитвах покаянные признания в том, что приходится расплачиваться за свои грехи. А вот как понять Господа, если «мы не забыли Тебя и не нарушили Завета Твоего»?

Элиэзер Беркович видит смысл трагического «сокрытия лица Господня» в том, что человеку дана свобода выбора между добром и злом. Да, Творец может вмешаться в каждую ситуацию, тем более тогда, когда страдает невинный. И здесь нет принципиальной разницы, идёт ли речь об одном человеке или о целом народе. «Страдания одного невинного так же непостижимы, как страдания миллионов». Если бы Бог не установил принцип свободы ежедневного выбора, то не было бы и самого человека, потому что тогда это был бы уже не человек, а существо на уровне животного, живущего только по заданным ему извне инстинктам. «Раз человек свободен, он сам отвечает за свои поступки; он не должен быть подавлен ощущением Божьего превосходства. Бог присутствует, но так, чтобы быть незаметным; отсутствует, но так, чтобы не стать безнадежно недоступным. Одни находят Его даже в отсутствии; другие не видят Его, когда Он рядом».

В псалме 88 (евр.89) сказано: «Кто силен, как Ты, Господи?». В еврейском же переводе – «Кто сильнее Тебя, Господи, в молчании?». И мудрецы объясняют так: мощь Бога в том и состоит, что Он подавляет Свои желания и остаётся долготерпеливым к злодеям. Они видели мощь Господа как раз в том, что Он сдерживает Свои желания судить и наказывать и ведёт Себя в истории так, как если бы не обладал всемогуществом.

История народов, по мысли Берковича, это естественный процесс, объясняемый в терминах власти и экономии. Но факт существования Израиля, вопреки всему, должен свидетельствовать, что здесь нужно привлечь трансцендентные понятия. «Существуют два мира: того, что есть, и того, что должно быть. Все народы действуют в основном в мире того, что есть – в мире силы. Израиль же принадлежит к миру того, что должно быть – к миру Веры». То есть Израиль существует у Бога для того, чтобы в этом существовании народы понимали, что есть Творец, Который не устранился от созданного Им мира, хотя Его слишком часто и не видно.

Но в этом задача и самих евреев, говорит Беркович: «Израиль был избран Всевышним не потому, что он знал, верил и понимал. Наоборот, Бог избрал евреев, чтобы они могли знать, верить и понимать».

Есть ещё один термин в иудаизме – «присутствие в отсутствии». И Беркович пишет:

«Как ни парадоксально, ярчайшим свидетельством этого «присутствия в отсутствии» является преступление Германии против евреев. Нацисты сознательно сбросили с себя все остатки моральных ограничений. В них есть нечто трансцендентное, это иррационально. Это был метафизический страх перед тайной Божьего присутствия. Это было восстание против Бога, Которого нужно было устранить навсегда.

Бог долготерпелив, но не вечно. Если бы Он терпел вечно, это было бы не Божье милосердие, а Божье равнодушие. Израиль выжил благодаря суду над миром, суду, который никогда не прекращается.

Мир, построенный только на Божьей справедливости, не смог бы выдержать Божьего гнева; мир, построенный только на милосердии, погиб бы из-за человеческой гордыни. Есть суд и есть Судья. Но суд откладывается, благодаря Божьему милосердию и долготерпению. Человек может некоторое время оставаться безнаказанным. Но суд лишь отложен».

От себя могу добавить лишь то, что никакие самые мудрые слова не могут постичь тайну Бога и не могут до конца объяснить тайну Израиля. По этой-то причине, я, как вы и сами видите, почти ничего не прибавлял от себя, справедливо считая, что пред лицом неисчислимых еврейских страданий самое лучшее – это помолчать. Мудрецы не перевелись и сегодня, – пусть лучше говорят они.

Бог даст – до завтра.

«И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО. ДЕНЬ ШЕСТОЙ»

Утро почему-то было тягостным. Зная по опыту, что без причин ничего не бывает, Алексей Григорьевич проверял себя, вчерашний вечер, – нет, ничего отрицательного не было. Вечер был, как всегда – рабочим. То есть была работа над новой книгой, сидение у компьютера. Собственно, в интернете он пока искал и читал нужные для его темы уже существующие публикации. Это было для него учёбой, – так он называл данный процесс. Ведь никогда человеческая мысль не рождается в информационном вакууме; любая мысль – это продукт коллективный, только каждый индивидуум привносит что-то своё. Наглядный тому пример – кропотливый труд пчёл.

Писал он по-старому, от руки на бумаге; этому процессу трудно было дать определение, но было что-то тёплое в том, что рука сама заполняет строки, что-то душевное. При бурном росте современных технологий скоро, возможно, забудут и это, как забыли, к примеру, заправку фотобачка плёнкой и печатание фотографий в темноте при красном фонаре. Как всегда, не раз и не два правил написанное, потом вносил текст в компьютер, и после ещё сколько было поправки. Писать приходилось, предварительно подложив под себя какие-нибудь жёсткие подушки; получалось что-то ни на что не похожее, да и сама поза его представляла вид крайнего неуюта: на самом краю кушетки, ноги при этом лежат на стоящем рядом стуле. Получалась какая-то нелепая диагональ. Но Алексей Григорьевич давно уже не мог писать, сидя за столом на стуле; ему так не было удобно. А вот полусидеть, полулежать в несуразной диагонали, – так, как ни странно, что-то внутри успокаивалось и располагало к работе. Впрочем, вчера не было ничего неприятного. Тогда что за смутное настроение?

Придя к выводу, что многому не дашь отчёта, он завтракал, потом проверял почту в интернете.

Были два письма; ничего особенного, обычная переписка. Одно письмо было в теме всей недели, проведённой с пасторами. Писал старый приятель, тоже осознающий необходимость иудео-христианского

диалога; он предпринимал попытки создать некий Фонд, при поддержке которого можно было бы публиковать материалы по проблемам данного диалога, устраивать встречи, семинары. Однако, никого он так и не сумел привлечь к этой идее. Деньги легче находят-ся на какие-нибудь шоу, на которых все темы превращаются в базарную перепалку; при этом всегда присутствует устойчивое ощущение, что всеми телеканалами руководит одна рука и ведёт к единой цели: превратить народ в быдло, утробно ржущее над всем: над горем, над кровью, над беззаконием властей... Так с грустью писал приятель, московский интеллигент. Все его поиски встречали равнодушие и непонимание: «Как вы сказали? Фонд поддержки иудео-христианского диалога? А что это вообще такое? Толерантность? Взаимопонимание – это хорошо, но будет ли от всего этого толк? А что?.. А если...». Да так все разговоры и заканчивались, – идея-то эта не обещала «кассы». И от письма было грустно.

Алексей Григорьевич не стал отвечать в это утро. Он и сам понимал нужность такого Фонда, но человек он был неорганизаторский. Он не знал, как всё это делается. Да и потом, как подумаешь: в те ли руки попадёт распоряжение финансами Фонда? – ведь сколько было благих намерений, заканчивавшихся неприятностями только лишь потому, что ушлые люди везде чувствуют возможность пожить-ся. Вроде бы все свои, а деньги уходят совсем не туда, для чего предназначались. Слава Богу, он никогда не участвовал в подобных проектах, но ведь сколько подобных примеров. Да, что-то с утра не тот настрой. Надо выйти чуть пораньше, подольше пройтись; на утреннем свежем воздухе и мысли чище становятся, и тяготное настроение уходит.

Войдя в кирху, в её зал для богослужений, где проходил семинар, Алексей Григорьевич увидел пасторов, что-то оживлённо обсуждающих. Похоже, что происходил даже какой-то спор.

– «...И что тогда остаётся от христианства?» – кто-то был явно в запале.

– «Да подожди, ведь надо спокойно выяснить», – этот голос располагал к рассудительности.

– «Что, неужели за всю историю Церкви мало было этих разбирательств?! Мы что, должны всё пересматривать? – тот, кто был в запале, явно жаждал что-то непременно выяснить.

– «Ну не горячись. Ты вправе спрашивать напрямую. Здесь нет запретов на темы».

На этом всё стихло, – Алексей Григорьевич уже стоял перед пасторами.

– «Мир вам, уважаемые».

Сказав это, он взгляделся в лица сидящих. Ему всегда нравилось, если они были чем-то озабочены, чем-то возбуждены. Для него это было гораздо лучше, чем безликая аудитория, чинно и терпеливо выслушивающая очередную порцию информации.

– «Мне отрадно осознавать, что зал наш не опустел со временем, а даже наоборот. Сегодня шестой день наших встреч, суббота; завтра у вас, как всегда, трудный день, – я имею в виду богослужения, у кого-то их в воскресенье даже два. По опыту знаю, что этот день самый тяжёлый по психологической нагрузке. И тем не менее вы здесь, хотя я с пониманием воспринял бы отсутствие многих. И это при всём том, что наши встречи совершенно необязательны ни для кого из вас. Сегодня наше время будет так же плотно занято, как и в предыдущие дни. Но прежде всего: есть ли какие вопросы?»

– «Можно мне, доктор?».

Встал пастор из евангельской церкви Андрей Водовозов.

– «Вчерашняя лекция, Алексей Григорьевич, была настолько насыщена, что было трудно всё запомнить, а конспектировать мы уже разучились. Так только, некоторые мысли себе на память... Но один среди нас оказался более предусмотрительным и все эти дни записывал всё на диктофон. Никто не обратил на это внимание, да никто и не увидел, потому что у него эта штука настолько чувствительна, что ему не было нужды даже вынимать её из нагрудного кармана. Как в детективе. И мы надеемся, что сможем иметь для себя копии, – по крайней мере те из нас, кому это нужно.

Что касается самого материала, предоставленного Вами вчера, то от себя говорю с уверенностью, что воспринимал я всё, как говорится, на одном дыхании. Конечно, это религиозная философия, но это не философия ради философии, когда становится муторно, как от чтения учебника по марксизму-ленинизму. Я это ощущение сохранил до сих пор, хотя в нашем техникуме (в вузы же нас не принимали, Вы помните) всё это шло уже как бы по инерции, – на дворе-то уже была перестройка. Ваш же Беркович говорит философски глубоко, но изъясняется доступными формами. Ценно и достойно уважения то, что этот учёный сам единокровный тем миллионам жертв, он – плоть от плоти еврейской, и слова его наполнены болью и правдой. И удивительно мудрой Верой. Я хочу повторить: мудрой Верой,

потому что его Вера – выстрадана. Я не знаю, был ли автор сам в концлагерях...».

– «Нет, он в 39-м году сумел покинуть Германию, где он был раввином. Преподавал еврейскую философию в Штатах, в середине 70-х репатриировался в Израиль».

– «Спасибо за справку по ходу дела. Так вот, я хочу сказать, что его словам веришь. Особенно в такой жгучей теме «Где был Бог?», когда уничтожался народ как генотип. Понятно, что легче от таких объяснений никому не станет, но приходит хотя бы какое-то осмысление, а это помогает как-то видеть смысл страданий. Я сознательно удерживаю себя от многих слов, потому что перед фактом Катастрофы лучше вообще помолчать, чтобы многословием не оскорбить память павших. И ещё хочу сказать, что теперь чувствую себя в какой-то мере причастным той вины, которая лежит на христианском мире, потому что геноцид был идеологически оправдан предыдущими веками христианского антисемитизма. Я не знаю, как бы я повёл себя в то ужасное время фашистского разгула в качестве христианского пастора. Я не думаю, что мои единоверцы в те времена все были поражены откровенной юдофобией, но ведь известно, что равнодушие и невмешательство – явные помощники преступлений. Мне тяжело даже представить себя в той ситуации. Это то, что я хотел сказать».

– «И хорошо, что Вы не берётесь быть судьёй тем свои единоверцам, – всем будет судьёй Судья. Осуждая их, мы этим будто бы говорим, что уж мы-то поступили бы совсем не малодушно, мы открыто встали бы на защиту беззащитных. Проверяет всех только сама жизнь, и действительно: неизвестно, как повели бы мы себя в то ужасное тоталитарное время. Хорошо, что Вы не подвержены «синдрому Петра», когда этот самоуверенный ученик, не зная себя сам, уверял своего Учителя, что он не отречётся от него и положит жизнь свою за него».

Мне же, – я это, кажется, говорил, – и самому помогла эта книга. Я сам долго не мог уяснить для себя проблему двух Заветов, данных Всевышним – сначала Израилю, потом – народам. Ну и, конечно, тема страданий и свободы. Это перекликается с религиозно-философскими рассуждениями Николая Бердяева. И я всё больше чувствую душой, что где-то там, в глубинных пластах нашего мироощущения, есть много общего у христианства с иудаизмом. Впрочем, не обязательно быть философом; это общее для всех нас – в еврейских молитвах, которыми мы закончим наш семинар. Есть даже му-

дрое еврейское размышление о том, что не зря же в Библии написано, что у всех один прародитель – Адам».

– «Алексей Григорьевич! Я, кажется, поймал момент, когда могу Вас кое о чём спросить».

Встал тот самый баптистский пастор, возмущение которого было слышно при входе в кирху. Его голос отдавал каким-то металлом. Алексей Григорьевич знал сорт таких людей: не очень-то обязывая себя хорошо учиться, они с завидным рвением не упускают случая поучать других; причём, их истина всегда бывает только последней инстанции, – отсюда и постоянный агрессивный тон. Вот и сейчас, казалось бы, ничего ещё не было сказано этим пастором, а каким-то непонятым чувством явствовало, что человек рвётся в бой. Впрочем, может быть это и не так?

– «Что Вы хотите выяснить?».

– «Мне кажется, что Вы чрезмерно увлечены иудаизмом, и в последних Ваших словах так и чувствуется желание поставить знак равенства между нашими религиями. Более того, Вы даже как будто «сдаёте» Иисуса Христа в обмен непонятно на что. Ведь Вас послушать, так поневоле задашь самому себе вопрос: «А какой смысл был в явлении Иисуса Христа?». Если в иудаизме всё так хорошо и благополучно, – по крайней мере мы за эту неделю в этом чуть ли не убедились, – то зачем-то именно от иудеев пришёл Христос? Ну был у них вечный Завет, так и жили бы в нём. А Христос бы явился от, хотя бы, греков, – тоже ведь были богоискатели. Я слышал, что у них даже и понятие к тому времени сформировалось – Логос, воплощённое Слово. А всё-таки этот Логос пришёл из еврейской среды, и это, надо полагать, не зря. Божий план спасения осмыслен, и ничего случайного нет».

– «Вас ведь зовут Михаил Иванович Кальнев, не так ли? Ваш молитвенный дом стоит очень в неудобном месте. Кто мог предположить, что из-за столь увеличивавшегося количества транспорта прихожанам будет трудно к нему подходить. Неоднократно проезжая мимо, постоянно думал об этой опасности. В самом помещении не был, но кое-кого из вашей общины знаю. Однако, ближе к делу... Трудно сказать, вопрос ли Вы мне задали или предъявили какие-то претензии. Попробуем разобраться».

Пожалуй, начну с конца Ваших слов. Я тоже уверен, что Всевышний ничего не делает зря, как Вы сказали. Здесь мне добавить нечего. Развивать дальше эту тему я не хочу, потому что это будет уже богос-

ловие, и есть опасение, что мы можем открыть дискуссию до вечера. Я напомним только известные слова из Евангелия: «спасение от иудеев». Это я сказал к тому, чтобы мы всё-таки почаще, если не всегда, помнили, что этот самый Божий план спасения глубокой своей провиденциальностью в эсхатологической перспективе всё человечество видит единым, хотя на сегодняшний день обнадеживающего в этом смысле прискорбно мало. Может быть и об этом Иисус говорил: когда снова придёт, найдёт ли Веру в людях?. Тем не менее, в Новом Завете достаточно много конкретных мест, указывающих на невидимую связующую нить, общую для Израиля и Церкви. Вот старец Симеон (в православии его называют богоприимцем) благословляет младенца Иисуса, которого родители принесли в Храм, чтобы возблагодарить Господа. Вы ведь помните это «ныне отпускаешь», там знаменательная концовка (не забудем, что все слова Симеона были направлены к младенцу, в котором этот старец увидел обетованного Машиаха): «...ибо видели очи мои спасение Твоё, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля». Это то, что можно назвать началом Благой вести. А вот и завершение слов Нового Завета, я имею в виду Апокалипсис («Откровение Иоанна»): «И поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца (Иисуса – прим.), говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель, праведны и истинны пути Твои, Царь святых». Это относится к Вашим словам «знак равенства». Если и правомерны сказанные здесь Вами эти слова, которые Вы, как я понимаю, не приветствуете, то все вопросы в таком случае к Библии. Ведь «песнь Моисея» и «песнь Агнца» – это ведь великие символы, указывающие, что благословения, которые адресованы ко Всевышнему, исходят одновременно и совместно как от Синагоги, так и от Церкви. «Апокалипсис» был написан, по общему признанию учёных, в конце первого столетия, и, как видим, Церковь тогда две эти «песни» слышала в благодатной гармонии, а не в отчуждении. Конечно, это эсхатологические чаяния, надежды на будущее, но ведь мы сейчас говорим лишь о том, что у Бога нет ничего поврозь. Да вот хотя бы не менее значимое, – я его упоминал, – пророчество Исайи: «И будет в последние дни, гора дома Господня (Сион – прим.) будет поставлена во главу гор., и потекут к ней все народы». Не ясно ли, что мы, христиане, никак не должны воспринимать себя в отрыве от иудаистского мироощущения. Может, и не всем дано вникнуть во всё это, но сам текст Библии, Нового Завета в частности, должен же быть для нас авторитетом. Я понимаю: анти-

семиты из той же Библии извлекают для своего убеждения тексты, угодные для себя. Но опять вспоминаю израильского профессора Да-вида Флуссера, который в своей книге «Иисус» показал, что если и встречаются в Евангелии выпады вроде «ваш отец – дьявол», то это совсем не было адресовано ко всему еврейскому народу; это отголоски горячей полемики рабби Йешу с теми, кто буквой Торы убивал дух этой Торы. Ведь в том же Евангелии Иисус прямо говорил: «Спасение от иудеев...», т.е., – если не пользоваться порочным методом выдёргивания, – взгляд Иисуса был ясен: хотя за спинами спорящих с ним был виден Противящийся (Сатан), всё же провиденциально спасение мира придёт от иудеев. Сам же Иисус был правочерным иудеем. На заданный ему вопрос, какая в Торе наибольшая заповедь, он совершенно чётко произнёс еврейский «символ Веры»: «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь один» (процитировал по Иерусалимскому переводу). Он прямо указал, что для евреев Тора – это святое, и сам это утверждал: «Ни один йуд (т.е. маленькая буква в тексте Торы – прим.) не исчезнет, всё должно исполниться». А Вы говорите – «знак равенства». Он же не мной обозначен».

Но Кальнева было трудно убедить.

– «Я не всё ещё сказал. Возраст мой, в отличие от других пасторов, пожалуй, самый старший. Я не могу уже успевать за временем, по этой причине и компьютером не могу пользоваться. Но у меня внуки это без труда осваивают. Веленье времени, что ни говори... Вы как-то между прочим сказали, что по компьютеру можно найти Ваши книги и назвали одну из них – «Где Авель, брат твой?». Я не сразу запомнил название, позвонил вечером одному из тех, кто присутствовал здесь. Он мне уточнил, и я попросил своего внука найти эту книгу. И что вы думаете? – в этот же вечер он её нашёл. Как ему это удалось, я не понимаю; но он научил меня самому простому – листать страницы посредством «мышки». Так это приспособление называется. В общем, все последующие вечера я сидел у компьютера, сидел до ночи и читал Вашу книгу. Можно сказать, закончил-то я её читать сегодня ночью, – ведь я не привык читать с экрана. Она, правда, не так уж большая по объёму, но большая по содержанию. Однако не торопитесь благодарить меня за эти слова, я имею в виду совершенно другое. Вы, по сути, сдали Иисуса Христа евреям. Те не верят в него, а вы им подыграли. Вы напрямую пишете, что Иисус Христос не Бог, как исповедует Церковь, – а это ведь краеугольный ка-

мень христианства. И что Вы нам после этого оставляете – одну мораль, или, – как Вы говорите, – этику?»

Подавал голос отец Павел. Все эти дни его почти не было слышно. Но записывал он много.

– «Пастор! Уважаемый! Может быть, не нужно так вот прямо сразу с какими-то претензиями. И тон какой-то бойцовский. Вашей энергии можно позавидовать: вот вы уже и книгу прочитали. Я же до сих пор о ней только наслышан. Но перед нами сам автор, – так давайте лучше попросим его объяснить нам суть своей книги или, по крайней мере, суть того вопроса, который Вы сейчас подняли».

Пока настоятель говорил, желая смягчить впечатление от явной напористости своего собрата, Алексей Григорьевич снова почувствовал утреннюю непонятную тяготу. Было в том что-то муторное; такое он порою испытывал, когда ему навязывали спор в ситуации, когда спорить было никак нельзя. Бывают темы или вопросы, которые требуют деликатности, неторопливости, вдумчивости, – а от тебя ждут скорых ответов, непременно здесь же всё расставляющих на свои места. Настоятель правильно сказал: «бойцовский». Как же тошно бывало от этих «поисков истины» с засученными рукавами. В такие минуты он всё время видел себя втянутым в какой-нибудь КВН; эту игру он никогда не любил и даже брезговал смотреть на ТВ. В этом Клубе были действительно и весёлые, и находчивые, – но это было всегда откровенное зубоскальство. Если бы это было дурачество для подростков, то с них и спрос-то другой. А тут взрослые жеребцы и кобылицы ржут над всем: над физическими недостатками, над увечьем, над бедностью, над смертью. Это вовсе не здоровое веселье, а выдавливание низкопробных подобию на юмор. Всё, оказывается, можно поднять на хохот шариковых. Вот уж и сам Масляков состарился, а он всё молодится и не может никак понять, что пошлый смех растлевает души, приучает людей быть равнодушными и чёрствыми. И почему эта ассоциация с КВН? Ах да, ведь надо ответ дать сразу, и чтобы было исчерпывающе до дна. Вот этого-то он и не любил, потому что такие застарелые проблемы не решил бы вот так сразу и сам Соломон Премудрый. Но как уйти от спора?

– «Вы, пастор, как-то уж слова подобрали: «сдал», «подыграли»... Впрочем, скорее всего Вы их не подбирали. Ну да не в них дело. Вы предъявили мне некоторые претензии, и я вправе отвечать или не отвечать. Но от ответа я уходить не хочу, хотя оговорюсь сразу: ни в своей книге, ни в стенах этой кирхи Вы не услышали от меня

истины в последней инстанции, т.е. никакой лютеровской позы вроде его «здесь я стою и не могу иначе». Как учёный я могу пригласить всех, здесь присутствующих, к спокойному рассуждению о дорогих вам понятиях; могу обозначить своё мнение, – но никаких утверждений сделано не будет.

Вы говорите, Михаил Иванович, что закончили прочтение моей книги только сегодня ночью. Из этого надо полагать, что времени для размышления Вы имели немного. И уж тем более Вы просто не могли успеть спокойно прочесть те места из Нового Завета, которые я предлагал в последней части, названной мной «Вместо эпилога». Замечено, что всякими приложениями и дополнениями читатели зачастую просто пренебрегают, но у меня эта концовка весьма важна, – важна с точки зрения научного подхода. Вы пугаетесь этого слова, Вы считаете, что всё абсолютно нужно принимать на веру, не допуская никакой критики. Я могу Вас понять: советское время отрешило от нормального знания не одно поколение верующих людей. Время было воинствующего безбожия, и советский народ усвоил для себя, что Вера и Наука – несовместимы. Но чтобы Вам было лучше подойти к пониманию моих пояснений, я хочу предложить на рассмотрение известный казус. Кто не знает знаменитую скульптуру Микельанжело Буонаротти «Моисей»?

– «Ну я и не знаю. Что из того?».

– «Скажите, кто знает эту скульптуру, и почему итальянский мастер изваял её с...рожками?».

Голос из зала:

– «Да в латинском переводе Библии была накладка: от Моисея, сходящего с горы Синай и держащего в руках скрижали Завета, исходили лучи сияния. А перевели, как «рога», – так скульптор и изобразил законодателя».

– «Да, св. Иероним неточно перевёл, – но это вошло в Вульгату, латинскую Библию, которой и пользовался итальянский ваятель. И вот вам пример, самый доходчивый на данный момент, когда Знание, т.е. наука помогает избавляться от смысловых вывихов через научное совершенствование знания языка-оригинала. Я помню одного проповедника, – это было лет сорок назад, – когда он в течение сорока минут в своей проповеди неоднократно повторял: «Вот Баран Божий, который берёт грех всего мира на себя...». Он был из Прибалтики, читал проповедь по-русски, но не знал, что надо было говорить «Агнец». Смысл темы он не искадил, но слух прихожан изрядно из-

мучил. «Агнец» – это ягнёнок, а не взрослый баран, и по отношению к Иисусу это звучало весьма грубо. Таких казусов много. Ну вот ещё один, и пойдём дальше: нерадивый семинарист должен был перевести с греческого известное изречение «хотя плоть немощна, но дух бодр». Он и перевёл: «хотя мясо и протухло, но спирт хорош».

В зале смех.

– «Все эти наглядные примеры я привёл к тому, чтобы показать, что переводы – дело очень серьёзное, это Наука, пренебрегать которой никак не следует. Но в текстах научный подход нужен не только по части перевода. Ведь у меня «Вместо эпилога» – это добрая сотня цитат из Евангелия и остальных частей Нового завета, которые я предлагаю читателям прочитать так, как напечатано в общепринятом синодальном переводе. Я подчёркиваю: прочитать в наших же Новых Заветах так, как напечатано, а не так, как мы привыкли понимать это напечатанное. Прошу это заранее учесть серьёзно. Как это можно проиллюстрировать? Ну вот, Вы знаете, что постоянно, к месту и не к месту говорится, что Ева съела яблоко, а потом угостила им и Адама. Это прочно вошло в сознание людей из поколения в поколение; даже на картинах или иконах это яблоко присутствует. Тем не менее, в библейском тексте оно даже не упоминается. Сказано – «плод», и всё.

Так и перед нами стоит задача прежде всего психологического плана: оставить в покое свои благоприобретённые привычные понятия и посмотреть на дорогое нашему сердцу непредвзято. Это будет трудно, но нужно, – а какие выводы каждый сделает для себя – это вопрос лично его. Я испытываю определённую трудность, не зная с чего начать, – ведь я уже сказал, что предложил читателю немногочисленно, а целых сто цитат; всё здесь зачитывать я не могу, потому что мне нужно сегодня закончить тему нашего семинара. Поэтому привожу примеры выборочно.

«Что ты называешь меня благим? никто не благ, но только один Бог» (Еванг. от Матфея 19:17).

Здесь нам нужно сделать акцент на том, что Иисус не присваивал себе свойства, принадлежащие одному Богу.

«Кто меня примет, тот не меня примет, но Пославшего меня...» (Еванг. от Марка 9:37).

Посол какого-либо государства говорит от лица пославшего его царя. Но посол и царь – совершенно разные личности.

«Он будет велик и наречётся сыном Всевышнего, и даст ему Господь Бог престол Давида...» (Еванг. от Луки 1:32).

Иисус – исключительная личность, и Бог даст ему как Машиаху престол Давида. Но «сын Всевышнего» и Господь Бог – не одно и то же.

«...да знают Тебя, Единого Истинного Бога и посланного Тобой Иисуса Христа» (Еванг. от Иоанна 17:3).

Здесь Иисус как ортодоксальный иудей исповедует Всевышнего единым Богом, а себя лишь посланником.

Я знаю, какое у христиан следует возражение вслед за этим: да, это относится к земной жизни Иисуса; он сознательно скрывал свою божественную природу до поры до времени. А вот когда вознёсся и сел одесную Престола Славы... Посмотрим, как о нём пишут в своих письмах (посланиях) апостолы?

«...Сын этот, совершив собой очищение грехов наших, воссел по правую сторону Престола» (Га-Гду-ла Ба- Мро-мим, т.е. Силы Свыше, Бога), Евр.1:3.

«...Поэтому он (Иисус – прим.) должен...быть милостивым и верным первосвященником перед Богом...» (Евр.2:17).

Здесь автор послания совершенно очевидно показывает, что Иисус в своём послеземном бытии пребывает в служении перед Богом.

Мы называем Апокалипсис «Откровением Иоанна», но это не совсем верно; в самом начале читаем:

«Откровение Иисуса Христа, которое дал ему Бог...» (1:1).

То есть речь идёт об Иисусе, воскресшем и вознесшимся, и ему-то было дано Богом откровение, чтобы оно было передано через Иоанна христианским церквам. Итак, то же самое: Иисус не имеет божественного статуса, хотя его положение в небесной иерархии совершенно особое.

«Они будут священниками Бога и Христа...» (Откр.20:6).

Градация и здесь недвусмысленная.

«Один Бог, один и посредник между Богом и человечеством – Иисус Христос»(1Тим.2:5).

Следующий пример я уже приводил ранее, это уточнённый перевод; читаем:

«...это тот, кого Бог явил в человеческом теле...»(1Тим.3:16), – а кто-то когда-то перевёл под сложившееся учение – «Бог явился во плоти».

«...где Христос сидит одесную Бога...» (Колосс.1:1).

«...вы же – Христовы, а Христос – Божий» (1Коринф.3:23).

«...Христу глава – Бог» (1Коринф.11:3).

«...и сам сын подчинит себя Богу, Покорившему всё ему, да будет Бог всё во всём» (1Кор.15:28).

«...Христос... живёт для Бога» (Рим.6:10).

Полагаю, что на этом можно остановиться. Кому мало этих цитат, то найдите книгу в интернете, там весь список. Что же касается текстов из Псалмов и книги пророка Исаяи, то опять адресую к своей книге. Не могу же я заняться её полным изложением. Я уже говорил вам о скандале с переводом этих текстов, когда ещё в первой половине 19-го века этим занимались специалисты по древнееврейскому языку; мною была рекомендована книга Чистовича И.А.

Когда я читал вам цитаты, то представил себе: что, если бы здесь находились сейчас верующие евреи? Их эти текстовые выкладки совсем не заинтересовали бы, – зачем им эти исследования в христианских формулировках? Это всё наши с вами проблемы, это христианский мир сделал из Иисуса Бога, хотя сами тексты это не утверждают. Единственно, на что, может быть, обратили бы внимание иудеи, так это на то, что ранние христианские документы подчёркивали неоспоримость Единого Бога, потому что и создавались эти документы ортодоксальными евреями. Это значит, что чётко продолжается строгая линия монотеизма. В силу этого, когда за последнее время со стороны иудаизма проявилось желание лучше понять христианство, появилось признание, что оно есть форма «соучастного служения», а не идолопоклонство. Я могу здесь сослаться на Пинхаса Полонского, который, конечно же знал, что говорил: «Во многих религиях люди поклоняются образам, «воплощающим Всевышнего»; в иудаизме подобный тип религии называется «шитуф» (сопутствие) и рассматривается как допустимый для неевреев вид монотеизма». Что ж, и на том спасибо.

Время наше подходит к концу. Я планировал посвятить целиком сегодняшний день еврейским молитвам, но ситуация несколько изменила намеченное. Возможно, это так и нужно было, – ведь пастор Кальнев затронул те вопросы, которые напрямую относятся ко взаимопониманию между иудеями и христианами. Не знаю, как он сам всё это воспринял...».

– «Мне уже поздно что-либо воспринимать, пусть воспринимают те, кто помоложе. Да и потом: что, по-Вашему, Церковь меньше Вашего понимала, если ввела догмат о Троице?».

– «Да, Вам воспринимать поздно, более молодым – успеется. Так всё и течёт, не изменяясь. А по поводу того, кто больше понимает, так это некорректная постановка вопроса. Я сознательно не даю себя втягивать в дискуссию, но могу попробовать снять всё-таки с Вас известное напряжение. Ведь все мои только что приведённые цитаты из Нового Завета служат лишь к тому, чтобы показать, что иудеи вовсе не по жестокосердию своему не воспринимают положений христианства. Не их вина, что Церковь сделала из них «богоубийц», хотя богоубийства-то и не было, как показывают сами новозаветные тексты. Вы так и не поняли, зачем я пошёл на такой риск в своих изысканиях. Я хотел только одного: чтобы у самого мирного и добропорядочного христианина не было представления даже на подсознательном уровне, будто евреи убили Бога. Для этого-то я и «нагрузил» всех присутствующих цитатами, свидетельствующими, что с «божественностью» Иисуса дело обстоит совсем не так, как мы привыкли думать. Но если, согласно приведённым текстам, не было «Бога-Сына», то не было и богоубийства, – следовательно, не было и богоубийц. Да и в смерти Иисуса была его добровольность; вы же помните, когда он говорил, что никто не отнимает у него жизнь, а он сам отдаёт её в жертву. Здесь глубочайшая провиденциальность, и нам нужно всё-таки учиться смотреть на иудеев библейскими глазами, хотя, конечно же, «тайна сия велика есть».

Если христианам угодно держаться за свои догматы, которые, кстати говоря, были введены много лет спустя после евангельских событий, то пусть и держатся; тем более, что – вот парадокс! – благодаря этому миллионы и миллионы людей нашли дорогу к Небесному Отцу. Проблема-то лишь в том, чтобы мы научились наконец понимать, что голгофский Завет – это Завет для язычников, и навязывать его евреям ни к чему. Ну и ещё желательно, чтобы по возможности устранять ту мхицу (преграду), которая, по слову Павла, была Иисусом разрушена, но которую христиане очень быстро восстановили.

Впрочем, я перехожу к чтению синагогальных молитв и уже больше не прерываюсь.

Вот молитва, относящаяся к пробуждению; обратите внимание на рекомендации к ней:

«Человек всегда должен вести себя Богобоязненно, даже находясь в одиночестве; и признавать истину, и быть честным в сердце своём и, вставая рано утром, говорить: «Властелин всех миров! Не на праведность свою полагаемся мы, обращая к тебе наши мольбы, а на милосердие великое Твоё...».

Кстати, Пинхас Полонский делает весьма ценное замечание, что на иврите слово «корбан», т.е. жертвоприношение, связано с корнем «корав» – приближение. Если евреи, не имея Храма и возможности приносить жертвы, жертвами считают свои молитвы, то отсюда следует, что молитвы – это приближение к Богу.

Сейчас я прочту только начало одной молитвы в утренней службе («Шахарит») для того, чтобы следом прочитать комменатрий к этим словам; уверен, что вы найдёте весьма близкое для себя: «Мы молим: великой силой десницы Твоей развяжи пути...»

«Развяжи пути»: пути наших грехов, мешающих молитве подняться к Престолу Славы Божьей. Мы просим Бога развязать эти пути и принять нашу молитву. «Великой силой десницы Твоей» – правая сторона (десница) интерпретируется в Каббале как проявление Божественного милосердия. Т.е. мы просим Бога принять наши молитвы, несмотря на наши грехи».

Помнится, в начале недели я обещал уделить особое внимание молитве «Шма». В строгом смысле, это не есть собственно молитва с присущими ей прославлениями Всевышнего или просьбами к Нему. Пользуясь комментариями Пинхаса Полонского, скажу, что «Шма» – это своего рода символ Веры в иудаизме, и по этой причине его произносят как дважды в день (утром и вечером), так и перед смертью. Вот сам текст:

«ШМА ИСРАЭЛЬ АДОНАЙ ЭЛОХЕЙНУ АДОНАЙ ЭХАД»

«Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один!».

Несколько минут назад я это упоминал в связи с Иисусом.

«Эти слова в синагоге община произносит вместе; каждый человек при этом прикрывает правой рукой глаза, символизируя этим своё слушание, а не видение. То есть это – нечто сокровенное. После шёпотом говорят: «Благословенно Имя славы Царства Его вовеки веков». Этой фразы нет в Торе, она добавлена в молитвенник. Смысл её вот в чём: так как у Бога евреев нет собственного имени (все Его имена – это только описания Его проявлений в мире, то эту фразу следует понимать так:

«Благословенно Имя, под которым Царство Господа прославлено на этой земле».

«Этот символ Веры евреев определяет «признание над собой власти Небес», или в дословном переводе «принятие ярма небесного Царства». Имеется в виду ярмо, которое надевают на шею быка для того, чтобы тот тащил плуг (или делал другую работу). Без ярма бык не может пахать землю, его громадная сила может лишь разрушать. Именно таким ярмом – ограничивающим, но в то же время дающим возможность самореализации – является для евреев Тора».

Конечно же, в вас сразу сработала ассоциативная память; вы вспомнили слова Иисуса, когда он произносил сугубо еврейское: «... возьмите иго (ярмо) моё на себя., ибо ярмо моё – благо...».

Открываю Тору Иерусалимского издания с классическим комментарием. Молитве «Шма» посвящено много строк; я буду читать выборочно.

«Открывающий стих этой части главы, известный как «Шма», является ключом, открывающим «ворота» иудаизма, паролем и выражением веры на протяжении долгих веков еврейской истории».

«В первом стихе из этого отрывка Торы, который принято называть «Шма», нам раскрывается третье из величайших свойств Всевышнего. В Брейшит, гл.17(Бытие – прим.) Он дал узнать о Себе как о Всемогущем, в Шмот, гл.6(Исход – прим.) – как о Вечном, и, наконец, здесь мы узнаём о нём как о Едином». Всевышний один, потому что нет другого бога. Он также один, потому что нет никого и ничего подобного Ему. Поэтому можно сказать, что свойство Всевышнего – не только единство, но и единственность и уникальность».

«Каким образом проявляется любовь человека ко Всевышнему? Он постоянно испытывает желание быть ближе к Творцу, достичь совершенства и ощутить проявление Божественного Присутствия повсюду».

«Особые свойства выделили сынов Израиля и сделали их избранным народом. Однако это не значит, что все остальные народы имеют лишь второстепенное значение. Универсальность идеи Бога Израиля сама по себе является достаточно сильным опровержением подобного предположения. Каждая нация должна обладать определённым самосознанием, чтобы быть способной выполнить свою особую миссию».

Как мы знаем, Иисус, будучи ортодоксальным евреем, ставил на первое место именно «Шма» как символ строжайшего монотеизма.

Вот т.н. «тринадцать благословений» (выборочно):

«Познание»

«Ты даруешь человеку разум и обучаешь смертных мудрости. Даруй же нам разум, мудрость и рассудок. Благословен Ты, Господь, дарующий разум!».

«Раскаяние»

«Дай нам вернуться к Торе Твоей, Отец наш, и приблизь нас к служению Тебе, Царь наш. И помоги нам совершить полное раскаяние. Благословен Ты, Господь, желающий раскаяния!».

«Понятие «тшува», которое мы переводим здесь как «раскаяние», очень ёмко. Оно включает в себя как признание своих ошибок и грехов, так и чувство раскаяния и сожаления, а также действия по исправлению сделанного неправильно, и усилия, предпринятые для того, чтобы не повторить подобное в будущем. Само слово «тшува» означает буквально «возвращение», ибо наши грехи отдаляют нас от Бога; совершая «тшуву», мы возвращаемся к Нему. Совершая «тшуву», человек не только «возвращается к Богу»; он возвращается также и к самому себе, к своей исходной внутренней сущности...».

«Благословенный год»

«Благослови для нас, Господь, Бог наш, этот год и весь урожай его на благо и пошли благословения на землю, и насыть нас щедротами её; и пошли благословения этому году, как в лучшие годы. Благословен Ты, Господь, благословляющий годы!».

«Пошли благословения на землю»: чтобы никто ни в чём не испытывал недостатка, чтобы не было причин для зависти, и, таким образом, сохранился мир».

«Собирание изгнанников»

«Протруби в великий шофар о свободе нашей; и подними знамя собирания рассеянного народа; и собери нас всех вместе с четырёх концов света. Благословен Ты, Господь, собирающий изгнанников народа Своего Израиля!».

Шофар – это бараний рог.

«...когда же Бог решит собрать Свой народ из изгнания, об этом узнают все народы, и это будет великий шофар, ибо все поймут и услышат глас Божий».

«Восстановление Иерусалима»

«И в Иерусалим, город Твой, по милосердию Своему возвратись и обитай в нём, как обещал Ты; и навечно восстанови его в скором

времени, в наши дни, и престол Давида поскорее в нём утверди. Благословен Ты, Господь, строящий Иерусалим!».

«И навечно восстанови его»: «Сказали евреи: «Владыка мира! Уже был отстроен Иерусалим, но Ты разрушил его». Ответил им Всевышний: «Вы за ваши грехи были изгнаны из него; но в будущем Я восстановлю его и уже не разрушу никогда» – Мидраш Танхума.

«Машиах бен Давид» – Мессия, потомок Давида

«И росток Дома Давида, раба Твоего, поскорее возрасти и возвысь его поддержкой Своей, ибо на Твоё спасение мы надеемся постоянно. Благословен Ты, Господь, возвращающий спасение!».

«Мессия должен восстановить справедливость... и в конце концов завершить исправление мироздания, дав каждому человеку возможность, живя в мире и спокойствии, направить свои силы на познание Бога».

«Внемлющий молитве»

«Услышь голос наш, Господь, Бог наш; окажи нам милость и прими благосклонно молитву нашу, ведь Ты – Бог, внемлющий молитвам и мольбам. Царь, не оставь нас без ответа».

«Услышь голос наш»: «Тот, кто хочет, чтобы его услышали, должен вслушиваться в слова другого, – поэтому, если желаете, чтобы ваша молитва была услышана, прислушайтесь к голосу Бога».

Мы уже уделяли внимание т.н. «тройному благословию», текст которого вы и сами часто читаете в назидание верующим; нас ведь не смущает, что оно прямо направлено к народу Израиля. Но если мы ранее читали из Сидура «Шма Исраэль», то сейчас прочтём из Сидура «Врата молитвы» более из-за комментария, который представляется мне весьма полезным.

Кантор читает:

«Пусть благословит тебя Господь и охранит тебя!»

Община отвечает: «Да будет таковой Его воля!»

«Да озарит тебя Господь и окажет тебе милость!»

Община отвечает: «Да будет таковой Его воля!»

«Да обратит Господь к тебе Лик Свой и пошлёт тебе мир!»

Община отвечает: «Да будет таковой Его воля!»

«Первая фраза благословения использует формулировку «благословит тебя Господь и охранит тебя». Слово «благословить» имеет в Святом Языке значение «увеличить то, что принадлежит тебе».

То есть благословение проявляется в материальной сфере как сохранение и преумножение достатка, здоровья и благополучия. Од-

нако всё то, чем человек владеет, нужно не само по себе, а ради более высокой сферы – психической. Благословение в этой сфере проявляется в «просветлённости души», в том, что душа человека освещена Божественным светом. Поскольку грехи наносят ущерб душе человека, необходима «Божественная милость», чтобы излечить душевный изъян, из-за которого человек не различает между добром и злом. Однако и эта сфера – не самоцель; и благословение достигает высшей сферы – духовной, сущность которой – личный контакт со Всевышним. Здесь каждого еврея благословляют на то, чтобы «Господь обратил к нему лицо Своё», и он смог вступить с Богом в настоящий диалог.

И завершается благословение словами: « даст (Бог) тебе мир – «шалом», т.е. цельность, гармоничность, завершённость. Эта цельность достигается, когда все три сферы человеческого существования функционируют нераздельно друг от друга, как элементы связи человека с Богом, – и, благодаря этому, человек обретает истинный мир».

Каждое субботнее утреннее богослужение во многих общинах (я об этом уже говорил) завершается общей трапезой, смысл которой, конечно же, не в утолении голода, а в единении. Садится за стол бедный наравне с богатым, все едят одну и ту же пищу; изначальный смысл трапезы в том, чтобы никто не возносился над другим, ибо все в одинаковой степени зависят от Всевышнего. В конце самой трапезы поются песни «Святой Субботы». Надо полагать, в разных местностях есть свои любимые песни. Я же приведу здесь текст довольно-таки древний, написанный рабби Абрахамом ибн Эзра (1093-1167); песню эту пели евреи Италии, Испании, Франции, Англии, Израиля.

И ещё короткое:
ХАБИБИ
«Любимый Бог, любимый,
Господь, Царь милосердный,
Пошли Своего верного Мессию.
Отец Милосердный, услышь нас,
Пошли сына Давида,
И он принесёт нам Избавление».
«Сын Давида» – ещё один эпитет Мессии.

А вот уже 16-й век; песня создана рабби Эльзаром Азкари (Израиль, Цфат):

«Возлюбленный души моей, Отец милосердия!
Приблизь раба Своего к исполнению воли Твоей, –
И побежит он с быстротой оленя,
Чтобы склониться перед Твоим великолепием.
Любовь Твоя будет для него
Слаще мёда и всяческих яств.

О, Величественный и прекрасный, Сияние мира!
Душа моя больна любовью к Тебе.
Молю Тебя, Боже, излечи её,
Явив ей Свой благодатный свет!
Лишь тогда исцелится душа моя и окрепнет,
Обретёт она вечную радость.

Извечный, преисполнись сострадания
И сжался над Израилем, любимым сыном Своим.
Ибо страстно жажду я
Увидеть великолепие могущества Твоего.
Молю Тебя, Бог мой, услада сердца моего,
Сжался же и не скрывай от меня лик Свой.

Яви Себя, Любимый,
И раскинь надо мной шатёр Своего мира.
Озари землю славой Своей,
И будем мы ликовать, будем радоваться Тебе!
Поспеши, Любимый, ибо пришла пора,
И будь милостив к нам, как в прежние времена».

Ну, прямо-таки в классическом духе «Песни песен», приписываемой Соломону.

И вот уже в самом конце нашего семинара ещё выдержки из маленького сборника «Взываю к Тебе» (Иерусалим).

Молитва жены за мужа:

«Да будет на то Твоя воля, Ашем, наш Б-г и Б-г отцов наших, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Яакова, чтобы Ты всегда хранил, оберегал, ограждал моего мужа от любого вреда, от всякого зла, от всех болезней. И даруй ему жизнь добрую, жизнь долгую, жизнь в богатстве и почёте. И даруй нам здоровое потомство, детей достойных и праведных. Пусть всегда будет между нами любовь, братство, мир и дружба. Вложи в наши сердца любовь к Тебе и страх перед Тобой, чтобы мы исполняли Твою волю и служили Тебе всем сердцем как настоящие евреи, чтобы творили справедливость и добро народу Израиля. И благослови моего мужа совершенным благословением великой мощи и мира, как сказано об этом: «Благословит тебя Ашем и охранит тебя, озарит тебя Ашем светом Своего лица и помилует тебя, обратит к тебе Ашем лицо Своё и пошлёт тебе мир», и сказано: «Ашем обережёт его и поддержит в нём жизнь, и он будет счастлив на Земле». Амен, да будет так!».

Маленькая справка: для евреев у Бога много имён-определений; из-за благоговения перед Ним говорят иногда просто «Ашем» – т.е. «Имя». Пишется же более правильно – ha Шем.

«Молитва о чистоте речи» – её я никак не мог обойти своим вниманием; насколько она актуальна в наши дни:

«Владыка мира! да будет на то Твоя воля, Б-г милосердный и милостивый, чтобы Ты удостоил меня сегодня и каждый день оберегать мои уста и язык от злословия и от сплетен и также не принимать их от других. И остерегусь я говорить даже об отдельном человеке, а тем более обо всём народе Израиля или части его, и тем более негодовать по поводу проявлений Ашема, благословен Он в мире.

И я остерегусь от речей лживых, льстивых, насмешливых, вздорных, гневных, кичливых, обижающих, позорящих и от всех запрещённых речей. И удостой меня произносить лишь то, что необходимо для существования тела и души, и чтобы все мои поступки и слова были во имя Небес».

Молитва перед рождением ребёнка:

«...И благослови меня небесным благословением с высот и благословением вод, наполняющих бездны, благослови мои груди и моё чрево...».

Благодарность после родов:

«Да будет на то Твоя воля, Ашем, мой Б-г и Б-г моих отцов, Владыка милосердный и дарующий милосердие, что как Ты избавил меня от этого великого страдания и от этой величайшей опасности, так да будешь Ты милосерден избавить от этой опасности всех дочерей Авраама, Ицхака и Якова – потомство любимых Тобою; и так же, как избавил меня сейчас, так соверши мне доброе знамение во всякий раз, когда я буду рожать.

Да будет угодно Тебе подготовить пропитание Своему рабу – этому младенцу – обильное молоко, достаточное, чтобы утолить его потребности, и подскажи мне срок, когда нужно накормить его, и сделай мой сон лёгким, и в час, когда он заплачет, раскрой мой слух, чтобы я услышала его сразу. И избавь меня, чтобы не упала моя рука на него во время сна, и не умер бы он, не дай Б-г».

Я не думаю, что все эти подробности покажутся вам натурализмом. Религиозное чувство еврея хочет, чтобы Господь входил во все сферы его жизни, а не был только Богом духовного мира.

И как не вспомнить наставления так хорошо известного вам ребе Шауля: «Всё от Него, Им и к Нему».

Пришло время благодарить вас за внимание, терпение, за активный интерес к моим лекциям.

Надеюсь, что полученная вами информация будем вам на пользу в вашем пастырском труде.

До свидания.

К выходу Алексея Григорьевича провожал отец Павел:

– «Доктор, я щадил Вас, видя плотную загруженность времени, и поэтому не задал Вам ни одного вопроса. Но можно всё-таки спросить, как говорится, под занавес? Почему иудаизм такой закрытый?»

Ведь то, что Вы нам излагали, – это же сплошное откровение для нас. Мы, христиане, всё-таки в какой-то мере осознающие, от какого корня выросло древо Церкви, – что ж удивляться, что люди вне Церкви имеют об иудаизме самые невежественные представления?».

– «Оставим в покое «людей вне Церкви», как Вы сказали, уважаемый настоятель; они понимают евреев так, как их понимают в христианстве. Если бы это понимание было библейским, то за две тысячи лет оно соответственно влияло бы и на светских людей. Но проблема прежде всего в нас.

Что касается закрытости иудаизма... Если бы не было различных навязчивых фобий, когда всё то, что не похоже на меня, вызывает настороженность и подозрительность, то иудаизм нам был бы более понятен. Но наличие фобий – это показатель неразвитого духа, опирающегося в основном на зоологические инстинкты.

Иудаизм – не есть специально закрытый мир, куда могут входить лишь посвящённые, вроде масонства. Иудеи не отталкивают никого; в синагогу вас пропустят, не спрашивая пароля. Но всякий культурный человек знает: входя в культовое здание любой религии, нужно знать самые простые правила поведения, характерные для данного места. Не знаешь – спроси, спросить всегда есть у кого. К примеру: в молитвенный зал синагоги можно входить, надев на голову кипу (помнится, я Вам о ней говорил); своей кипы нет – дадут на месте. Кипа – знак главенства Бога над человеком, и если ты даже атеист, порядок должен уважать. Праздное любопытство, равнодушие, снисходительно-насмешливый взгляд, – это всё надо оставить на улице, и лучше никому с этим не входить. Стена будет глухая, и это будет справедливо; кому, спрашивается, приятно, если к святому для верующего человека месту будут относиться пренебрежительно?

Но если вы соблюдаете правила приличия, то не рассчитывайте, что вам будет понятно ВСЁ. Дело даже не в иврите, на котором проходит богослужение (хотя – Вы видели сами – молитвенники изда ны на иврите, плюс перевод на русский). Там очень много своего образа мышления, там своя особая ментальность. Но Бог – Тот же! И

если вы духовно сформированы не только на Новом Завете, но и на Библии в целом, то вы с заведомым уважением будете относиться к происходящему в синагоге, даже если вам там ничего не понятно. Тогда читайте молитвенник по ходу богослужения; кантор, ведущий службу, перелистывает номера страниц, которые крупным форматом висят у него над головой, и вы можете следить за чтением, не путаясь. В крайнем случае, вам сосед подскажет.

Но главное – быть способным вмещать другое, не похожее на твоё привычное. Мне очень нравится это слово – «вмещать»; я его воспринял от ап. Павла, этого мудрого еврея, когда он обращался к коринфянам: «Вместите нас». В еврейском переводе это звучит более доходчиво: «Дайте нам место в своих сердцах». Если мы заранее настроены на отторжение, на возражение, то вы и будете отторгать и возражать. Вы не сможете всё это вместить в себя. Я не говорю о том, что все понятия иудаизма должны стать обязательно вашими понятиями; но услышать в молитвах евреев и свою молитву – это и значит дать место в себе, вместить.

Многое обусловлено сугубо своей культурой, и это тоже надо воспринимать с пониманием. На днях будет праздник Симхат Тора – «Радость Торы», праздник, знаменующий собой завершение чтения годовичного цикла Св. Писания. Из «арон кодеш», специального хранилища (вроде как ковчега Завета), извлекают свиток Торы; читают по отдельности семь соответствующих текстов из неё, и в промежутках между чтением очередной иудей, держа свиток в руках, ходит вокруг бимы, этой возвышенности, где обычно разворачивают свиток для чтения. «Ходит» – это почти ничего не сказать! Несущий в свой черёд свиток Торы ходит, приплясывая и напевая какую-либо песню, и все мужчины, присутствующие при этом, тоже пляшут вокруг, радуясь Торе. Мне приятно сознавать, что и я участвовал в этом действе, – для меня это было честью. Обряд этот восходит к древним временам, когда ковчег Божий, внутри которого были скрижали Моисея, вносили в Иерусалим, и царь Давид, знаменитый псалмопевец и пророк, плясал вместе с ликующим народом. Непривычно для нас, да? Но это – еврейская религиозная культура, и нам не следует уподобляться чванливой жене Давида, когда она упрекнула мужа, что он как-бы унизил себя перед людьми. Но Давид ответил Мелхоло: «... перед Господом играть и плясать буду...», – а играть на музыкаль-

ных инструментах он был мастер, если своей игрой мог усмирять даже злой дух Саула.

Иудаизм не так уж прост и доступен. Я что-то знаю о нём, но та информация, которую я в течение недели вам излагал, всё же капля в море непознанного. Невозможно всё знать нееврею, если и сами евреи знают далеко не всё об иудаизме. Но в этом ли проблема? Иногда читаешь у них такое, что становится, мягко говоря, неловко. Ну вот, просто по памяти: «Язычник, занимающийся Торой, равен первосвященнику». Это что же получается: я, нееврей, признан иудаизмом в таком высоком сане? Или: «Лучше быть праведным неевреем, чем неправедным евреем». Конечно, это не провозглашается как некая доктрина, но уже само то, что в иудаизме могут воздавать должное по справедливости, – это весьма ценно.

Кстати, там нет глухой стены для неевреев. Еврей в иудаизме – это не только тот, кто родился от еврейской женщины. Если кто-либо из язычников примет Тору и обязательства исполнять все мицвот (заповеди), то, принимая гиюр – переход в иудаизм, он тоже считается евреем с равными правами. Это, правда, не такой уж частый случай, но это есть. У меня была возможность наблюдать весьма близко подобный процесс. У моего бывшего приятеля, – сейчас он до невозможности праведный, и общение со мной не для него, – сын, совершенно непонятно по какой причине, вдруг стал вникать в иудаизм; стал самостоятельно изучать иврит, читать что-то по иудаизму. Его заметили приехавшие из подмосковной йешивы, еврейского учебного заведения, и пригласили учиться. Парень поступил туда, прошёл гиюр, стал евреем; по окончании йешивы его направили повышать своё религиозное образование в Израиль(!), и там он стал даже гражданином этого государства. Дальше смысла нет рассказывать, но вот Вам наглядный пример. Отец его ещё тогда, в начале, был в крайнем недоумении и спрашивал меня, как ко всему этому относиться. Семья-то была русская. Что я ему мог сказать? – единственно только то, что сын ведь не учится чему-то дурному; он читает то же Св. Писание, которое читаем и почитаем мы; он свято верит в Единого Бога, в Которого веруем и мы. Чего же более? А остальное – дело прикладного характера. Сказал же мудрец Гиллель в своё время: « Не делай другому того, чего не желаешь себе; в этом вся Тора, а остальное – комментарии».

И всё же, памятуя формулировку Вашего вопроса, не могу не согласиться в том, что иудаизм для нас – явление закрытое. Ведь там не занимаются миссионерством, как это принято в христианстве.

Раввины не устраивают открытые призывные богослужения с целью привлечь в иудаизм неевреев. Да, мы знаем, что существует такое понятие – «прозелитизм», т.е. обращение из язычников. Но, повторяю, это не происходит из-за активных целенаправленных действий со стороны самого иудаизма. Насколько я знаю, если кто из неевреев пожелает принять гиюр, то его в синагоге даже отговаривают, выставляя различные аргументы.

И напоследок по этому вопросу: а почему, собственно, иудаизм должен держать себя нараспашку, если так можно сказать? Разве горький опыт прошлых веков общения с христианством не научил его быть осторожным в откровенности? Христианство, к нашему стыду, слишком часто много и настойчиво требовало от евреев то, что требовать никак было нельзя, – и добилось лишь обратных результатов. К сожалению, этого в России многие не понимают до сих пор. На Западе – там на этот счёт стали более разумно рассуждать, по-христиански.

Всё. Я Вам откланиваюсь. Храни Господь».

Содержание

В начале было... начало.....	4
И был вечер, и было утро. День первый.....	19
И был вечер, и было утро. День второй.....	37
И был вечер, и было утро. День третий.....	56
И был вечер, и было утро. День четвертый.....	69
И был вечер, и было утро. День пятый.....	84
И был вечер, и было утро. День шестой.....	101

АЛЕКСАНДР БУЛГАКОВ

ЕВРЕЙСКИЕ МОЛИТВЫ ДЛЯ НЕЕВРЕЕВ

Подписано в печать Формат 60x84/16.
Усл. печ. листов . Гарнитура Times
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

ООО РИФ «Кварта»
Отпечатано с готовых диапозитивов
в репроцентре ООО РИФ «Кварта»
Воронеж, пер. Ученический, д. 5.